

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 15, 2024

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2024

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 15, 2024

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 7–15.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 7-15.

Научная статья

УДК 908:329(092)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-7-15

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЭТАП КАРЬЕРЫ Ю. П. ТРУТНЕВА

Николай Михайлович Филатов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

Filatov@pspu.ru

Аннотация. Биография заместителя председателя правительства РФ – полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрия Петровича Трутнева ещё ждёт своего исследователя. Мы берём на себя скромную задачу рассмотреть период его деятельности в комсомоле. Автор помимо открытых источников в периодической печати (в основном это интервью самого Ю. П. Трутнева) опирается на материалы комсомольского, партийного и государственного архивов Перми и области. В работе преимущественно используются историко-хронологический, историко-сравнительный методы исследования. Рассматриваются детство, юность, студенчество, деятельность в Пермском ГК и ОК ВЛКСМ, увлечение спортом, способствовавшим будущей хозяйственной и политической карьере Юрия Петровича. Недавнее переназначение полпредом президента на Дальнем Востоке в статусе федерального вице-преьера Юрия Петровича Трутнева, по оценке популярного еженедельника «Огонёк» не могло не привлечь дополнительное внимание к данному актору. Внешне не выделяясь, наш герой с юных лет старался формировать свою личность – здесь и учёба в школе, на горном факультете ППИ, совмещаемая с практикой, занятие спортом, работа в команде, немногословность, исполнительность и верность Пермскому краю.

Ключевые слова: Посёлок Полазна Добрянского района, Пермский политехнический институт, Пермский горком и обком ВЛКСМ, Юрий Петрович Трутнев

Для цитирования: Филатов Н. М. Комсомольский этап карьеры Ю. П. Трутнева // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 7–15. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-7-15>

Original article

KOMSOMOL STAGE OF Y. P. TRUTNEV'S CAREER

Nikolai M. Filatov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, Filatov@pspu.ru

Abstract. The biography of the Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Far Eastern Federal District Yuri Petrovich Trutnev is still waiting for its researcher. We undertake the modest task of examining the period of his activity in the Komsomol. In addition to open sources in the periodical press (mainly interviews with Yu. P. Trutnev himself), the author relies on materials from the Komsomol, party and state archives of Perm and the region. The work mainly uses historical-chronological, historical-comparative research methods. The childhood, youth, student years, activities in the Perm City Committee and the Regional Committee of the All-Union Leninist Young Communist League, passion for sports, which contributed to the future economic and political career of Yuri Petrovich are considered. The recent reassignment of the presidential envoy to the Far East in the status of federal Deputy Prime Minister Yuri Petrovich Trutnev, according to the popular weekly Ogonyok, could not but attract additional attention to this actor. Outwardly, without standing out, our hero tried to form his personality from a young age – here he studied at school, at the mining faculty of the PPI, combined with practice, playing sports, teamwork, laconicism, diligence and loyalty to the Perm region.

Keywords: Polazna settlement, Dobryansky district, Perm Polytechnic Institute, Perm city committee and regional committee of the All-Union Leninist Young Communist League, Yuri Petrovich Trutnev

For citation: Filatov N. M. Komsomol stage of Yu. P. Trutnev's career // Humanitarian studies. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;15:7-15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-7-15>

Введение

13 мая 2024 г. Госдума вновь утвердила Юрия Петровича Трутнева на должность заместителя председателя правительства РФ – полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе, которую он занял ещё в 2013 г. [Карпухин 2024]. Для проживающих в Пермском крае нет необходимости долго объяснять, почему актуально исследование биографии их бывшего губернатора Ю. П. Трутнева, чья карьера с марта 2004 г. резко пошла вверх, что даже заговорили о возможности его президентской карьеры. Жителям региона на посту Пермской городской и областной администрации он запомнился деловым, спортивным и немногословным. Невзирая на быстрое прохождение служебных ступенек, которое можно назвать политическим спуртом, до сих пор нет не только цельного исследования о нынешнем вице-премьере РФ, но даже приличного очерка о неполных четырёх годах его губернаторства. Что касается домёрского периода и предпринимательской деятельности Ю. П. Трутнева, тут больше легенд, слухов и апологетики, чем реальных документальных свидетельств.

К сожалению, наши чиновники быстро ориентируются в ситуации и начинают на всякий случай «секретить» материалы, которые, по их мнению, могут создать не самое благоприятное впечатление о человеке, вдруг ставшем vip-персоной федерального масштаба. Их можно понять и в чём-то даже последовать примеру, но нам удалось ещё в 2000–2003 гг. поработать в местных архивах, когда мало кто мог предположить о больших перспективах пермского градоначальника и потому предлагаем в данной статье своеобразный очерк комсомольской юности нашего героя.

Эпиграфом к нему могли бы послужить собственные слова Ю. П. Трутнева о деятельности в комсомольском аппарате: «Мы занимались очень важной работой, которая сейчас, к сожалению, развалена. У нас были студенческие стройотряды, молодёжные слеты. Там люди встречались, пели песни, костры жгли, просто по-доброму общались» [Витрина 96: 2024].

Основная часть

Детство и юность. В 1949 г. в пос. Полазна Добрянского района Молотовской области (ныне Пермского края) по распределению после окончания геологоторазведочного техникума приезжает 23-летний бывший сварщик металлургического завода Пётр Никифорович Трутнев. Вместе с молодой женой Анной Ивановной они будут трудиться в нефтяной отрасли. Проработав шесть лет оператором, мастером по ремонту нефтяного оборудования, он от механика, мастера по добыче нефти и газа дорастёт до начальника ПТО НГДУ «Полазланефть» объединения «Пермьнефть» [Музей пермской нефти 2024; Копылова 1996].

1 марта 1956 г. в семье Трутневых рождается мальчик, которого назовут Юрием. Детство знаменитости проходило на берегу живописного Камского водохранилища. Именно здесь пятилетний подросток впервые показал свой характер. Оказавшись на глубине больше своего роста и ещё не умея плавать, он начал быстро тонуть, однако ни барахтаться, ни звать на помощь никого не захотел, а просто пошёл по дну, время от времени выныривая, чтобы набрать воздуха. Перепуганной матери, увидевшей странное поведение сына, мальчишка невозмутимо заявил: «Я уже всё придумал и дошёл бы до берега сам» [Копылова 1996].

Отца, бывало, не видели дома сутками: аварии на нефтепроводе происходили регулярно [Юрий Трутнев 2024]. Часто во время командировок родителей и постоянно летом Юра со своей сестрой [Ванденко 2024] жили у бабушки с дедушкой Иваном в деревне. Прошедший войну от звонка до звонка ветеран слыл довольно жёстким человеком и очень рано начал приобщать внука к труду [Пермская трибуна. 2014, 29 октября].

В местной поселковой школе Юра Трутнев был обычным учеником, не поражая окружающих своими способностями и талантами. Однако, когда его заводили, он ставил себе цель и добивался её исполнения. В интервью известному журналисту А. Ванденко он рассказал историю. В десятом классе учительница по математике вкатила ему «тройку» в четверти, что стало событием из ряда вон. Известно было, что подросток всегда получал хорошие отметки, хотя в учёбе не слишком напрягался. А тут мало того, что вlepили «тройку», так ещё при всем классе сказали, что это и есть истинный уровень способностей Трутнева. Лучший раздражитель для парня придумать было трудно. Естественно, он немедленно взвился и, наверное, впервые в жизни с усердием засел за учебники. В итоге вступительные экзамены в политех по физике и математике устно и письменно сдал на «отлично». Даже члены приемной комиссии удивлялись: надо же, деревенская школа, а такой уровень подготовки! [Ванденко 2024].

Как видите, Юрий Петрович решил пойти по стопам родителей и в 1973 г. поступил на горный факультет Пермского политехнического института [Трутнев Юрий Петрович 2024]. С первого по третий курс Юрию не особо налегал на учёбу, зато испытал все прелести студенческой жизни. По рассказам однокурсников, на экзамены он приходил при полном параде и ... налегке, не уча, честно просил товарищей рассказать тот или иной вопрос, целенаправленно вытаскивал у преподавателя нужный ему билет, отвечал с блеском в глазах, получал своё в зачётку и уходил в ореоле славы [Мулин 2013]. Друзья по общежитию, где жил полазнец, жарили привезённую им из дома родительскую картошку, а он мыл за ними от жира чугунную сковородку. По ночам сам разгружал вагоны с мясом, летом шабашил на стройках, участвовал и в драках стенка на стенку. В студенческие годы был общественным

охотинспектором. По словам Трутнева, тогда за каждого пойманного нарушителя «общественникам» платили половину штрафа, что было серьёзной прибавкой к стипендии [Ванденко 2024].

Ещё во время учёбы Юрий работал по специальности – помощником бурильщика, оператором по добыче нефти и газа в НГДУ «Полазнанефть» и «Коминнефть». Рано женился, но брак оказался неудачным и быстро распался, так что он предпочитает о нём не вспоминать. В 1978 г. после окончания Пермского политехнического института и получения специальности «горный инженер» Ю. П. Трутнева распределяют в Пермский научно-исследовательский и проектный институт нефтяной промышленности младшим научным сотрудником [Филатов, Андреев 1994: 27].

Именно там недавний студент увидел объявление о наборе в школу карате. Об этом виде единоборств раньше он только читал, ибо в Советском Союзе занятие им запрещали вплоть до уголовной ответственности. Однако рискованный товарищ решил посмотреть, что за зверь такой заморский. Зашёл в борцовский зал и ... лет на 20 остался в нём. Сегодня Юрий Петрович обладатель 5-го дана по карате киокусинкай, так отмечены его выступления в молодости за сборную Советского Союза [Ванденко 2024].

Если спорт сотрудника НИИ нефти захватывал, то к науке его душа совершенно не лежала и вся его деятельность в аспирантуре ограничилась тезисами на конференции по теме «Особенности эксплуатации скважин открытым забоем» [Коробейников 2024].

Пермский горком ВЛКСМ. Ещё в 1979 г. Юрия Трутнева¹ сделали заместителем секретаря комитета комсомола ППИ по идеологии (таких тогда называли «подснежниками») и избрали кандидатом в члены Пермского горкома ВЛКСМ. Здесь он оказался востребованным и в июне 1981 г. принял предложение перейти на освобождённую работу в горком инструктором отдела комсомольских организаций.

Там Трутнев курировал работу комсомольских организаций НИИ, КБ, а также предприятий транспорта и строительства [ПермГАСПИ Ф. 1753. Оп. 15. Д. 9. Л. 10; Оп. 16. Д. 3. Л. 22]. За три месяца трудовой деятельности молодой специалист показал себя трудолюбивым, дисциплинированным и исполнительным инструктором, доводящим любое дело до завершения. Вскоре он становится ответственным работником аппарата ГК ВЛКСМ, занимаясь научно-техническим творчеством молодёжи (НТТМ) [ПермГАСПИ Ф. 1753. Комсомольский активист Оп. 16. Д.1. Л. 78.]. В то время под вывеской этих центров скрывался бизнес. Слово «молодёжь» активно эксплуатировалось в новой экономике страны. Сложилось даже устойчивое словосочетание: МП – молодёжное предприятие. Всякого рода ассоциации под туманными названиями типа «Молодёжь и социальный прогресс» пытались заниматься торговлей. Так у Ю. П. Трутнева формировалось экономическое сознание. В качестве яркого примера завуалированности зачатков капитализма приведём выдержку из протокола № 5 заседания пленума ПГК ВЛКСМ от 15 мая 1982 г., где задачами отдела учёной молодёжи и комсомольских организаций предписывалось: «... добиться массовости и эффективности научно-исследовательских работ будущих специалистов, организовать

¹ На фотографии комсомольский активист ППИ Ю. П. Трутнев [Третьякова 2018].

работу так, чтобы каждый студент за период обучения прошёл школу труда и научной деятельности в кружках, студенческих обществах, трудовых коллективах; повысить роль советов молодых учёных и специалистов в формировании повышения профессионального уровня молодых учёных, специалистов, инженеров и техников, организации смотров и выставок НТТМ, организации школ молодых рационализаторов; особое внимание обратить на улучшение работы со школьными научными обществами. Способствовать формированию самообразования, развитию НТТМ» [ПермГАСПИ Ф. 1753. Оп. 16. Д.1. Л. 78.].

О результатах проделанной работы Ю. П. Трутнев отчитывался по-разному: писал статьи в областной газете ВЛКСМ «Молодая гвардия» и выступал на заседаниях пленума ГК. Так в статье «На острие прогресса» инструктор горкома писал о конкурсе молодых учёных, о лучшей разработке и технологии, о присуждённых премиях [На острие прогресса // Молодая гвардия. 1982, 14 мая. С. 6].

За год работы в городском комитете молодым инструктором получен опыт общения с людьми, многие из которых пройдут с ним длинный и тернистый политический путь. В итоге ему поручают новые участки деятельности, например, проведение отчётно-выборных кампаний в комсомоле [ПермГАСПИ Ф. 1753. Оп. 15. Д. 11. Л. 2.], конкурса профессионального мастерства молодых штукатуров [ПермГАСПИ Ф. 1753. Оп. 16. Д. 6. Л. 8.] и др.

В этот период Ю. П. Трутнев тесно контактировал с секретарями ГК ВЛКСМ Г. Л. Пихтовниковым, В. И. Петенко, Н. А. Яшиным, заведующими отделом комсомольских организаций А. Б. Краевым и общего отдела Т. В. Бабушкиной [Коробейников, Коротких 2000: 227]. Несмотря на интересную работу, за которую он был удостоен знака «Лауреат научно-технического творчества молодёжи» [Коробейников 2024], Ю. П. Трутневу хотелось заниматься проблемами спорта, которыми он всерьёз увлёкся ещё на третьем курсе ППИ. Работа в горкоме комсомола познакомила инструктора со второй женой, мастером спорта по художественной гимнастике Мариной Львовной, 20.11.1957 г. р. Супруга в 1982 г. родила мужу первенца Дмитрия [Юрий Трутнев – биография знаменитости, личная жизнь, дети 2024].

Когда от А. А. Тёмкина в декабре 1982 г. поступило приглашение перейти в отдел спортивной и оборонно-массовой работы обкома ВЛКСМ, наш герой, не задумываясь, согласился. Теперь появилась возможность созидать не только для города Перми, но и области, занимаясь спортивными делами комсомольцев.

Инструктор обкома ВЛКСМ. Отдел спортивной и оборонно-массовой работы (ОС и ОМР) был совсем небольшим в отличие от подразделений, ведавших пропагандой и культурно-массовой деятельностью, но Юрию Петровичу доверили возглавить их объединённое комсомольское бюро, что значительно увеличивало его вес в аппарате.

Согласно протоколу № 39 отдел ОС и ОМР Пермского ОК ВЛКСМ был лидерам по командировкам в регион. Ю. П. Трутнев уже 4 января 1983 г. едет в Соликамск на областной финал шахматного турнира «Белая ладья» [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 34. Д. 29. Л. 1.]. В этом году ему предстоит побывать ещё в Оханске, Елово и Куеде [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 34. Д. 29. Л. 84.; Д. 31. Л. 77, 101.].

Важным для биографии комсомольского функционера будет упорядочение работы спортивных секций каратэ [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 34. Д. 9. Л. 14]. С его подачи было закрыто 19 секций, работавших с нарушениями. Комиссией была оставлена единственная

официально зарегистрированная школа борьбы каратэ, занятия которой проходили при НИИ «Галургия» (ДСО «Труд») под руководством аттестованных тренеров.

В феврале 1984 г. Ю. П. Трутнев по итогам январской поездки в Краснокамск публикует в «Молодой гвардии» статью «Мал да не дорог» о детских спортивных сооружениях в названном городе [Молодая гвардия. 1984. 3 февраля]. Благодаря этому материалу мы видим обычно скупого на эмоции человека, который искренне переживает за «удручающую картину», за ребяташек, которым негде проявлять свои спортивные таланты.

В феврале 1985 г. на заседании бюро обкома ВЛКСМ было принято решение о том, что «товарищ Трутнев примет участие в организации и проведении восьмой спартакиады народов РСФСР [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 37. Д. 40. Л. 56.], проходившей в Пермском районе. Это была ключевая командировка Трутнева в должности инструктора обкома ВЛКСМ, в ходе которой он знакомится с жизнью областного спортивного комитета Пермской области и её председателем С. А. Шелковниковым. Последний по завершении мероприятия пригласит Юрия Петровича в своё структурное подразделение, что будет взято им на заметку.

Завершилась работа инструктора обкома командировками в Губаху, Кизел и Березники [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 37. Д. 92. Л. 18, 82 – 83], поездкой руководителем группы в ГДР [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 37. Д. 45. Л. 37] и двумя статьями в «Молодой гвардии», посвящёнными детскому спорту и патриотическому воспитанию (Вы комиссары спорта! // Молодая гвардия. 1984, 6 апреля; На склоны Камчатки // Молодая гвардия. 1984, 6 июля).

Приём Ю. П. Трутнева кандидатом в члены КПСС в апреле 1985 г. совпал с назначением заведующего отделом студенческой молодёжи Пермского обкома комсомола [ПермГАСПИ Ф.78. Оп. 53. Д. 14. Л. 174; Коробейников 2024]. «На работе в аппарате обкома комсомола инструктор Трутнев зарекомендовал себя прекрасным исполнителем. Не будучи ярким генератором идей, полученные задания он доводил до конца. Действовал напористо и предпочитал полагаться на себя. Многие бывшие коллеги помнят его как человека не слишком разговорчивого, но внимательным к ним, особенно к женщинам. В борьбу политических страстей предпочитал не входить и свободомыслием не отличался. К своему руководству всегда был лоялен». Охарактеризовав таким образом нашего политического актора, местный журналист В. Ю. Коробейников приходит к убедительному выводу, что перечисленные качества позволили ему занять ещё одну ступеньку в управленческой иерархии. Правда, возглавленный Трутневым отдел был крохотным и фактически состоял из двух человек, его задачи не были чётко определены. Это не могло нравиться новому начальнику, уже тогда исповедовавшему сугубо деловой, прагматический подход в своей работе.

Командировки остались, поменялась лишь их география. Ю. Трутнев посетил несколько раз Губаху и Кизел, побывал в Чайковском, Лысьве, Чусовом, Кунгуре. Так в Губахе он оказался в бригаде обкома КПСС по проверке хода выполнения указа «Об усилении борьбы с пьянством» [ПермГАСПИ Ф. 1458. Оп. 37. Д. 93. Л. 81 – 82.].

Сам Ю. П. Трутнев спустя некоторое время так оценивал свою работу: «Наши идеологические позиции были честными. Глупостями не занимались, испортить жизнь человеку за политику не стремились. Подсознательно понимали, что такое хорошо и что плохо, поэтому я не стыжусь своего прошлого» [Коробейников 2024].

Уже упомянутый журналист пишет, что «с таких должностей уходили инструкторами в обком КПСС, что по тем временам было ещё престижно. Юрий Петрович предпочёл иное и даёт согласие председателю комитета по физическому воспитанию молодёжи Пермской области С. А. Шелковникову и 26 декабря 1986 г. становится его заместителем [ГАПК Ф. Р-564. Оп. 11. Д. 4688. Л. 6 – 8.]. Начиная с 1988 г. в стране шёл процесс смены кадров на всех этажах власти. Ставилась задача полностью обновить руководящий состав в течение 5–6 лет [Климов 2003: 27].

17 декабря 1988 г. Ю. П. Трутнев тоже попадает под сокращение аппарата [ГАПК Ф. Р-564. Оп. 11. Д. 4688. Л. 6–8]. В СССР начались бурные изменения, открывались новые возможности, представлявшие зачастую достаточно зыбкими и связанными с риском. Ю. П. Трутнев решил уйти в кооперативное движение, фактически в бизнес, став одним из первых в Перми предпринимателей.

Заключение

Недавнее переназначение полпредом президента на Дальнем Востоке в статусе федерального вице-преьера Юрия Петровича Трутнева, по оценке популярного еженедельника «Огонёк», разом переплюнувшее в неформальном рейтинге пермских выходцев союзного ещё министра целлюлозно-бумажной промышленности Галаншина, первого полпреда в УФО генерала Латышева и экс-генпрокурора РФ Степанкова [Мулин 2013], не могло не привлечь дополнительное внимание к данному актору. Раскрывая самую романтическую страничку жизнеописания нашего героя, выражаем надежду на создание полноценного портрета Ю. П. Трутнева.

Список литературы

1. Ванденко А. Первые лица. URL: <https://tass.ru/top-officials/2540576> (дата обращения: 2024).
2. Витрина 96. URL: <https://vitrina96.ru/ventilation/yuriya-trutneva-trutnev-yurii-petrovich-semya-i-uvlecheniya/> (дата обращения: 2024).
3. Интервью Юрия Трутнева // Пермская трибуна. 2014, 29 октября.
4. Карпухин С. Что известно о Трутневе. URL: <https://tass.ru/info/20782535> (дата обращения: 2024).
5. Климов А. А. Профессия – депутат. Пермь : ПИТ-фонд, 2003. 272 с.
6. Копылова Н. Восхождение // Звезда. 1996, 16 ноября. С. 2.
7. Коробейников В. Ю. Особая папка // Местное время. 1992, 15 декабря. С. 4.
8. Коробейников В. Ю., Коротких Н. А. Прикамье на рубеже веков: лидеры, 100 портретов. Пермь : Агентство «Стиль-МГ». 2000. 345 с.
9. Музей пермской нефти. Книга трудовой доблести. URL: <https://permoil-museum.ru/muzeum/ktd/0/208> (дата обращения: 2024).
10. Мулин С. Резкий кадр // Огонёк. 2013, № 35. С. 16.
11. Третьякова Е. К юбилею ВЛКСМ: восемь самых известных пермских комсомольцев // Комсомольская правда. 2018, 25 октября.
12. Трутнев Юрий Петрович. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 2024).
13. Филатов Н. М., Андреев Н. В. Законодательное собрание Пермской области. Пермь : МП «Реал». 1994. 30 с.
14. Юрий Трутнев. URL: <https://24smi.org/celebrity/19589-iurii-trutnev.html> (дата обращения: 2024).

15. Юрий Трутнев – биография знаменитости, личная жизнь, дети. URL: <https://yutais.ru/otechestvennye/yurij-trutnev-biografiya-znamenitosti-lichnaya-zhizn- deti.html> (дата обращения: 2024).

Список источников

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Фонд № Р-564 «Пермский облисполком».
2. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Фонд № 1458 «Пермский обком ВЛКСМ», фонд № 1753 «Пермский горком ВЛКСМ», фонд № 78 «Ленинский РК КПСС».
3. Трутнев Ю. На острие прогресса // Молодая гвардия. 1982, 14 мая. С. 6.
4. Трутнев Ю. П. Мал да не дорог // Молодая гвардия. 1984. 3 февраля. С. 4.
5. Трутнев Ю. П. Вы комиссары спорта! // Молодая гвардия. 1984, 6 апреля. С. 4.
6. Трутнев Ю. П. На склоны Камчатки // Молодая гвардия. 1984, 6 июля. С. 1.

References

1. Vandenko A. Pervye litsa [First persons]. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/top-officials/2540576> (accessed: 2024).
2. Vitrina 96 [Showcase 96]. (In Russ.). Available at: <https://vitrina96.ru/ventilation/yuriya-trutneva-trutnev-yurii-petrovich-semya-i-uvlecheniya/> (accessed: 2024).
3. Interv'yu Yuriya Trutneva [Interview with Yuri Trutnev]. *Permskaya tribuna* [Perm Tribune]. 2014, October 29. (In Russ.).
4. Karpukhin S. Chto izvestno o Trutneve [What is known about Trutnev]. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/info/20782535> (accessed: 2024).
5. Klimov A. A. Professiya - deputat [Profession: deputy]. Perm, PIT-fond, 2003, 272 p. (In Russ.).
6. Kopylova N. Voskhozhdenie [Ascent]. *Zvezda* [Star]. 1996, November 16, p. 2. (In Russ.).
7. Korobeynikov V. Yu. Osobaya papka [Special folder]. *Mestnoe vremya* [Local time]. 1992, December 15, p. 4. (In Russ.).
8. Korobeynikov V. Yu., Korotkikh N. A. Prikam'e na rubezhe vekov: lidery, 100 portretov [Prikamye at the turn of the century: leaders, 100 portraits]. Perm, Agentstvo «Stil'-MG», 2000, 345 p. (In Russ.).
9. Muzey permskoy nefi. Kniga trudovoy dobrosti [Perm Oil Museum. Book of Labor Valor]. (In Russ.). Available at: <https://permoil-museum.ru/muzeum/ktd/0/208> (accessed: 2024).
10. Mulin S. Rezkij kadr [Sharp shot]. *Ogonek* [Tail]. 2013, no. 35, p. 16. (In Russ.).
11. Tret'yakova E. K yubileyu VLKSM: vosem' samykh izvestnykh permskikh komsomol'tsev [For the anniversary of the Komsomol: eight of the most famous Perm Komsomol members]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda]. 2018, October 25. (In Russ.).
12. Trutnev Yuriy Petrovich [Trutnev Yuri Petrovich]. (In Russ.). Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 2024).
13. Filatov N. M., Andreev N. V. Zakonodatel'noe sobranie Permskoy oblasti [Legislative Assembly of the Perm Region]. Perm, МР «Real», 1994, 30 p. (In Russ.).
14. Yuriy Trutnev [Yuri Trutnev]. (In Russ.). Available at: <https://24smi.org/celebrity/19589-iurii-trutnev.html> (accessed: 2024).
15. Yuriy Trutnev - biografiya znamenitosti, lichnaya zhizn', deti [Yuri Trutnev - celebrity biography, personal life, children]. (In Russ.). Available at: <https://yutais.ru/otechestvennye/yurij-trutnev-biografiya-znamenitosti-lichnaya-zhizn- deti.html> (accessed: 2024).

List of sources

1. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (GAPK) [State Archives of Perm Krai (GAPK)]. Fund No. R-564 "Perm Regional Executive Committee". (In Russ.).
2. Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (PermGASPI) [Perm State Archive of Social and Political History (PermGASPI)]. Fond № 1458 "Perm regional committee VLKSM", fond No. 1753 "Perm city committee VLKSM", fond No. 78 "Leninskiy RK KPSS". (In Russ.).
3. Trutnev Yu. Na ostrie progressa [On the cutting edge of progress]. *Molodaya gvardiya* [Young Guard]. 1982, May 14, p. 6. (In Russ.).
4. Trutnev Yu. P. Mal da ne dorog [Small but not expensive]. *Molodaya gvardiya* [Young Guard]. 1984, February 3, p. 4. (In Russ.).
5. Trutnev Yu. P. Vy komissary sporta! [You are the commissioners of sports!]. *Molodaya gvardiya* [Young Guard]. 1984, April 6, p. 4. (In Russ.).
6. Trutnev Yu. P. Na sklony Kamchatki [To the slopes of Kamchatka]. *Molodaya gvardiya* [Young Guard]. 1984, July 6, p. 1. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. М. Филатов – кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Information about the author

N. M. Filatov – Ph. D. (History), Associate Professor,
Department of Russian and World History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 10.08.2024.

The article was submitted 05.06.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 10.08.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 16–27.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 16-27.

Научная статья

УДК 821.161.1(092)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-16-27

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА ОМСКОГО ПОЭТА АНДРЕЯ КЛЮЧАНСКОГО

Евгений Павлович Каргаполов

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск, Россия,
sirius2015EP@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется творчество омского поэта Андрея Ключанского. Актуальность исследования творчества Андрея Ключанского обосновывается тем, что, при написании своих произведений автор опирается на философию сюрреализма. В отобранных нами произведениях реальность глубоко спрятана в бессознательном лирического героя. Использование методологии философии сюрреализма придаёт его произведениям оригинальный и неповторимый рисунок. Предмет исследования – метод философии сюрреализма, используемый в творчестве поэта; объект – произведения, посвященные темам сновидений. Отмечается, что в стихотворениях А. Ключанского растворяются сюжеты, как элементы жизнеподобия, одновременно приходит неопределенность и новый метод моделирования действительности. Анализируются формы сверхреальности сновидений. В сновидениях лирических героев просматривается раздражение страха. Созданные образы наслаиваются друг на друга. Набор слов, как выход образов бессознательного, при рассмотрении под другим углом обретают смысл. Поэт пытается проникнуть в своё Я и это глубинное Я оформить содержательно в своих произведениях.

Ключевые слова. А. Ключанский, сновидения, творчество, сюрреализм, психоанализ

Для цитирования: Каргаполов Е. П. Тема сновидений в творчестве омского поэта Андрея Ключанского // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 16–27.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-16-27>

Original article

ORIGINALITY OF THE ARTISTIC METHOD OF THE OMSK POET ANDREY KLUCHANSKY

Evgeny P. Kargapolov

Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia, sirius2015EP@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the work of Omsk poet Andrei Klyuchansky. The relevance of the study of Andrei Klyuchansky's work is justified by the fact that, when writing his works, the author relies on the philosophy of surrealism. In the works we have selected, reality is deeply hidden in the unconscious of the lyrical hero. The use of the methodology of the philosophy of surrealism gives his works an original and unique drawing. The subject of research is the method of surrealism philosophy used in the poet's work; the object is the works devoted to dreams. It is noted that in the poems of A. Klyuchansky the plots dissolve as elements of life-similarity, at the same time comes uncertainty and a new method of modeling reality. The forms of super-reality of dreams are analyzed. In the dreams of lyrical characters the irritation of fear is seen. The created images are layered on each other. A set of words, as an output of images of the unconscious, when viewed from a different angle acquires meaning. The poet is trying to reach into his own self and to express this deep self in a meaningful way in his works.

Key words. A. Klyuchansky, dreams, creativity, surrealism, psychoanalysis

For citation: Kargapolov E. P. Originality of the artistic method Omsk poet Andrey Kluchasky. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;15:16-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-16-27>

Введение

Актуальность исследования творчества Андрея Ключанского обосновывается тем, что, по нашему мнению, при написании своих произведений автор опирается на философию сюрреализма. «Свободный стих», по-видимому, дает поэту дополнительные возможности при раскрытии своего творческого плана. В отобранных нами произведениях реальность глубоко спрятана в бессознательном лирического героя. Использование методологии философии сюрреализма придает его произведениям оригинальный и неповторимый рисунок. Всё вышесказанное свидетельствует об актуальности анализа произведения А. Ключанского.

Основная часть

Слово *сюрреализм*, от французского слова *surrealite*, означает *сверхреальность*. Сюрреализм – это художественное течение, возникшее в Западной Европе в рамках модернизма, характеризующееся поиском «подлинной реальности», которая им представляется вне рационализма. М. А. Можейко отмечает, что сюрреализм – это «... тенденция поиска «подлинной реальности» и открывающая таковую в личностно-чувственной сфере субъективности» [Можейко 2001: 1046]. Сюрреализм с осторожностью относится к сфере разума, который, по мнению их представителей, рождает часто иллюзии бытия. Сюрреализм проявился в таких художественных течениях, как экспрессионизм, кубизм, дадаизм, футуризм. По мнению представителей этого направления, подлинная реальность есть продукт бессознательной, чувственной, даже мистической сферы личности.

Эстетическая тенденция одного из основателей сюрреализма Бретона усматривает зону подлинного бытия или зону свободы в таких феноменах, как детство и сон; а испанский художник С. Дали – в интуиции. Сальвадор Дали, говоря о своем художественном методе, пишет: «Как вы хотите понять мои картины, если я сам не понимаю, когда их создаю? Тот факт, что в этот момент, когда пишу, не понимаю свои картины, не означает, что эти картины не имеют никакого смысла, напротив, их смысл настолько глубок, сложен, связан, произволен, что ускользает от простого логического анализа» [Дали 2015]. Настоящий художник, по мнению автора, свои образы и сюжеты черпает из своего чувственного опыта, из своего Я.

О методе погружения в своё «Я» А. Ключанский говорит в стихотворении «Введение в начальную нейторнавтику».

*И тот же ветер в синапсах нейронных
сетей вещует и нарацивает шум
таких же симфонических неровных,
и бледным юнгой мечется мой ум
отчаявшихся стать матросом – малышу
хвататься не зато что в потоках непокорных:
не знает он, что знать давно обязан,
что капитан здесь – Бог, душа и вздох,
а автор этих строк метафорой привязан
к одной из мачт, и выдыхает срок* [Ключанский 2009]

В произведениях сюрреалистов на место системы образов пришла система символов. Эти символы имеют неограниченное количество вариантов интерпретации. По мнению исследователя сюрреализма Вл. А. Лукова, «Из литературы сюрреализма ушли сюжеты как элемент жизнеподобия, жанровая определённость как способ обращения к ожиданиям читателей; на их место пришли шокирующая неопределённость и новый способ моделирования действительности, который можно определить, как её переструктурирование» [Луков 2017: 51–52]. Разложение сюжета произведения на отдельные элементы есть характерная черта сюрреализма. Для это сюрреалисты разрушают традиционную композицию текста. Они считают, что разрушать текст необходимо для того, чтобы прийти к новому пониманию его. Вл. А. Луков отмечает, что «... в литературе сюрреалисты стремились разрушить традиционную композицию, сделать не только безжанровый, но и безкомпозиционный текст. Однако свою задачу они усматривали не в тотальном разрушении, а в переходе от одного понимания композиции к другому: это новое понимание должно было сблизить композицию с характером функционирования сознания и подсознания» [там же: 52]. Сюрреализм от интеллекта художника требует неконтролируемого, не поддающегося никаким сознательным методам творчества. Одной из форм бессознательного, к которой обращаются поэты, являются сновидения.

Бессознательное и чувственное выступают исходной предпосылкой сюрреализма. В поэзии сюрреализм отдаёт предпочтение «... изображению, описанию мечтаний, галлюцинаций, видений, ассоциаций, вызывающих возбуждение, которые преднамеренно строятся как алогичная связь представлений» [Философский словарь 2003]. Сновидение есть результат действия желаний, вызывающих возбуждение во время сновидений. Эти желания не провоцируются сознанием; они результат произвольной психической активности. По мнению К. Г. Юнга, «... сновидение есть, строго говоря, в высшей степени объективный, естественный продукт психики, от которого можно ждать указаний, или по меньшей мере намёков, на определённые базовые тенденции в психическом процессе» [Юнг 2021: 17]. Как отмечают представители сюрреализма, образы и мысленные ассоциации, возникающие во время сновидений, более реальны, чем принято об этом думать.

Следовательно, исследование поэтического творчество с позиции философии сюрреализма есть попытка «очищения мышления от насилия логики», концентрация внимания на «фокусировке языка и сознания как современной реальности», поиске изначальности.

Творчество А. Ключанского

А. Ключанский – омский поэт, автор сборников стихотворений «Хочу домой» (2002), «Бесследная душа» (2003), «Настой из летних трав и настоящего» (2009), книги сказов «Медведь, который всё придумал» (2004, в соавторстве с О. Красковой) и других сборников. Его произведения публиковались в журналах и альманахах «Арион» и «Дети Ра» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Иркутское время» (Иркутск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина», «Омская муза» и «Литературный Омск» (Омск) и др. Поэт пишет свои произведения свободным стилем. Поэт практикует контролируемые сновидения, занимается медитацией и йогой, одной из основных своих страстей называет переживания озарения. Его творчество начинает привлекать внимание просто любителей поэзии, филологов [Каргаполов, Абдыжапарова 2023].

Творчество А. Ключанского, несомненно, вызывает интерес у читателя. При первом знакомстве в его стихотворениях сложно усмотреть логические связи и последовательность описываемых событий. Временной пласт произведения зачастую сложно определить однозначно: прошлое, настоящее и будущее то связаны, то разрываются, то наслаиваются одно на другое... Сложно однозначно определить модальность текста – реальная или ирреальная. Образы из одного стихотворения переходят в другие. Таким образом раздвигаются рамки литературного произведения, вернее, размываются.

Об оригинальности поэтических текстов можно судить уже по их заглавиям. Например, название одного стихотворения внесено в квадратные скобки – «... [история одного сновидения]...». В нём поэт описывает сновидения, навеянные персонажу эмоциями, которые он испытывает в реальной для него жизни. Герой находится одновременно в трёх пространствах и совершает различные действия, которые, накладываясь друг на друга, формируют в памяти героя какой-то не очень понятный рисунок. Так как такое состояние человека невозможно в действительности, поэт создаёт образ бытия в нереальности, то есть во время сновидения.

В интервью М. Исаевой («Омск Здесь») А. Ключанский вспоминает случай, когда на одной из встреч с читателями ему задали вопрос: «Слово, которое нельзя произносить...», – строка из вашего стихотворения. А у тебя есть такое слово?» ответил: «Это как в Библии: «В начале было слово...» И слово – это не только символ, это и звук. Есть такая теория, что в начале был звук. Мне кажется, он /оно ещё не закончено, не произнесено. Иосиф Бродский говорил, что поэзия – высшая форма существования языка. Слово объединяет всё: образы, звук, интонацию. Это нельзя произнести, это ещё не договорено...» [https://jmskzdes.ru/interviews/74584.html]. Для поэта «слово-мысль» – это не обязательно конкретная лексическая единица с определённым звуковым обликом и понятием, дефиницией, с которой можно при желании ознакомиться в словаре. Для него это то, что ещё даже не рождено, не произнесено... Возможно, поэт ищет истинность значения слова и его естество (в широком смысле слова) в бессознательном, а это, вероятнее всего, во снах, где желания раздражают бессознательное и побуждают проявляться образам, звукам, интонации.

В произведениях А. Ключанского сливаются в одно целое отрывки разных сновидений и герой видит то волка, то судоргу, то экран, то море, то дом, то народ, то небо и т. д. Все эти образы не связаны друг с другом. Вот что говорит А. Ключанский о своем творчестве:

«Данный сбор поэтических текстов ещё слегка интерактивен. Иногда некоторые строки одного стихотворения могут найти себя или своё развёрнутое продолжение в другом стихотворящем потоке, или вдруг стать началом следующего таинства и так далее ... как в жизни ... и деревьев, и рек, и ...» [Ключанский 2009: 3]. Такие размышления близки высказываниям Карла Густовича Юнга, который считал, что «следам сновидений свойственна некоторая непрерывность». Бессознательное имеет свою структуру и динамику. Желания, представленные в форме сновидений, выталкиваются в предсознание, через которое они попадают в воспоминания сознания. Но не все сновидения могут прорваться через предсознание, поэтому можно говорить только о их следах.

Образы сновидений

Тема сновидений имеет важное значение в понимании сюрреалистической концепции творчества поэта. Полагаю, что А. Ключанский усматривает зону подлинного бытия и свободу в феномене сновидений. В рассматриваемых произведениях реальны только те образы, которые возникают во время сновидений. В своем творчестве поэт использует методы психоанализа, с помощью которых проникает в глубь бессознательного лирического героя. Таким образом поэт разрушает традиционную композицию текста, переходит, насколько это возможно, к новому пониманию этого текста. И в целом можно с большой долей вероятности предположить, что он не только знаком с произведениями классиков сюрреализма и психоанализа, но и активно использует их методы в своем поэтическом творчестве.

Один из классиков сюрреализма Бретон писал относительно сновидений: *«Когда же придет время логиков и философов-сновидцев? Я хотел бы находиться в состоянии сна, чтобы ввернется другим спящим, подобно тому, как я вверяюсь всем, кто читает меня бодрствуя, затем, чтобы покончить в этой стихии с господством сознательных ритмов мысли»* [Можейко 2002: 736]. То есть находиться в состоянии сновидений, чтобы другие философы-сновидцы понимали его, потому что во время сновидений протекает особая психическая деятельность, продуктом которой выступает настоящая реальность, которая обретает некий смысл. Психоаналитик К. Г. Юнг отмечает, что сновидения «представляют собой следы особой психической деятельности, протекающей во сне»; и что имеется «содержание снов, которое разительно контрастирует с нашим сознательным мышлением» [Юнг 2022: 319]. Вероятно, поэт придерживается похожей позиции при создании своих произведений. Названия стихотворений говорят сами за себя: «Нипридумайничёмидикомне», «Колыбельная одиночеству», «Вина в вину», «Неоконченная телеграмма (себе?)», «Настой из летних трав и настоящего», «... [картинка в картинке художника Свена Нурквиста]...», «ЗГА», «Введение в начальную нейронавтику» и др.

Стихотворение «... [картинка в картинке художника Свена Нурквиста] ...» интересно и показательно во многих отношениях. Пространственно-временной план, с которого начинаются события, можно обозначить как реальный, это выражается грамматическими формами глаголов, описанием обстановки: *«Хотел уснуть поглубже в полной темноте / и натянул на голову фланелевый, / мешочек из-под фасоли...»*. Однако в продолжении повествования читатель понимает, что герой переместился в другой пространственно-временной план. Уже описывается сон, который видит герой: *«Ночью вышел из дому...»*. Герой стихотворения был в одной реальности, которая согласно представлениям автора, есть

иллюзия реальности, и попал в другую реальность. При этом граница между этими двумя реальностями размыта, её по большому счёту нет. Нет ни лексических, ни даже грамматических показателей. Настоящая реальность та, в которой лирический герой вышел из дома «с мешком на голове». Сюжет разрывает фраза: «Человек *итак сомнамбула...*», то есть человек «*во сне ходящий*». Если в этой реальности этот человек лунатик, больной, то в другой реальности он нормальный, ибо подчиняется импульсам, идущим из глубин психики, из бессознательного (ОНО). В данном случае автором создаются две реальности. И какая же из них истинная?.. С позиций сюрреализма, истинная реальность есть реальность чувственная, прячущаяся в инстинктах человека. Как говорил сам А. Ключанский, незаконченная, не произведенная реальность, которая может проявиться в форме звуков, интонаций и образов.

В этом стихотворении повествование ведётся от первого лица, таким образом автор и действующее лицо сливаются. Описываемые ощущения персонаж испытывает в нелепой ситуации и сопровождающего её чувства страха. Лирический герой подчиняется этому *желанию* страха. По мнению З. Фрейда, «страх в сновидении – проблема страха и не проблема сновидений». Далее он отмечает: «... Психический процесс, способствующий появлению страха, может быть тем не менее осуществлением желания, давно уже отнюдь не может нас удивлять. Мы можем объяснить себе это явление тем, что желание относится к системе бессознательного, между тем как система предсознания отвергла это желание и подавила его. Подчинение системы бессознательного со стороны предсознания не полное и при полном психическом здоровье; степень его подчинения образует степень нашей психической нормальности» [Фрейд 2011: 597]. Страх смерти в данном случае подавляет инстинкт смерти (по З. Фрейду). Предсознание подавляет некоторые желания, которые являются во время сновидений лирическому герою в форме предощущения наступившей смерти.

Лирическому герою снится, что он вышел из дома ночью; мешок на голове; темнота такая, что не видно ничего и никого: «*Выбросив щуплые ручки вперёд / бреду, спотыкаясь / ищущу / хотя бы одну звезду, / хотя бы какой-то просвет...*». Лирическому герою снится, что он ходит во время сновидений в полной темноте. Причём ему снится, что он надел мешок из-под фасоли себе на голову, когда хотел уснуть. Здесь происходит разрыв сюжета, слом одной реальности и наложение другой: реальность и сон. Лирический герой находится в двух реальностях. Первая реальность намеренно блокируется сознанием; в результате он не видит свет, не ощущает его во сне. Во второй реальности желания вытесняют разум; чувственная сфера господствует. Чувственная сфера лирического героя создаёт образ не лунатика – больного человека, а образ человека, ходящего во время сна, но здорового, реального человека. Ему снится, что он думает о своем бытии «на *том* свете». И этот «*тот* свет» представляется герою истинной реальностью. Но в этой реальности он ничего не видит, хотя у него есть желание – видеть хоть какую-нибудь звезду, какой-то свет, и он, спотыкаясь, идёт вперёд в поисках света. Можно понять это как его стремление преодолеть барьер предсознания. Это, можно сказать, есть попытка поэта осознать реальность, идущую из бессознательного, но подавляемую предсознанием.

Стихотворение «... [картинка на картинке Свена Нурдквиста] ...» есть пример содержательно незавершенного произведения. Это – произведение процесс. Анализируя сюрреалистические тексты, В. И. Пиньковский утверждает, что произведения сюрреализма – это «произведения – процессы: они завершены формально, но не могут быть завершены

содержательно». Автор статьи показал некоторые стихотворения филологу без каких-либо комментариев. Эксперт, прочитав стихотворение «Веснушки», неожиданно продолжил: «есть жизни нашей потолок». А. Ключанский пишет, что лучшее продолжение придумала Н. Семенова.

Все это подтверждает, что поэт предусмотрел процесс, характерный для сюрреалистических произведений.

Свет Нурдквист – шведский детский писатель, сценарист, архитектор, иллюстратор – хотел стать художником, но не получилось; обучался по архитектуре, но архитектором не стал. Знаменитым стал благодаря написанной в 1984 г. книге «Именинный пирог», с которой началась серия про старого фермера Петсона и умного котенка Финдуса. По книгам создали фильмы и мультфильмы, компьютерные игры. Он стал известен и как иллюстратор и соавтор детских сказок о приключениях Мамы Му и Ворона Кракса шведских писателей Юн и Томаса Висландеров. С 2005 г. стал популярен и в России: один из холмов Центра им. Рогачёва был оформлен росписью, сделанной по эскизу Нурдквиста. Можно предположить, что «картинка в картинке» означает образ, пробившийся из бессознательного через предсознание в сознание художника, и материализовавшийся в его сказках и иллюстрациях.

Нереальное становится реальным. «Человек итак сомнамбула...» – это человек, болеющий снохождением, возникающим на фоне сна, обычно в первые два часа самозасыпания. В результате нарушается самоорганизация психики, а само пробуждение амнезируется. Для сюрреалистов образы, вышедшие из бессознательного, единственно реальные. Показательно в этом отношении и стихотворение «... [история одного сна] ...», где мы видим неопределенность и новый способ моделирования сюжета. Читателю, чтобы понять это стихотворение, необходимо новое видение и понимание. Это означает: необходимо взглянуть в содержание произведения с другой стороны, собрать «осколки» сновидений в целое. Это понимание связано с тем, что образы, возникающие в результате сновидения, становятся реальными.

При первом знакомстве со стихами Андрея Ключанского, почти каждый читающий, может быть за небольшим исключением, испытывает так называемый интеллектуальный шок: выделить в тексте синтаксические единицы в их традиционном понимании не представляется возможным; лексические и грамматические показатели пространственно-временной последовательности, так необходимой для понимания логики изложения текста имеют очень своеобразные контекстуальные значения, от этого с первого прочтения смысл не открывается, связать строку со строкой представляется невозможным. Кажется, что здесь хаотичное нагромождение слов, нет знаков препинания, между строками какие-то слишком опосредованные связи. Фантастические образы, которые наслаиваются друг на друга. Нет никакого ритма, о рифме и говорить не приходится! И всё в одном стихотворении. Наверное, если бы вести репортаж с места сновидения (сон – место происшествия!), то, видимо, именно такой стиль мог бы хоть как-то соответствовать тому сумбуру, алогичности, эмоциональности, прерывистости повествования, которые присущи нашим снам и которые можно было бы передать средствами языка репортажа. Поэт моделирует другую реальность, истинную для него реальность, идущую из его чувственной сферы... Но когда читаешь второй, третий раз, то слова начинают связываться друг с другом, появляется какая-то идущая из глубины мелодия, появляются образы и смыслы – текст начинает открываться.

В стихотворении «... [история одного сновидения] ...» Андрей Ключанский знакомит читателя с обрывками сновидений лирического героя, которые становятся объектом психоанализа.

Психологи пишут, что сон делится на короткий и длинный. Короткий сон длится 15–20 минут, длинный – 40–50 минут. И так повторяется 8–9 раз за ночь, сон наслаивается на сон. Во время протекания фазы быстрого сна человек видит сновидения. Психолог Л. Д. Столяренко пишет: «... И сновидения, возникающие в фазу «быстрого сна» – это результат осуществления мозговой корой синтеза тех сигналов, которые идут из различных зон мозга, активируемых во время парадоксального сна. Сновидения отражают мотивацию, желания человека, эти мотивации как бы всплывают во время сна, когда клетки ретикулярной формации посылают возбуждающие импульсы центрам, ответственным за влечения и инстинкты. Сновидения как бы служат для символической реализации нереализованных желаний человека, разряжают очаги возбуждения, возникшие из-за неоконченных дел и тревожных мыслей» [Столяренко 1997: 77]. В результате наслаивания сновидений одного на другое человеческий сон получается каким-то фантастическим, оторванным от реальности, то есть таким, каким его описал Андрей Ключанский.

Поэт намерено не ставит знаки препинаний. В этом случае текст можно понимать по-разному, возвращаться к нему снова. Не обращаясь к методам психоанализа невозможно понять сновидения лирического героя. Поэт наводит читателя к новому пониманию реальности мозаики образов сновидений. Реально всё, что исходит из бессознательного. Напрашивается вывод: для понимания его стихотворений необходимо опираться на методы чувственного познания, ощущения.

Вдумайтесь в слова поэта: «...в прошлом поднимаю в будущее окунаю обретаю в настоящем / помнил буду еще забываю...» В этих строках сформирован образ лирического героя, где всё перемешано, быстро забывается и утрачивается, события и вещи наслаиваются друг на друга. В этом стихотворении шесть – семь сюжетных линий, не связанных друг с другом. Например, дома: «...проснулся завтра в доме чужой / хозяин ковыряет дверь ключом почту страницу двери... [...] / дома внизу – шкатулки с тайниками, / их тайны голодают / и ожидают выпить наши души / или хотят бы задержать на миг на век...». Парадоксально всё: не душа лирического героя голодает и стремится проникнуть в тайны, а наоборот – «тайны голодают». Тайны зовут, мотивируют, влекут к себе человеческие души. И эти тайны дома – точки, с чего начинается путь в мир человека, с которого он делает первые шаги во Вселенную и куда он постоянно возвращается.

Но поэт показывает, что самые первые шаги человека начинаются с тайн в шкатулках. Завтра, в будущем, он в чужом доме, где двери открываются туда, где история. Хозяин пытается открыть и прочитать страницы / или узнать о тайнах, которые спрятаны в шкатулках. З. Фрейд считает, что сновидения – это символы, которые предупреждают нас о каких-то событиях, которые либо произошли, либо произойдут. Вспоминая свои сны и пересказывая их, мы пытаемся найти, уловить в них логические связи, определить символическое значение. Зачастую это невозможно сделать в силу специфики видения, его хаотичности и фрагментарности.

Чтобы понять творчество А. Ключанского, наверно, нужно осмыслить метод его психоанализа. Возьмём стихотворение «... [история одного сна] ...». Основная идея в том, что во время сновидений лирический герой видит очень много всяких образов, частью связанных

друг с другом, а в большей части не связанных. Сюжет сознательно разрывается, для того чтобы высветить новую реальность, выдаваемую бессознательным. Моделируется новая реальность, которая до конца не сложилась для лирического героя. Он хочет насладиться этой новой реальностью и «пристально лететь насквозь / до пробуждения в плоть». В данном случае желания лирического героя направлены на разрыв души и тела, на обретение душой свободы.

Желание человека освободиться от ограничений, обрести свободу – есть желание, выраженное символом полёта. По мнению Мирча Элиаде, «Полёт» отражает способность некоторых произвольно покидать в пространственном отношении своё тело и путешествовать в форме «духа» по трём космическим сферам» [Морозов 2001: 458]. Душа во время сновидений покидает тело и путешествует. В стихотворении «... [история одного сна] ...» поэт пишет: «... *не вглядываться / пристально лететь насквозь / до пробуждения в целом*» означает, что во время сновидений душа человека находится в полёте.

Ф. М. Достоевский считал, что «новый сон – новое счастье».

Шарль Бодлер отмечает:

*Боюсь уснуть; ведь сон – зияющий провал –
В неведомое путь не раз мне открывал.*

Творчество поэтов, пишущих верлибром (свободным стихом) по сравнению с классической рифмованной поэзией понять трудно, тем более, в рамках традиционной философской позиции. Этот текст более сложен в композиционном и жанровом плане. Необходим свежий взгляд и под другим углом. Необходимо время для осмысления сказанного поэтом. Для того, чтобы связать его с эпохой, временем и пространством жизни, найти ключ, чтобы вскрыть его художественный код, нужно использовать другие методы. Причём творения поэтов, пишущих без правил, свободно, всегда оригинальны, непохожи, не вкладываются в рамки теории стихосложения. А поэты обладают широтой мышления, богатым воображением, глубиной сознания.

В стихотворении «Я не сплю – я снюсь» А. Ключанский раскрывает сущность сновидений двух лирических героев, двух влюбленных. В этом сне он снится любимой: «*Я снюсь тебе, / я сна волна, / и тёмная, и тёплая она / за неизменной солнечной холодной волной / в единое волнение о тебе / моление...*» И эта волна сна намного теплее солнечной волны, которая переплавляется в «единое волнение». В данном стихотворении бессознательное лирического героя упрямо придерживается идеи о том, что в нашей привычной реальности он действительно снится любимой. Лирический герой делает такой вывод, потому что сейчас любимой «*тепло и хорошо*», а раньше она «*плакала во сне и замерзала*».

По своим ощущениям он определяет желания любимой во время сновидений. И здесь основа противоречия, заложенного в стихотворении «Я не сплю – я снюсь», между внешним и внутренним. Понять «*и даль новую, и тайну, / и (да) любовь твою / внутри моей любви*» только потому, что она «*плакала во сне и замерзала когда-то*», вряд ли возможно. Здесь явно фантастический характер переноса сновидений любви в сновидения лирического героя, ибо бессознательное никогда не может быть понято, оно следует каким-то химерам. Здесь А. Ключанский создаёт не один, а два разрыва: «не сплю – я снюсь» – первый; «я снюсь тебе» – второй.

Лирический герой накрывает «приливом шерстяным» берега, даль, тайну и любовь любимой, которая внутри лирического героя. В данном стихотворении поэт создаёт образ любви лирического героя во время сновидений. Ключевыми словами являются «ты», «память», «любовь внутри моей любви». И это стихотворение содержательно не закончено; оно есть произведение – процесс. Стихотворение заканчивается неожиданно, скобки об этом свидетельствуют. Как раз они-то и наводят на мысль о ремарке типа: «(Опускается занавес)».

«Любовь твоя / внутри моей любви», – это есть процесс выталкивания «атомов» бессознательного в предсознание. В результате любовь представляется поэтом как «любовь в любви». По моему мнению, это так называемая жанровая игра. Спрятать одну любовь в другой любви возможно только в сновидениях. Так поясняет Вл. А. Луков: «За «жанровой игрой» мельчайшими единицами текста стоит стремление ухватить некий «первожанр», первоэлемент, с которого начинается творчество» [Луков 2017: 52]. Этим «первоэлементом» стихотворения «Я не сплю – я снюсь» является «любовь твоя» и причём не наяву, а во сне лирического героя. Чтобы сберечь эту любовь во время сновидений лирический герой накрывает её «приливом шерстяным». Любовь в любви вбирает и берега океана, и даль, и тайны любимой. При первом рассмотрении сюжет стихотворения разлагается на элементы. В данном стихотворении просматриваются композиции и жанры разрушения для создания нового понимания текста.

С позиций психоанализа творчества А. Ключанского мы обнаруживаем переход от одного понимания композиции к другому. Заметим, что речь идет не об отдельных гранях текста, а о новом понимании текста в целом. И тогда отдельные «пазлы» складываются в целостные системы.

Что касается символа памяти, то А. Ключанский говорит: «*Я волна за волной твоей памяти. / Настоящая память – это восставшее настоящее, / обретённое лучше позже чем никогда*». И здесь поэт говорит не о памяти лирического героя, а о «памяти в памяти»: воспоминаний, выталкиваемых из бессознательного в предсознание, и затем осознаваемых в период бодрствования.

Понятие «восставшая память» означает факт, что желания прорываются через предсознание в сознание. Возникают вопросы: как лирический герой может рассуждать о памяти любимой, если не может понять символы *своей* памяти? Раньше любимая плакала во сне, а теперь, после «шерстяной волны», ей хорошо и тепло под этой волной. Ответить на эти вопросы можно только при использовании метода психоанализа для исследования образов сновидений лирического героя.

Заключение

Творчество омского поэта Андрея Ключанского необходимо исследовать с использованием методов психоанализа. В результате знакомства с творчеством поэта и исследованием особенностей его художественного стиля, поэтической манеры, можно предположить, что поэту не чужда философия сюрреализма и некоторые методы психоанализа.

Поэт обращается к теме сновидений, которые выталкивают нереализованные желания лирического героя в предсознание из *бессознательного* и становятся «восставшим настоящим». *Бессознательное* рождает реальное в представлении поэта, которое прорывается через

предсознание в сознание в форме символов и знаков. Стихотворения А. Ключанского – это содержательно незаконченные произведения; это стихотворения – процессы.

Исследование темы сновидений в стихотворениях А. Ключанского даёт ключ к пониманию его творчества. Поэт раскрывает образы сновидений, которые формируются под воздействием нереализованных желаний. Мозаика образов этих сновидений и есть так называемая реальность для лирических героев, которая, прорываясь через предсознание, становится для него иллюзией. Это «человек ходящий во сне», «пристально летящий насквозь», «любовь в любви» и пр. Некоторые стихотворения хочется отнести к ещё не существующему жанру «репортаж из сновидений».

При анализе таких произведений необходимо использовать некоторые методы психоанализа. Соответственно, анализ творческих методов поэта вызывает интерес к истории психоанализа, его теоретикам и их трудам. Сюрреалистические мотивы в его стихотворениях дают возможность читателям и всем любителям поэзии увидеть особые, глубинные представления людей о правде, о возможностях человека, о любви, о счастье, удивиться многообразию форм проявления жизни и понимания её.

Список литературы

1. Дали С. Дневник одного гения. СПб . : Азбука, Азбука-Аттикс, 2015. 288 с.
2. Каргаполов Е. П., Абдыжапарова М. И. Свободный стих в произведениях А. Ключанского, Н. Александровой // Столыпинский вестник. 2023. № 6. URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/06/16-1.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Ключанский А. Настой из летних трав и настоящего. Омск : Амфора, 2009. 110 с.
4. Луков Вл. А. Сюрреализм // Новая Российская энциклопедия / Гл. ред. : В. И. Данилов – Данильян, А. Д. Некипелов. Том XVI (1). М. : Энциклопедия, ИНФРА-М, 2017. С. 51–52.
5. Можейко М. А. Сюрреализм // Всемирная энциклопедия. Философия. М. : АСТ; Минск : Хорвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
6. Можейко М. А. Сюрреализм / Бретон // Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М. : АСТ; Минск : Хорвест, Современный литератор, 2002. 976 с.
7. Морозов И. Основы культурологии. Архетипы культуры // Мирчо Элиаде. Минск : ТетраСистемс. 2001. 608 с.
8. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Изд. 2-е, перер. и допол. Ростов-на-Дону : Феникс. 1997. С. 76–77.
9. Философский словарь. Основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкоффа. 22-е изд. М. : Республика. 2003. 575 с.
10. Фрейд З. Толкование сновидений. М. : АСТ, Астрель, 2011. 638 с.
11. Юнг К. Г. Отношения между эго и бессознательным. М. : АСТ, 2021. 320 с.
12. Юнг К. Г. Динамика бессознательного. М. : АСТ, 2022. 688 с.

References

1. Dali S. Dnevnik odnogo geniya [Diary of a genius]. Saint Petersburg, Azbuka, Azubka-Attiks, 2015, 288 p. (In Russ.).
2. Kargaplov E. P., Abdyzharova M. I. Svobodnyy stikh v proizvedeniyakh A. Klyuchanskogo, N. Aleksandrovoy [Free verse in the works of A. Klyuchansky, N. Alexandrova]. *Stolypinskiy vestnik* [Stolypin's Bulletin]. 2023, no. 6. (In Russ.). Available at: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/06/16-1.pdf> (accessed: 10.04.2024).

3. Klyuchanskiy A. Nastoy iz letnikh trav i nastoyashchego [Infusion of summer herbs and real]. Omsk, Amfora, 2009, 110 p. (In Russ.).
4. Lukov VI. A. Syurrealizm [Surrealism]. *Novaya Rossiyskaya entsiklopediya* [New Russian Encyclopedia]. Vol. XVI (1). Moscow, Entsiklopediya, INFRA-M, 2017, pp. 51-52. (In Russ.).
5. Mozheyko M. A. Syurrealizm [Surrealism]. *Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya* [World Encyclopedia. Philosophy]. Moscow, AST, Minsk, Khorvest, Sovremennyy literator, 2001, 1312 p. (In Russ.).
6. Mozheyko M. A. Syurrealizm / Breton [Surrealism / Breton]. *Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya. KhKh vek* [World Encyclopedia. Philosophy. XX century]. Moscow, AST, Minsk, Khorvest, Sovremennyy literator, 2002, 976 p. (In Russ.).
7. Morozov I. Osnovy kul'turologii. Arkhetipy kul'tury [Fundamentals of Cultural Studies. Archetypes of Culture]. *Mircho Eliade* [chilli liye]. Minsk, TetraSistems, 2001, 608 p. (In Russ.).
8. Stolyarenko L. D. Osnovy psikhologii [Fundamentals of Psychology]. 2th ed., Rostov-na-Donu, Feniks, 1997, pp. 76-77. (In Russ.).
9. Shmidt G. Filosofskiy slovar' [Philosophical Dictionary]. 22th ed., Moscow, Respublika, 2003, 575 p. (In Russ.).
10. Freyd Z. Tolkovanie snovideniy [Interpretation of dreams]. Moscow, AST, Astrel', 2011, 638 p. (In Russ.).
11. Yung K. G. Otnosheniya mezhdru ego i bessoznatel'nym [The relationship between the ego and the unconscious]. Moscow, AST, 2021, 320 p. (In Russ.).
12. Yung K. G. Dinamika bessoznatel'nogo [Dynamics of the unconscious]. Moscow, AST, 2022, 688 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. П. Каргаполов – доктор педагогических наук, профессор,
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия.

Information about the author

E. P. Kargapolov – Grand Ph. D. (Education), Professor,
Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 12.05.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 28–37.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 28-37.

Научная статья

УДК 811.161.1:801.6

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-28-37

«РИСУНКОВ К “ДВЕНАДЦАТИ” Я СТРАШНО БОЯЛСЯ». ПРОБЛЕМЫ ИКОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРВОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ «ДВЕНАДЦАТИ» А. БЛОКА

Мария Анатольевна Лумпова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

ma.lumpova@yandex.ru

Аннотация. Различные издания Серебряного века по-прежнему остаются актуальной темой для изучения феномена развития книжной иллюстрации в XX в. как в России, так и за рубежом. Однако разговор чаще всего сводится к изданиям символистов и футуристической книге 1910-х гг. В нашей статье мы хотели бы обратить внимание на первое иллюстрированное издание «Двенадцати» А. Блока (иллюстрации Ю. Анненкова), выпущенное С. Алянским в издательстве «Алконост». На наш взгляд, сложная, многогранная совместная работа поэта, издателя и художника вобрала в себя в этой книге созвездие философских и культурных отсылок, не сводимых к проблемам, поставленным предшествующим развитием книжной графики Серебряного века. Целью статьи стал иконологический анализ иллюстраций поэмы. В частности, мы коснулись цветового содержания изобразительной части книги. Другой важной темой анализа стало изучение образа Христа и проблема его изображения в поэме. По нашему мнению, дальнейшее иконологическое исследование, начатое в статье, позволит по-иному взглянуть на прочтение «Двенадцати» в частности и на развитие визуальности в Серебряном веке в целом.

Ключевые слова: серебряный век, Блок, Анненков, Двенадцать, символизм, Алконост, визуальные исследования, иконология

Для цитирования: Лумпова М. А. «Рисунков к “двенадцати” я страшно боялся». Проблемы иконологического анализа первого иллюстрированного издания «двенадцати» А. Блока. Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 28–37. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-28-37>

Original article

«I WAS TERRIBLY AFRAID OF THE DRAWINGS FOR “THE TWELVE”». THE PROBLEMS OF ICONOLOGICAL ANALYSIS OF THE FIRST ILLUSTRATED EDITION OF “THE TWELVE” BY A. BLOK

Maria A. Lumpova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ma.lumpova@yandex.ru

Abstract. Various publications of the Silver Age are still a relevant topic for studying the phenomenon of book illustration development in the 20th century, both in Russia and abroad. However, the conversation often boils down to the publications of symbolists and the futuristic book of the 1910s. In our article, we would like to draw attention to the first illustrated publication of A. Blok's «The Twelve» (illustrations by Yu. Annenkov), which was released by S. Alyansky at the Alkonost publishing house. In our opinion, the complex, multifaceted joint work of the poet, publisher and artist absorbed in this book a constellation of philosophical and cultural references that are not reducible to the problems posed by the previous development of book graphics within the Silver Age. The purpose of the article was an iconological analysis of the poem's illustrations. In particular, we touched upon the color content of the pictorial part of the book. Another important topic of analysis was the study of the image of Christ and the problem of his depiction in the poem. In our opinion, further iconological research, begun in the article, will allow us to take a different look at the reading of “The Twelve” specifically and the development of visuality within the Silver Age in general.

Keywords: Silver Age, Blok, Annenkov, The Twelve, symbolism, Alkonost, visual studies, iconology

For citation: Lumpova M. A. «I was terribly afraid of the drawings for “The Twelve”». The problems of iconological analysis of the first illustrated edition of “The Twelve” by A. Blok. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;15:28-37. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-28-37>

Введение

История зарождения отечественного направления символизма начинается с 1892 г. [Шруба 2004: 200]. Однако с концом символистского направления нет такой прямой согласованности. Кризис символизма начинается в 1910 г. Затухание направления растянулось примерно до 1914 г. «Последней попыткой представления символизма как все еще актуального литературного течения был публичный диспут о современной литературе, состоявшийся 20 января 1914 г. в Петербурге [там же: 213]». Отдельные речи столпов направления позже были изданы в журнале «Заветы».

Немаловажным фактом становится и то, что 1912–1913 гг. оформляются такие важные течения Серебряного века как акмеизм и футуризм, которые не только критикуют символистов, но и вырабатывают свои собственные оригинальные формы поэтического видения мира. Но распад направления не означал его полной кончины. Символисты существовали и «в годы первой мировой войны, но не как школа, а как конкретные литераторы и как представители культурного истеблишмента [там же]». Более того, в годы гражданской войны упадок коснулся не только символизма, но и вышеназванные течения поэзии.

Вообще динамика взлетов и затуханий направлений в первую четверть XX в. поражает своей стремительностью. Но о чем обычно речь не ведется, так это о вспышках возрождений или, если быть точнее, перерождений изящной словесности внутри эпохи «русского ренессанса». Такие водовороты перерождений, не укладывающиеся в рамки линейного развития исторического процесса, опускаются из учебной литературы. По нашему мнению, таким слепым пятном в истории становится возрождение символизма в 1918–1923 гг. вокруг издательства «Алконост».

Основная часть

1. «Алконост» и «возрождение» символизма

Издательство «Алконост» появилось в 1918 г. и прекратило свое существование в 1923 г. По меркам современного книгоиздательства мы имеем не самую радужную картину. Недолгие пять лет своего существования и 58 выпущенных книг. Но нас интересует не количество произведений, а качественная характеристика, которая отражает интенцию возникновения изданий. Мы выделили три основных пункта, которые функционально характеризуют вышеназванную интенцию: а) заполнить нехватку в выпуске книжной продукции, которая в период 1917–1920-х гг. XX в. достигла поистине катастрофических размеров¹; б) стать связующим звеном между разорванными и соперничающими друг с другом центрами московского и петербургского ответвлений символизма; в) *возрождение направления символизма*. Особенно нас интересует здесь третий пункт, который окрашен не только прагматической значимостью. Возрождение или одновременное перерождение символизма идет красной нитью существования издательства. Данная характеристика окрашивает естество марки «Алконоста» экзистенциальным планом жизнотворчества².

Спецификой возрождения символизма стало то, что «ядро писателей, объединившихся вокруг издательства, составили литераторы, когда-то входившие в символистский круг, но далеко ушедшие от этого определения в процессе личной творческой эволюции [Таран 2011: 4]». На это указывал и Алянский, владелец издательства: «Перейдя к моим планам, Блок выразил сомнение в возможности объединить символистов и сказал: – Я не знаю, нужно ли их вообще объединять. Разрыв, должно быть, произошел не случайно. И все это гораздо сложнее и глубже, чем кажется [Алянский 1969: 39]». Такого же мнения придерживались по воспоминаниям издателя и другие поэты. Тем не менее, для Блока начинание Алянского было крайне важным.

Дата начала издательства многим обязана А. Блоку. И существенным здесь является не только то, что первой книгой «Алконоста» станет «Соловьиный сад» [Блок 1918] поэта. Блок станет принимать активное участие в работе «Алконоста» и от абстрактных и едва ли реализуемых размышлений и мечтаний он наведет начинающего издателя к реализации конкретных книг. С. Алянский вспоминал: «Теперь я бывал на Офицерской очень часто. Отныне предметом наших встреч стали: шрифты, линейки, спуски, отступы, поля и пр. [там же: 45]». А. Блок для С. Алянского станет фактически идейным вдохновителем, опытным помощником касательно книгоиздательского искусства и главной звездой, публикуемой на страницах «Алконоста». Произведения поэта составят более 2/3 от всех книг, выпущенных издательством.

¹ См. подробнее о кризисе печатной продукции «Кафейный период» и закат Серебряного века (1917 – нач. 1920-х)». [«Кафейный период» и закат...].

² Хотелось бы сказать, что существование марок подобных «Алконосту» развенчивает мнение о периодизации, согласно которой, серебряный век или русский ренессанс кончается примерно в 18–19 гг. Ничего не заканчивалось и жило. В подтверждение тому можно выделить множество произведений отдельных авторов, которые появились в 1920-е гг. Но, что немаловажно. Серебряный век питался и существовал в 1917–1930-х гг. пусть и не в многоголосице течений, но скорее в творческих коллаборациях различных творцов, которые не просто критиковали друг друга (как принято считать), но и появлялись на страницах различных журналов и сборников. Такое общее коллективное бурление, по нашему мнению, окончательно закончилось лишь в 1934 г., когда на первом съезде писателей было выдвинуто единое для всех «прокрустово ложе» социалистического реализма. [Первый всесоюзный съезд... 1934].

Однако не только данные личности были в истоке создания «Алконоста». И тут возникает важная фигура Юрия Анненкова – художника и товарища по гимназии Самуила Алянского. Именно Анненков нарисовал логотип марки. Но он также является тем человеком, который первым проиллюстрирует «Двенадцать» Блока. Причем, так сложилось, что иллюстрации Анненкова станут единственными, которые Блок смог лично подвергнуть собственному комментарию и личной редакции.

2. Визуальность поэмы «Двенадцать» Блока

С. Алянский в своих воспоминаниях отмечал разницу, которая прошла между золотым и серебряным веками поэзии в иллюстративной подаче материала: «иллюстрации далекого прошлого не могли служить примером для произведения современного, написанного в новой, очень сложной художественной форме [Алянский 1969: 68]». Сам Блок не раз указывал в записных книжках, воспоминаниях современников и статьях, какое значение имеет изобразительный строй, как самого поэтического текста, так и сопровождающего его визуального контента.

Поэма «Двенадцать» А. Блока внутри обозначенной общекультурной проблематики обладала своей собственной сложностью перевода ее в визуальный материал. С одной стороны: «жанровые сцены в поэме могли бы быть благодарным материалом для иллюстрирования». Но с другой: «ведь сцены эти сами служат иллюстрациями в поэме [Алянский 1969: 68]». Тем более, что, вдохновляясь и заимствуя из «лубочного», «плакатного» «уличного» и т. д. поэма Блока, на самом деле был крайне витиевата. Сложность и самодостаточность «Двенадцати» погружала в противоречие издателя: «как передать поэтический и музыкальный строй «Двенадцати»? Как быть с Христом – образом отвлеченным, туманным, непонятным? [Алянский 1969: 68]». Сам А. Блок не был уверен в том, что молодой художник Ю. Анненков справится с поставленной задачей. «Рисунков к “Двенадцати” я страшно боялся [Блок 1983: 286]», – писал поэт Аннекову.

О сложности иллюстрирования поэмы позже писали и другие исследователи. Так А. Турков справедливо отмечает, что произведение обманчиво кажется простым для изложения или воспроизведения в иных формах: «как бы изобретательно или строго, “в сукнах”, ни поставить этот “спектакль”, из него уйдет очень многое, не постигаемое подчас не только что при первом, и даже при сотом прочтении [Турков 1969: 272]». На это указывает и автор внушительного труда об иллюстрации, О. И. Подобедова «Блока трудно пересказывать словами прозы, еще труднее перелагать в образы пластические [Подобедова 1973: 116]».

Иллюстрированное издание «Двенадцати» все-таки вышло в «Алконосте» в ноябре 1918 г. Первоначальный тираж поэмы составлял 300 экземпляров и распространялся по подписке. Несмотря на первоначальные сомнения поэта, издание в итоге станет не просто первой иллюстрированной публикацией поэмы, но хрестоматийной иконографической формой для последующих художников «Двенадцати».

При изучении иконологических мотивов данного совместного труда мы выделили два интересных момента, которые проявляются только при знакомстве с первоисточником. В библиотеке ПГПУ хранится выпуск поэмы 1918 г. с иллюстрациями Анненкова, которая была допечатана позже. Мы надеемся, что наш анализ сможет помочь в раскрытии некоторых проблем, с которыми сталкиваются теоретики, как при исследовании «Двенадцати» А. Блока, так и в изучении эпохи серебряного века

а) *Проблема цвета в иконографии поэмы А. Блока «Двенадцать»*

Во многих источниках единогласно поэма представлена соединением контраста черного и белого с вкраплением красного цвета. [см., например, Блок 2023: 6]. Тем не менее, если вчитаться в записки Блока 1917–1918 гг. то *мы может увидеть цветовую пестроту и разноголосицу в переживании поэтом меняющейся действительности*. Запись от 16 июля 1917 г.: «События пестрят в глазах, противоречивы [Блок 1982: 223]»; запись от 6 августа 1917 г.: «желто-бурые клубы дыма уже подходят к деревьям, широкими полосами вспыхивают кусты и травы, и дождя бог не посылает, и хлеба нет, и то, что есть, сгорит. Такие же желто-бурые клубы, за которыми тление и горение (как под Парголовым и Шуваловым, отчего по ночам город всегда окутан гарью [Блок 1982: 225]»; запись от 15 августа 1917 г.: «Я первый вовлекся в серый пурпур, серебряные звезды, перламутры и аметисты метели. <...> Теперь опять налетевший шквал (цвета и запаха еще определить не могу) [Блок 1982: 227]». в 1918 г. 7 января, то есть за день до первого упоминания «Двенадцати», Блок обсуждал с женой возможность создание пьесы об Иисусе Христе «Начало (С Любой). Жара (синее и желтое) [там же: 232]». Нам резонно могут возразить, что в записных книжках также встречаются и метафоры, связанные с белым и черным цветами. Да и отдельные личные записи человека ведь не обязательно должны соответствовать художественному произведению его же в качестве поэта. Тем более, что прямое обращение к поэме «Двенадцать» выделяет намного больше примеров именно трех цветов, а именно: красного, черного и белого.

Поэтому за поддержкой нашего тезиса мы бы хотели обратиться к иллюстрациям Анненкова. Как вспоминал сам Анненков: «Блок говорил, что иллюстрации в сущности совсем не иллюстрации, “параллельный графический текст, рисованный близнец” [Анненков 1991: 68]». И здесь стоит уточнить, зачастую лишь вскользь упоминаемый момент. Среди первых экземпляров некоторые были раскрашены художником от руки.¹ Данные экземпляры являются библиографической редкостью, о них многие исследователи видимо не знали, либо не имели к ним доступа [там же: 69]. Немаловажным для восприятия современниками являются вечера читки «Двенадцати». Анненков вспоминал, что на литературном вечере в 1919 г. поэма была прочитана для широкой аудитории. Иллюстрации Анненкова с помощью волшебного фонаря были увеличены до плакатных размеров *и раскрашены художником от руки* [там же: 69].

К несчастью последующая допечатка в «Алконосте» была издана не просто на бумаге худшего качества, *но уже и не содержала попытки выпуска иллюстраций в цвете*. Именно черно-белые контрастные иллюстрации приобретут широкую популярность, и именно на них долгое время будут ссылаться исследователи. Характерным примером будет книга О. Подобедовой, в которой нет ни слова про цветность иллюстраций в издании «Алконоста». В переиздании поэмы в РГ-пресс в 2023 г. в подборке визуального материала содержатся, в том числе и цветные иллюстрации Анненкова [Блок 2023: 10, 16, 22]. На них невооруженным взглядом представлена эклектичная пестрота, не соответствующая идее контрастного построения лишь на трех цветах.

¹ В источниках указывается различное число раскрашенных от руки экземпляров (от 50-и до 12-и).

По нашему мнению, превратное восприятие цветов иллюстраций зиждется в том числе и на том, что довлеющим направлением в 1920-е гг. XX в. станет возникший позднее авангардный конструктивистский канон в книжной графике. Тем более, что в самой поэме дана благодатная почва буквального прочтения визуальных образов. Однако Анненков не соотносится с конструктивизмом в визуальном построении произведений. О. Подобедова (ссылаясь лишь на графику) справедливо делает предположение родства художника с творчеством лучистов [Подобедова 1973: 128], которые иначе воспринимали плакатное, заборное и народное искусство, нежели последующий за ними авангард. Но, по нашему мнению, относить Анненкова лишь с Гончаровой и Ларионовым в качестве прямого последователя не стоит. По крайней мере, опыты лучистов в книжной графике были связаны с развитием «футуристической книги» в 1910-е гг. XX в. и изображениями, которые, в первую очередь, (также, как и поэтические слова) должны были подорвать область устоявшихся штампов письма. Блоковское же мировидение, даже в «Двенадцати» (которую отличает архисложная полифония), не порывает с идеей услышать мировую гармонию. В иллюстрациях Анненкова поэтому мы должны увидеть не футуристический шум и слом мира посредством произведения, но, наоборот, в кажущейся веренице наслоений углов и штрихов созерцать глубину и полноту строящегося мироздания, его *musica mundana*¹. Раскрыв не только графическую, но и живописную стороны иллюстраций, мы предполагаем, продуктивным сочленение визуального восприятия «Двенадцати» А. Блока в издании «Алконоста» с исканиями В. Кандинского. На общее мировосприятие поэта и художника указывает в своей статье С. Титаренко [Титаренко 2020: 97]. Тем не менее, такое предположение не однозначно и требует более глубокого анализа, не укладывающегося в рамки данной статьи.

б) Проблема изображения Христа в поэме «Двенадцать»

Появление Христа в поэме до сих пор считается самым загадочным ее моментом. Различные трактовки фигуры Иисуса² носили противоречивый характер еще при жизни поэта. Споры не умолкают и в наше время. Стоит ли говорить, что концовка поэмы зачастую замалчивалась в советских исследованиях.³ Однако нас более удивило то, что, когда теоретики начинали говорить о Христе, то они обычно касались исключительно поэтики произведения. Иными словами, исследователи заикливались на том, что хотел сказать автор посредством появления Иисуса. Мы бы хотели сместить ракурс и задаться вопросом иконологического содержания образа Христа. То есть, мы попытаемся проанализировать не то, что он представляет в различных дискурсивных прочтениях текста поэмы, но как его образ пытались показать в иллюстрациях «Алконоста».

Мы уже упоминали, что издатель «Двенадцати» С. Алянский не мог представить, как можно изобразить Христа в книге. В связи с этим интересно развитие поиска образа, который бы соответствовал настолько же сильному и насколько загадочному финалу поэмы.

¹ Как писал в записных книжках Блок в 1917 г. «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я художник, то есть свидетель [Блок 1982: 207]».

² Здесь и далее мы используем написание Христа, которое соответствует упоминанию в поэме «Двенадцать».

³ В весомом труде посвященном книжной иллюстрации Подобедова совершенно не коснулась иконографии и проблемы Иисуса Христа.

Когда Ю. Анненков принес Блоку иллюстрации к «Двенадцати», поэт был страшно обрадован. И об этом упоминают многие. Но Блок, несмотря на первоначальную похвалу, все же подверг критике некоторые из рисунков художника. Больше всего досталось изображению Христа. Вот что написал Анненкову в письме Блок «Он совсем не такой: маленький, согнулся как пес сзади, аккуратно несет флаг и *уходит*. ‘Христос с флагом’ – это ведь ‘и так и не так’. Знаете ли Вы (у меня так – через всю жизнь), что когда флаг бьется под ветром (за дождем, или за снегом и *главное* – за ночной темнотой), то под ним мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит и не несет, а как не умею сказать). Вообще, это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как, может быть, хуже всего сумел сказать и в ‘Двенадцати’ (по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на все критики) [Анненков 1991: 67]».

Также сохранилось очень ценное воспоминание Алянского, который упоминает другой рассказ Блока о том, как ему самому привиделся Христос. «Случалось ли вам ходить по улицам города темной ночью, в снежную метель или дождь, когда ветер рвет и треплет все вокруг? Когда снежные хлопья слепят глаза <...> Вьюге некуда деваться в узких улицах, она мечется во все стороны, накапливая силу, чтобы вырваться на простор. Но простора нет. Вьюга крутится, образуя белую пелену, сквозь которую все окружающее теряет свои очертания и как бы расплывается. Вдруг в ближайшем переулке мелькнет светлое или освященное пятно. Оно маячит и неудержимо тянет к себе. Быть может, это большой плещущий флаг или сорванный ветром плакат? Светлое пятно быстро растет, становится огромным и вдруг приобретает неопределенную форму, превращаясь в силуэт чего-то идущего или плывущего в воздухе. <...> За этим огромным мне мыслились Двенадцать и Христос [Алянский 1969: 85–86]».

Данная трактовка разительно отличается от других конкретных замечаний Блока, что и как исправить в других изображениях (например, касательно образа Катьки). Описания Блока не только не помогли, но еще больше запутали художника и издателя. Как напишет Алянский, «Что же касается образа Христа, то он так и не получился [там же: 85–86]». Несколько иное замечание дает Анненков. Художник также указывает, что, найдя образ Христа неизобразительным, он убрал его или, если точнее, заменил «прозрачным и бесформенным силуэтом, слившимся с флагом [Анненков 1991: 68]». Данное воспоминание вызывает некоторое недоумение, которое еще следует собственного анализа, так как в крайнем рисунке, который находится на странице с заключительными строками, *показан не флаг, а крест*. Собственно, это единственное изображение, которое относится к двенадцатой песне поэмы.

Несмотря на данное затруднение, мы бы хотели отметить (в данном случае больше полагаясь на наши глаза, чем на память Анненкова), что такая трактовка (крест) изображения Христа крайне выгодно отличается от последующих его изображений. Если обратиться к иллюстрациям 20-х гг. у Масютина [Блок 1922: 21], то мы можем увидеть именно то, что как раз не хотел Блок и критиковал у Анненкова. Христос в изображении Масютина именно: «согнулся как пес сзади, аккуратно несет флаг и уходит». В иллюстрации Гончаровой [Блок 2023: 29] Христос вообще представлен в виде статичной иконы, то есть не возникает как «светлое или освященное пятно», которое «приобретает неопределенную форму, «чего-то идущего или плывущего в воздухе». По нашему мнению, иллюстрация Христа в исполнении

Ларионова [там же: 6] (пусть и в меньшей степени, чем у его соратницы по кисти) статична. Конечно же, художники лично не взаимодействовали с поэтом и больше показывали свое видение этого сложного образа. Но ведь и Анненков и Алянский, которые в тот период очень плотно общались с Блоком, признали, что просто не понимают, как изобразить Христа. Немаловажным фактором стало и то, что поэт, который находился уже не в рамках символистской иконографии, сам не мог описать, не только почему возник Христос, но и как он ему видится.

Заключение

Интересно то, что создание поэмы «Двенадцать» в издательстве «Алконост» не имело аналогов, став исключительным образцом исканий поэта и художника внутри эпохи серебряного века. «Иллюстрации в “Двенадцати”, казалось бы, остались эпизодом в жизни советской графики. Действительно, дальнейшие искания в этом направлении оборвались довольно скоро [Подобедова 1973: 129]». По нашему мнению, в своем зачатке визуальная составляющая не нашла подобающей трактовки из-за того, что теоретический язык, который бы смог описать, то, что совместно создали А. Блок, Ю. Аннеков и С. Алянский нашло свое выражение лишь во второй половине XX в. Более того, парадоксально то, что поэт, издатель и художник считали своим личным фиаско в издании «Двенадцати», может быть в нашем столетии перепрочитано, как единственное верное изображение Бога.

В этом плане нам кажется, что наиболее адекватным к блоковским исканиям подходит феноменологический язык в виде философии визуальности, представленный в поздних работах М. Мерло-Понти («Око и дух» [Мерло-Понти 1992], «Видимое и невидимое» [Мерло-Понти, 2006], «Сомнения Сезанна» [Мерло-Понти 2014]) и Ж.-Л. Мариона («Насыщенный феномен» [Марион 2014], «Перекрестья видимого» [Марьон 2010]) и других теоретиков, которые занимаются концептуализацией невидимого в основании визуальности. Подобное прочтение поэта через русло феноменологии уже поставлено в работах отдельных теоретиков, например в статье уже упоминаемой нами С. Титаренко.

Однако дальнейшие исследования требуют более глубокого и подробного анализа эволюции понимания визуальности, что подразумевает привлечение и серьезное изучение первоисточников в виде изданных произведений, а также записных книжек, писем, воспоминаний, статей и прижизненные изданий работ поэта, (как в отдельных изданиях, так и в совместных журнальных публикациях) и их прочтение через указанное философское направление.

Список литературы

1. Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М. : Издательство «Детская литература», 1969. 160 с., ил.
2. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1991. 346 с.
3. Блок А. Двенадцать. Пб. : Алконост, 1918. 66 с., ил.
4. Блок А. А. Двенадцать / [предисл. и худож. оформ. В. Н. Масютина]. Берлин : Нева, 1922. 22, [6] с.
5. Блок А. А. Двенадцать: поэма: Подробный иллюстрированный комментарий / текст комментариев, подбор иллюстраций: Елена Жуйкова. М. : РГ-Пресс, 2023. 32 с., ил.

6. Блок А. А. Из дневников и записных книжек. 1901–1921 // Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 5. Л.: Художественная литература, 1982. С. 77–280.
7. Блок А. А. Письма 1898–1921 гг. // Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 6. Л.: Художественная литература, 1982. 422 с.
8. Блок А. Соловьиный сад. Пб.: Алконост, 1918. 26, [6] с.
9. «Кафейный период» и закат Серебряного века (1917–нач. 1920-х). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iHWZpAB7lqs&t=3635s> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Марьон Ж. Л. Перекрестья видимого. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 176 с.
11. Марион Ж. -Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. С. 63–99.
12. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое; пер. с фр. О. Н. Шпарага. М.: Логвинов, 2006. 400 с.
13. Мерло-Понти М. Око и дух; пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.
14. Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 102–118.
15. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «художественная литература». 1934. 718 с.
16. Подобедова О. И. О природе книжной иллюстрации. М.: Советский художник, 1973. 333 с., ил.
17. Таран Е. Г. Вокруг «Алконоста». М.: Аграф, 2011. 224 с.
18. Титаренко С. Д. Визуальный образ в эстетике Александра Блока: Проблемы феноменологии // Соловьевские исследования. 2020. № 3 (67). С. 93–106.
19. Турков А. М. Александр Блок. М.: Молодая Гвардия, 1969. 320 с.
20. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 448 с., ил.

References

1. Alyanskiy S. M. Vstrechi s Aleksandrom Blokom [Meetings with Alexander Blok]. Moscow, Izdatel'stvo «Detskaya literatura», 1969, 160 p. (In Russ.).
2. Annenkov Yu. P. Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragediy [Diary of my meetings: Cycle of tragedies]. Vol. 1, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1991, 346 p. (In Russ.).
3. Blok A. Dvenadtsat' [Twelve]. Saint Petersburg, Alkonost, 1918. 66 p., il. (In Russ.).
4. Blok A. A. Dvenadtsat' / [predisl. i khudozh. oform. V. N. Masyutina]. Berlin: Neva, 1922. 22, [6] p. (In Russ.).
5. Blok A. A. Dvenadtsat': poema: Podrobnyy illyustrirovanny kommentariy [Twelve: A Poem: A Detailed Illustrated Commentary]. Moscow, RG-Press, 2023, 32 p. (In Russ.).
6. Blok A. A. Iz dnevnikov i zapisnykh knizhek. 1901-1921 [From diaries and notebooks. 1901-1921]. *Sobranie sochineniy v 6-ti t.* [Collected Works in 6 Volumes]. Vol. 5, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1982, pp. 77-280. (In Russ.).
7. Blok A. A. Pis'ma 1898-1921 gg. [Letters 1898-1921]. *Sobranie sochineniy v 6-ti t.* [Collected works in 6 volumes.]. Vol 6, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1982, 422 p. (In Russ.).
8. Blok A. Solov'iny sad [Nightingale Garden]. Saint Petersburg, Alkonost, 1918, 26, [6] p. (In Russ.).
9. «Kafeynyy period» i zakat Serebryanogo veka (1917- nach. 1920-kh) [The "cafe period" and the decline of the Silver Age (1917–early 1920s)]. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=iHWZpAB7lqs&t=3635s> (accessed: 20.02.2024).

10. Mar'on Zh. L. Perekrest'ya vidimogo [Crosshairs of the visible]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2010, 176 p. (In Russ.).
11. Marion Zh. -L. Nasyshchennyy fenomen [A rich phenomenon]. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2014, pp. 63-99. (In Russ.).
12. Merlo-Ponti M. Vidimoe i nevidimoe [Visible and invisible]. Moscow, Logvinov, 2006, 400 p. (In Russ.).
13. Merlo-Ponti M. Oko i dukh [The Eye and the Spirit]. Moscow, Iskusstvo, 1992, 63 p. (In Russ.).
14. Merlo-Ponti M. Somneniya Sezanna [Cezanne's Doubts]. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2014, pp. 102-118. (In Russ.).
15. Pervyy vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley. Stenograficheskiy otchet [The First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim Report]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «khudozhestvennaya literatura», 1934, 718 p. (In Russ.).
16. Podobedova O. I. O prirode knizhnoy illyustratsii [On the nature of book illustration]. Moscow, Sovetskiiy khudozhnik, 1973, 333 p. (In Russ.).
17. Taran E. G. Vokrug «Alkonosta» [Around "Alkonost"]. Moscow, Agraf, 2011, 224 p. (In Russ.).
18. Titarenko S. D. Vizual'nyy obraz v estetike Aleksandra Bloka: Problemy fenomenologii [Visual Image in the Aesthetics of Alexander Blok: Problems of Phenomenology]. *Solov'evskie issledovaniya* [Soloviev's research]. 2020, no. 3 (67), pp. 93-106. (In Russ.).
19. Turkov A. M. Aleksandr Blok [Alexander Blok]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1969, 320 p. (In Russ.).
20. Shrubina M. Literaturnye ob"edineniya Moskvyy i Peterburga 1890-1917 godov [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 448 p. (In Russ.).

Информация об авторе

***М. А. Лумпова – специалист по библиотечно-выставочной работе,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.***

Information about the author

***Maria A. Lumpova – Specialist in Library and Exhibition work,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.***

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 38–44.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 38-44.

Научная статья

УДК 811.111'38

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-38-44

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАНИФЕСТА ДЖ. ПРАЙС «STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO»

Ольга Игоревна Графова¹, Кирилл Андреевич Рязанцев²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ grafova.olly@gmail.com

² ryazantcevKA@yandex.ru

Аннотация. В данной статье изучается уникальность жанра манифест с точки зрения влияния стилистических особенностей на его форму. В современной научной сфере этот жанр редко рассматривается в языковом аспекте. Манифест, как и любой другой жанр, обладает набором присущих ему характеристик: многообразие форм и жанров, разнотипность, манифестарность, стилистические особенности, перформативность. Манифест должен привлекать к себе как можно большее внимание аудитории, в текстовом формате выражается в употреблении тропов, определенной лексики, метафор. Авторы статьи проводят лингвистический анализ с целью выявления различных стилистических особенностей на базе текста книги «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» за авторством американской эоактивистки Дженни Прайс. В ходе анализа авторы статьи отмечают влияние публицистического стиля на эмоциональную часть текста, синтаксис предложений, простой формат изложения идей. В статье рассматривается, как синтаксис может усилить смысл предложения и подчеркнуть значимость для текста, влияние метафоры на эмотивную часть текста, как анафора способна выразить и подчеркнуть комплексность проблемы, как тропы позволяют тексту привлечь к себе больше внимания. Авторы статьи также затрагивают важность лексического состава в контексте манифеста. Некоторые категории, как, например, сниженная лексика, служат для придания большей эмотивности, аббревиатуры могут указывать на современность языка произведения, часть лексических единиц может указывать на принадлежность текста к тому или иному дискурсу. Подобный анализ произведений в жанре манифест может быть полезен для выявления общих особенностей в жанре.

Ключевые слова: манифест, экология, дискурс, лексика, стиль, особенности, жанр

Для цитирования: Графова О. И., Рязанцев К. А. Стилистические особенности манифеста Дж. Прайс «Stop saving the planet!: an environmentalist manifesto». Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 38–44. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-38-44>

Original article

LINGUISTIC ORIGINALITY OF THE MANIFESTO GENRE IN THE BOOK «STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO» BY J. PRICE

Olga I. Grafova¹, Kirill A. Ryazantcev²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ grafova.olly@gmail.com

² ryazantcevKA@yandex.ru

Abstract. This article examines the uniqueness of the manifesto genre from the point of view of the influence of stylistic features on its form. In the modern scientific field, this genre is rarely considered in terms of the linguistic aspect. The manifesto, like any other genre, has a number of characteristics: a variety of forms and genres, different types of manifestoes, manifestation, stylistic features, performativity. The manifesto should attract as much attention as possible from the audience; in text format it is expressed by the usage of tropes, certain vocabulary, and metaphors. The authors of the article made linguistic analysis in order to identify various stylistic features based on the text of the book “Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto” by American environmental activist Jenny Price. During the analysis, the authors of the article note the influence of the style on the emotional part of the text, the syntax of sentences, and the format of presenting ideas. The article examines how syntax can enhance the meaning of a sentence and emphasize its significance for the text, the influence of metaphor on the emotive part of the text, how anaphora can express and emphasize the complexity of the problem, how tropes allow the text to attract more attention. The authors of the article also touch on the importance of lexical composition in the context of the manifesto. Some categories, such as reduced vocabulary, serve to make it more emotive; abbreviations may indicate the modernity of the language of the work; some lexical units may indicate that the text belongs to a particular discourse. An analysis of works in the manifesto genre can be useful in identifying common features of the genre.

Keywords: manifesto, ecology, discourse, lexis, style, features, genre

For citation: Grafova O. I., Ryazantcev K. A. Linguistic originality of the manifesto genre in the book «Stop saving the planet!: an environmentalist manifesto» by J. Price. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;15:38-44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-38-44>

Введение

Жанр манифест представляет собой интересную тему для изучения. Несмотря на большой интерес к анализу этого жанра со стороны иностранных ученых во второй половине XX в., он так и не получил должного внимания в русскоязычной научной среде. Манифест как жанр вызывает к себе интерес по ряду причин. Как писала Джанет Лион, одна из главных исследователей манифестов, работы в этом жанре оказали колоссальное влияние на события начала XX в. [Lyon 1991: 101]. Манифест в полной мере отражает дух той эпохи, в которую был написан как с литературной точки зрения, так и с социальной. Манифест касается наиболее актуальных проблем того или иного периода времени. В связи с этим можно произвести диахронический срез манифестов из разных временных промежутков и наглядно рассмотреть развитие жанра.

Выбранный литературный материал представляет собой интерес поскольку Дженни Прайс является ярким представителем экологического движения в США. Ее первая книга «Flight Maps» [Price 1999: эл. ресурс] была бестселлером. «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» [Price 2021], на базе которой рассматривается жанровое своеобразие, представляет собой собрание наиболее актуальных тем и проблем в экологической сфере, а также является ярким представителем языковых особенностей жанра на момент XXI в.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточностью исследования жанра манифест в XXI в., отсутствием анализа книги Дженни Прайс на русском языке. Целью исследования выступает описание стилистических приемов и лексических особенностей, характерных для манифеста на примере книги Дженни Прайс.

Основная часть

Манифест – это многозначное понятие. В большом толковом словаре Д. Н. Ушакова дается четыре значения. Актуальным для нашего исследования будет следующее: «Политическое воззвание, обращение, имеющее принципиальный, программный, характер. «Письменное изложение творчества какой-нибудь литературной или художественной группы» [Большой толковый словарь русского языка под редакцией Ушакова: эл. ресурс].

Манифест прошел долгий путь. Наталья Тиграновна Пахсарьян, подчеркивает изначальную политичность манифеста, но со второй половины XIX в. жанр начал использоваться в текстах эстетической направленности [Пахсарьян 2018: 43].

Есть несколько способов классификации манифеста. Например, Стивенс Рассел выделял аспект принятия социумом, динамику риторики и стилистические особенности [Stevens 2003: эл. ресурс]. В рамках этой статьи мы возьмем классификацию Клода Абастадо, основоположника анализа манифеста как жанра. В своем исследовании *Introduction à l'Analyse des Manifestes* ученый выделяет пять основных черт: многообразие форм и жанров, разнотипность манифестов, манифестарность стилистические особенности манифеста, перформативность [Abastado 1980: 3].

В контексте этой статьи наиболее важным выступит пункт стилистические особенности. Как было показано выше, Клод Абастадо и Стивенс Рассел выделяют стилистические особенности в качестве важного момента. Манифест, как и любое другое литературное произведение, доносит до реципиента мысль, идею, другими словами, обладает определенной прагматикой. В подавляющем большинстве случаев в качестве основной мысли выступает критика устоявшихся аспектов общества и призыв к их пересмотру. Следовательно, текст должен быть ярким и броским с языковой точки зрения. Чем шире охват манифеста, тем больше людей могут потенциально проникнуться его идеями. Жанр манифест как ни один другой зависит от общественного восприятия. Эту концепцию затрагивали Хуберта Ван Ден Берг, Алиса Каплан.

Джанет Лион указывает на факт использования наставительного риторического стиля почти во всех манифестах [Lyon 1999: 13]. С помощью наставительного стиля автор может подтолкнуть людей к совершению тех или иных действий. Г. Яношевская описывает стиль языка манифеста как крайне риторический, склонный к манипуляциям [Yanoshevsky 2011: 276]. По ее мнению, это позволяет с максимальной эффективностью закрепить основные положения манифеста в глазах общественности. Данная особенность жанра усложняет задачу интерпретации манифеста. Для наиболее полного и объективного анализа исследователь должен смотреть не только на стиль, язык, но и на исторический контекст вокруг произведения, биографию автора.

Также важным моментом является новизна манифеста в контексте той эпохи, когда он был написан. XX в. был эпохой изменений во многих слоях общественной и политической жизни, необходимы были новые постулаты. Манифесты отвергали устаревшие способы организации общества и предлагали новые пути [Habermas 2015: эл. ресурс].

Важно будет затронуть влияние театральности на манифест. Наиболее полно эту тему раскрыл Мартин Пухнер. Как было сказано выше, манифест в любой сфере (политической, социальной, экологической) должен быть запоминающимся, для этого авторы могут встраивать в свой текст риторические вопросы, тем самым создавая иллюзию диалога с читателем [Puchner 2002]. Так можно достичь более полной вовлеченности читателя в идеи манифеста.

Выделяют пять основных черт манифеста, каждая из них одинаково важна для полного анализа жанра, однако в рамках этой статьи мы затронем лишь стилистические особенности. Именно на их примере можно наиболее полно увидеть, какие приемы использует автор для донесения своих идей.

Перед анализом книги Дженни Прайс вкратце рассмотрим ее биографию. Дженни Прайс закончила Йельский университет и получила докторскую степень по истории, после чего окончила Принстонский университет, где получила научную степень в сфере биологии и орнитологии. Долгое время Дженни Прайс прожила в Лос-Анджелесе, там она впервые широко столкнулась с экологическими проблемами, например, с плотной застройкой берегов реки Лос-Анджелес или с высокой степенью засорённости пляжей Малибу. Эти и другие проблемы легли в основу первой книги Дженни Прайс «Flight Maps» [Price 1999: эл. ресурс]. Прайс в ироничной манере рассказывала о штатах США и сопутствующих экологических проблемах. Ее следующая книга «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» выступает как полный разбор текущего состояния эко-активизма в Америке [Price 2021].

Теперь перейдем к разбору манифеста. Книга Дженни Прайс написана в публицистическом стиле. Такой стиль позволяет передать всё языковое своеобразие манифеста: эмоционально окрашенная лексика, простые языковые конструкции, простота изложения мысли, метафоричность.

В примере «*Can we please stop saving the \$#!ing planet?!*» можно наблюдать использование обценной лексики, постановка вопросительного и восклицательного знаков в пределах одной конструкции для усиления значимости предложения.

«*Am I saying that all American environmentalism takes the “out there” approach—which allows you to sidestep the problem, and to have your Prius and drive it too? NO!! No, I am not*». В этом предложении можно проследить, как синтаксис помогает создать диалог между читателем и автором, что тоже является частью манифеста, как жанра, обращенного на привлечение внимания людей к проблеме. В первом предложении используется инверсия, типичный способ построения вопросительной конструкции в английском языке, с помощью этого автор формулирует риторический вопрос. Часть «*NO!! No, I am not*» выполняет сразу несколько функций: отвечает на этот вопрос, подчеркивает мнение автора через два восклицательных знака, которые усиливают прагматику. Так же стоит обратить внимание, что «*NO*» написано прописными буквами, это еще раз подчеркивает позицию автора и привлекает внимание читателя. Постановка сразу двух знаков восклицания акцентирует внимание на смысле, как и употребление «*No*» в качестве отрицания три раза.

Следующим пунктом нашего анализа выступают метафоры. Они придают тексту дополнительную эмоциональность и позволяют ярче выразить идеи манифеста. Примеры метафор из текста: «*The emphasis on the importance of individual actions conveniently passes the buck from producers to consumers*». В приведенном выше отрывке метафорой выступает «*pass the buck*». Это выражение берет свое начало в покерном слэнге и имеет значение *передать ответственность*. В данном контексте Дженни Прайс с помощью этой метафоры указывает на факт снятия ответственности за загрязнение окружающей среды с корпораций и перенос ответственности на простых людей, которые не имеют к этому никакого отношения. Этот пример показывает, как метафоры способны придать идее образность и сделать ее запоминающейся.

Пример еще одного тропа – анафоры: «*You might not see how local... Or how the inequitable... Or how ivory poaching and illegal... You might fail to ask, generally.. How the lack of access to clean air and water...And how to be poor in the 21st*». Дженни Прайс специально повторяет одну языковую конструкцию для акцентирования внимания на комплексности проблемы.

Важную роль в любом тексте играет лексический состав, манифест не стал исключением. В книге Дженни Прайс можно встретить сниженную лексику. Ее выбор обуславливается желанием автора сделать текст как можно более живым с помощью включения языковых элементов стилистически сниженной лексики. «*Also, it's utter bullshit*» Cambridge Dictionary трактует слово *bullshit* как «a rude word for complete nonsense or something that is not true». «*producing toxic crap*», Merriam-Webster в качестве основного значения выделяет – «*slang, sometimes vulgar : NONSENSE, RUBBISH*».

Как было продемонстрировано выше, тропы неразрывно связаны с манифестом. Именно они позволяют сделать мысль ярче и объяснить ее наиболее просто.

Так как манифест написан три года назад, то можно выделить словоформы, присущие интернет дискурсу. Подобная лексика делает текст более актуальным для определенного пласта аудитории. Аббревиатура: «*In sum, WTF?*», словарь Cambridge Dictionary дает следующую расшифровку – «*What the fuck*» [Cambridge Dictionary].

Манифест Дженни Прайс в первую очередь представляет собой текст об экологических проблемах. Поэтому в нем можно встретить обилие лексических единиц из этой сферы дискурса: «*Greenies*» (Перевод: зелененькие. Пренебрежительное название эко-активистов); EPA (Агентство по охране окружающей среды США); «*Kyoto protocol*» (Перевод: Киотский протокол, который был заключен для снижения выброса газов в атмосферу); «GHG» (сокращение от *greenhouse gases* – парниковый эффект); «CO₂».

В тексте активно используются слова реалии. С их помощью Дженни Прайс эксплицирует американскую действительность в манифесте. Бренды: Exxon, Chevron, Nestle, Apple, McDonalds, Bank of America, JP Morgan Chase, Georgia-Pacific, PepsiCo, Clorox. Топонимы: Los-Angeles, California, St. Louis, Atlanta, Cleveland, Chicago, Boston, Albuquerque, Flint, Michigan, New Jersey, Montana.

В качестве последнего примера рассмотрим, как постмодернизм проявляет себя в тексте современного манифеста. Вторая глава имеет следующее предисловие: «*Smug Alert – South Park episode, 2006*». За очевидной отсылкой на популярное шоу «Южный парк» скрывается интертекст. Сюжет эпизода «Smug alert» посвящен лицемерию людей в сфере экологии. Этот факт прекрасно встраивается в идею как главы, так и книги.

Заключение

Подытоживая все написанное, «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» с помощью ярких языковых средств доносит до реципиента основные идеи. Любой манифест воздействует на читателя на языковом уровне. Через броские языковые приемы автор приковывает к тексту внимание публики и закрепляет в обществе свои идеи.

Список литературы

1. Пахсарьян Н. Т. Литературный манифест: содержание и эволюция понятия // Вестник университета имени Альфреда Нобеля. 2018. № 1 (15). С. 38–43.
2. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes // Littérature. Paris. 1980. No. 39. P. 3–11.
3. Berg H. Manifesto, eine Gattung?: Gattung?" in Berg and Grüttemeier 1998: 1998. S. 193–225.
4. Habermas J. Modernity: An Unfinished Project / Transl. Seyla Ben-Habib, 1980. URL: https://platus1917.org/wp-content/uploads/2010/10/habermas_modernityproject.pdf (дата обращения: 05.05.24).
5. Kaplan A. Recent Theoretical Work with Pamphlets and Manifestoes // L'esprit créateur 23 (4), 1983. P. 74–82.
6. Lyon J. Manifestoes: Provocations of the Modern. New York // Cornell University Press, 1999. 240 p.
7. Lyon J. Transforming Manifestoes: A Second-Wave Problematic // Yale Journal of Criticism 1991. 5. P. 101–127.
8. Price J. Flight Maps, 1999. URL: https://www.environmentandsociety.org/sites/default/files/key_docs/price_pinkflamingo_as_1.pdf (дата обращения: 04.05.24).
9. Price J. Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto. W. W. Norton & Company April 2021. 20. 144 p.
10. Puchner M. Manifesto = Theatre // Theatre Journal. Baltimor. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 449–465.
11. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 05.05.24).
12. Yanoshevsky G. Three Decades of Writing on Manifesto: The Making of a Genre // Poetics Today. Durham, 2009. No. 30. P. 257–286.

Список словарей

1. Большой толковый словарь русского языка под редакцией Ушакова Д. Н. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 05.05.24).
2. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 05.05.24).
3. Merriam-Webster. Url: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 05.05.24).

References

1. Pakhsar'yan N. T. Literaturnyy manifest: sodержanie i evolyutsiya ponyatiya [Literary Manifesto: Content and Evolution of the Concept]. *Vestnik universiteta imeni Alfreda Nobelya* [Bulletin of the Alfred Nobel University]. 2018, no. 1 (15), pp. 38-43. (In Russ.).
2. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. 1980. No. 39. P. 3–11.
3. Berg H. Manifesto, eine Gattung?: Gattung?" in Berg and Grüttemeier 1998: 1998. P. 193–225.

4. Habermas J. *Modernity: An Unfinished Project* / Transl. Seyla Ben-Habib, 1980. URL: https://platypus1917.org/wp-content/uploads/2010/10/habermas_modernityproject.pdf (дата обращения: 05.05.24).
5. Kaplan A. Recent Theoretical Work with Pamphlets and Manifestoes // *L'esprit créateur* 23 (4), 1983. P. 74-82.
6. Lyon J. *Manifestoes: Provocations of the Modern*. New York // Cornell University Press, 1999. 240 p.
7. Lyon J. Transforming Manifestoes: A Second-Wave Problematic // *Yale Journal of Criticism*. 1991. 5. P. 101-127.
8. Price J. *Flight Maps*, 1999. URL: https://www.environmentandsociety.org/sites/default/files/key_docs/price_pinkflamingo_as_1.pdf (дата обращения: 04.05.24).
9. Price J. *Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto*. W. W. Norton & Company April 2021. 20. 144 p.
10. Puchner M. Manifesto = Theatre // *Theatre Journal*. Baltimor. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 449-465.
11. Stevens R. *Manifestoes: A Study in Genre*, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 05.05.24).
12. Yanoshevsky G. Three Decades of Writing on Manifesto: The Making of a Genre // *Poetics Today*. Durham, 2009. No. 30. P. 257-286.

List of dictionaries

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka pod redaktsiey Ushakova D. N. [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language edited by D. N. Ushakov]. (In Russ.). Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed: 05.05.24).
2. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (дата обращения: 05.05.24).
3. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 05.05.24).

Информация об авторах

О. И. Графова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

К. А. Рязанцев – студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

O. I. Grafova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

K. A. Ryazantcev – Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 07.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 07.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 45–52.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 45-52.

Научная статья

УДК 811.112.2`36

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-45-52

ТИПОЛОГИЯ НЕМЕЦКИХ ДЕВЕРБАТИВОВ В АСПЕКТЕ ИХ ТРАНСФОРМИРУЕМОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

irarch@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются немецкие предложные девербативы в контексте их трансформируемости в производящие глаголы аналогичной семантики. Потенциал их так называемой обратной трансформируемости (ревербализации) раскрывает их таксисный функционал, то есть способность актуализовать таксисно-хронологические значения одновременности и разновременности. В состав предложных девербативов входят отглагольные имена на *-en*, *-ung*, *-t* и *-e* в сочетании с предлогами *in*, *bei*, *mit*, *während*, *nach*, *bis*, *vor*, *seit*, *nach* в темпоральном значении. Целью исследования является выявление трансформируемости немецких девербативов различной лексической и словообразовательной семантики, употребляемых с предлогами темпоральной семантики, и описание их таксисного функционала. Материалом исследования служат высказывания с предложными девербативами на *-en*, *-ung*, *-t*, *-e*, отобранные методом направленной выборки из электронной базы данных Немецкого словаря и Лейпцигского национального корпуса. В ходе исследования выявлено, что в состав трансформируемых / ревербализуемых предложных девербативов с темпоральными предлогами входят имена на *-en* с семантикой акциональности / процессуальности / стательности, а также событийные / акциональные имена на *-ung* и акциональные имена на *-e* и *-t*. При употреблении с темпоральными предлогами *in*, *bei*, *mit*, *während*, *nach*, *bis*, *vor*, *seit*, *nach* они легко трансформируются в темпоральные придаточные с союзами аналогичной семантики *wenn*, *als*, *während*, *ehe*, *bevor*, *nachdem* и др, и выступают в качестве соактуализаторов таксисных категориальных значений.

Ключевые слова: девербативы, предложные девербативы, трансформируемость, ревербализация, таксисный функционал, таксисное значение, соактуализатор таксисного значения, одновременность, разновременность

Для цитирования: Архипова И. В. Типология немецких девербативов в аспекте их трансформируемости в высказываниях с темпоральными предлогами // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 45–52. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-45-52>

Original article

TYPOLOGY OF GERMAN DEVERBATIVES IN THE ASPECT OF THEIR TRANSFORMABILITY IN STATEMENTS WITH TEMPORAL PREPOSITIONS

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article examines German prepositional deverbatives in the context of their transformability into generating verbs of similar semantics. The potential of their so-called reverse transformability (reverbalization) reveals their taxis functionality, i. e. the ability to update the taxis-chronological meanings of simultaneity and non- simultaneity. The surveyed prepositional deverbatives include verbal nouns in *-en*, *-ung*, *-t* and *-e* in combination with the prepositions *in*, *bei*, *mit*, *während*, *nach*, *bis*, *vor*, *seit*, *nach* in a temporal meaning. The purpose of the study is to identify the transformability of German diverbatives of various lexical and word-formative semantics, used with prepositions of temporal semantics, and to describe their taxis functionality. The research material is utterances with prepositional deverbatives in *-en*, *-ung*, *-t*, *-e*, selected by the method of directed sampling from the electronic database of the German Dictionary and the Leipzig National Corpus. The study revealed that the composition of transformable/reverbalizable prepositional deverbatives with temporal prepositions includes names starting with *-en* with the semantics of activityality / procedurality/ stationality, as well as event / actional names with *-ung* and actional names with *-e* and *-t*. When used with temporal prepositions *in*, *bei*, *mit*, *während*, *nach*, *bis*, *vor*, *seit*, *nach*, they are easily transformed into temporal subordinate clauses with conjunctions of similar semantics *wenn*, *als*, *während*, *ehe*, *bevor*, *nachdem*, etc., and act as co-actualizers of taxis categorial meanings.

Keywords: deverbatives, prepositional deverbatives, transformability, reverbalization, taxis functional, taxis meaning, taxis meaning co-actualizer, simultaneity, non-simultaneity

For citation: Arkhipova I. V. Typology of German deverbatives in the aspect of their transformability in statements with temporal prepositions. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;15:45-52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-45-52>

Введение

Проблемы изучения семантики отглагольных имен, наследуемой от производящих (мотивирующих) их глаголов, находят свое освещение в работах отечественных и зарубежных лингвистов [Архипова 2022, 2023, 2023а; Болотова 2019; Бурмистрова 1985; Волкова 2015; Гаврилова 2015; Глушак, Балакирев 1980; Гутникова 2019; Зольникова 2015; Касимова 2019; Матасова, Уфимцева 2017; Маслова 1985; Мирошникова, Матасова 2016; Cate 1979, 1985; Römer 1987; Sandberg 1976, 1982; Sommerfeldt 1969; Schippan 1967, 1968]. Девербативы характеризуются двухслойной или двойственной семантикой, совмещая вербальность производящих глаголов и предметные значения имен существительных. «Глагольная природа» девербативов обуславливает их достаточно широкие трансформационные возможности, которые, в свою очередь, детерминируют их таксисный функционал в высказываниях с темпоральными предлогами.

Целью исследования является описание немецких предложных девербативов с темпоральными предлогами *in, bei, mit, während, nach, bis, vor, seit, nach* с точки зрения их обратной трансформируемости (то есть ревербализации) в глагольные предикации с производящими глаголами и выявление их таксисного функционала, заключающегося в их способности выступать в качестве таксисных соактуализаторов одновременности, предшествования и следования в обследованных высказываниях немецкого языка.

Материалом для исследования служат высказывания с предложными девербативами с темпоральными предлогами, полученные методом направленной выборки из электронной базы данных Немецкого словаря (DWDS) и Лейпцигского корпуса (LC). Общее количество проанализированных языковых фрагментов составляет более 10 000.

Основная часть

Среди изученных немецких девербативов с практически абсолютными трансформационными возможностями следует выделять следующие группы или типы отглагольных имен:

(1) имена на *-en* с семантикой акциональности, процессуальности и стательности (например, *das Fahren, das Gehen, das Schlafen, das Einschlafen, das Nachdenken, das Aufstehen, das Sitzen, das Stehen, das Liegen* и др.);

(2) событийные и акциональные имена на *-ung* (например, *die Verbreitung, die Beschreibung, die Verhaftung, die Unterdrückung, die Scheidung, die Trennung* и др.);

(3) акциональные имена на *-e* и *-t* (например, *die Ankunft, die Abfahrt, die Abreise, die Anreise* и др.).

В первую группу входят отглагольные имена на *-en* с семантикой акциональности, процессуальности и стательности, которые в максимальной степени сохраняют семантику производящих глаголов и характеризуются так называемой абсолютной обратной трансформируемостью или ревербализацией. Например:

(1) *Beim Schlafen* ist es hilfreich, den Oberkörper im Bett etwas erhöht zu lagern, um zu vermeiden, dass Mageninhalt beim Liegen in die Speiseröhre fließt (LC). → *Wenn man schläft*, ist es hilfreich, den Oberkörper im Bett etwas erhöht zu lagern, um zu vermeiden, dass Mageninhalt beim Liegen in die Speiseröhre fließt.

(2) Viele Menschen plagen Probleme *beim Einschlafen* ... (LC). → Viele Menschen plagen Probleme, *wenn sie einschlafen*

(3) Ein Fahrer raucht *während dem Fahren* Cannabis (LC). → Ein Fahrer raucht, *während er fährt*, Cannabis.

(4) Am Brandenburger Tor trank ich *im Gehen* Kaffee (LC). → Am Brandenburger Tor trank ich, *während / als ich ging*, Kaffee.

(5) In Salzburg dirigiert er *im Sitzen*, umgeben von einer Aura freundlicher Weisheit (LC). → In Salzburg dirigiert er, *wenn er sitzt*, umgeben von einer Aura freundlicher Weisheit.

(6) ... *vor dem Schlafen* dachte er an nichts Böses und warf einen Blick in seinen Garten (LC). → ... *bevor er schlief*, dachte er an nichts Böses und warf einen Blick in seinen Garten.

В высказываниях (1–2) с процессуальным девербативом на *-en* *das Schlafen* реализованы таксисные категориальные значения одновременности. Предложный

девербатив с *bei* трансформируется в темпоральное придаточное с союзом временной семантики *wenn* (см. примеры 1–2). В высказывании (6) предложный девербатив на базе того же процессуального имени на *-en* сочетается с темпоральным предлогом *vor* (см. *vor dem Schlafen*). Данный предложный девербатив трансформируется в темпоральное придаточное с союзом аналогичной семантики *bevor*.

В высказывании (4) с акциональным девербативом *das Gehen* с темпоральным предлогом *in* выражено таксисное значение одновременности. Предложный девербатив *im Gehen* трансформируется в придаточное времени с союзом *während* или *als*. Его трансформационный потенциал обуславливает его таксисный функционал в соответствующем высказывании (4).

В высказывании (5) употреблен предложный девербатив стальной семантики *im Sitzen*, который трансформируется в придаточное с темпоральным союзом *wenn*. Реализуя свой таксисный функционал, он принимает участие в актуализации таксисного значения одновременности.

Вторую группу предложных девербативов составляют событийные и акциональные имена на *-ung*. Они также могут быть трансформированы в соответствующие временные придаточные с союзами аналогичной семантики *wenn*, *als*, *während*, *bevor*, *ehe*, *seit*, *seitdem*, *bis*. Акциональные имена характеризуются абсолютной обратной трансформируемостью (в отличие от событийных имен на *-ung* типа *die Trennung*, *die Scheidung*). Обратная трансформация таких событийных имен предполагает привлечение дополнительных лексических средств (в частности, некоторых глаголов событийной семантики типа *stattfinden*, *erfolgen* и др. (см. примеры 12 и 13). Ср.:

(7) *Bei der Verhaftung leistete der Herzog keinen Widerstand* (DWDS). → *Als der Herzog verhaftet wurde, leistete er Herzog keinen Widerstand.*

(8) *Bei der Unterdrückung der Rebellion spielten die Dolfin eine wesentliche Rolle* (DWDS). → *Als die Rebellion unterdrückt wurde, spielten die Dolfin eine wesentliche Rolle.*

(9) *Nach der Verbreitung des Hochdeutschen sprachen die meisten Einwohner der Stadt Danziger Missingsch, einen mitteldeutschen Dialekt* (DWDS). → *Nachdem sich das Hochdeutsche verbreitet hatte, sprachen die meisten Einwohner der Stadt Danziger Missingsch, einen mitteldeutschen Dialekt.*

(10) *Vor der Beschreibung der zirka zweimonatigen Haft im Konzentrationslager kommt noch einiges aus der Vorgeschichte zur Sprache ...* (DWDS). → *Bevor / ehe man die zirka zweimonatige Haft im Konzentrationslager beschrieben hat, kommt noch einiges aus der Vorgeschichte zur Sprache ...*

(11) *Bei der Scheidung der Innstettens wird das Kind dem Vater zugesprochen* (DWDS). → *Wenn die Scheidung der Innstettens stattfindet, wird das Kind dem Vater zugesprochen.*

(12) *Ihr Ex-Mann nahm vor der Trennung das Kind zu sich* (DWDS). → *Ihr Ex-Mann nahm, bevor die Trennung stattfand, das Kind zu sich.*

В высказываниях (7) и (8) предложные девербативы *bei der Verhaftung* и *bei der Unterdrückung der Rebellion* трансформированы в темпоральные придаточные предложения с временным союзом *als*. Их абсолютные трансформационные возможности подтверждают факт реализации ими таксисного функционала. Они выступают в качестве соактуализаторов (наряду с глагольными предикатами) таксисных категориальных значений одновременности.

В высказывании (9) с предложным девербативом *nach der Verbreitung des Hochdeutschen* реализовано таксисное значение следования. Данный девербатив с темпоральным предлогом *nach* трансформирован во временное придаточное с союзом *nachdem*.

Трансформация предложного девербатива *vor der Beschreibung der zirka zweimonatigen Haft im Konzentrationslager* в темпоральное придаточное с союзом *bevor* или *ehe* обуславливает его таксисный функционал, позволяя выступать в качестве «сореализатора» (соактуализатора) таксисного значения предшествования (см. пример 10).

В высказываниях (11) и (12), содержащих событийные девербативы с темпоральными предлогами *bei* и *vor*, реализованы таксисные значения одновременности (см. пример 11) и предшествования (см. пример 12). Их обратная трансформация допускает привлечение дополнительных лексических средств, включенных в общую структуру тех же временных придаточных с темпоральными союзами *wenn* и *bevor*.

Третью группу ревербализируемых предложных девербативов составляют акциональные имена на *-e* и *-t* (*die Ankunft, die Abfahrt, die Abreise, die Anreise* и др.). Сочетаясь с темпоральными предлогами, они могут быть трансформированы в соответствующие временные придаточные с союзами схожей / аналогичной семантики. Например:

(13) *Bei der Abreise nimmt er aus Mitleid den angesteckten Waisenknaben Nicolo mit, obwohl es ihm anfangs widerstrebt* (DWDS). → *Wenn er abreist, nimmt er aus Mitleid den angesteckten Waisenknaben Nicolo mit, obwohl es ihm anfangs widerstrebt*.

(14) *Callie zieht nach der Abreise von Arizona mit Mark zusammen* (DWDS). → *Callie zieht, nachdem sie von Arizona abgereist ist, mit Mark zusammen*.

(15) *Vor der Ankunft europäischer Entdecker wurden die Großregion von Osttexas sowie die darum liegenden heutigen Bundesstaaten vor allem von Angehörigen der Caddo-Volksgruppe bewohnt* (DWDS). → *Bevor die europäischen Entdecker angekommen waren, wurden die Großregion von Osttexas sowie die darum liegenden heutigen Bundesstaaten vor allem von Angehörigen der Caddo-Volksgruppe bewohnt*.

Трансформация предложных девербативов на базе акциональных имен на *-e* и *-t* в соответствующие темпоральные придаточные детерминирует факт актуализации ими таксисных категориальных значений одновременности (см. пример 13 с предложным девербативом *bei der Abreise*), следования (см. пример 14 с предложным девербативом *nach der Abreise von Arizona*) и следования (см. пример 15 с предложным девербативом *vor der Ankunft europäischer Entdecker*).

Заключение

Таким образом, «глагольная природа» девербативов, характеризующихся двухслойной (двойственной) семантикой детерминирует достаточно широкие возможности их трансформируемости в производящие глаголы с аналогичными (тождественными) значениями. Их ревербализация, то есть обратная трансформация в производящие глаголы, обуславливает, в свою очередь, актуализацию таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования.

В состав проанализированных предложных девербативов с темпоральными предлогами входят имена на *-en* с семантикой акциональности / процессуальности / статальности, а также событийные / акциональные имена на *-ung* и акциональные имена на *-e* и *-t*.

Предложные девербативы с предлогами *in, bei, mit, während, nach, bis, vor, seit, nach* в темпоральном значении трансформируются в темпоральные придаточные с темпоральными союзами аналогичной семантики (*wenn, als, während, ehe, bevoe, nachdem* и др.).

Список литературы

1. Архипова И. В. «Ревербализующиеся» девербативы и их функциональный потенциал // *Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики* : Материалы VII всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск : Изд-во «Ульяновский государственный университет», 2022. С. 34–39.
2. Архипова И. В. Немецкие девербативы через призму таксиса // *Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика*. 2023. № 2. С. 131–137.
3. Архипова И. В. Трансформационный потенциал таксисных девербативов (на материале немецких высказываний с предложными конструкциями) // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2023а. № 2. С. 48–54.
4. Болотова Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // *Доклады Башкирского университета*. 2019. Т. 4. № 1. С. 108–112.
5. Бурмистрова Е. Г. Структурно-семантические особенности субстантивной группы с ядром-процессуальным существительным // *Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол. : В. А. Ковин (отв. ред.) и др. Киров : КГПИ, 1985. С. 74–77.*
6. Волкова И. В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2015. № 34. С. 147–154.
7. Гаврилова Е. Н. Проявление процессуальной лексической тождественности девербативов в семантико-грамматическом аспекте // *Современное общество: проблемы, идеи, инновации*. 2015. № 4. С. 116–119.
8. Глушак Т. С., Балакирев В. Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом *-ung*) // *Иностранные языки в школе*. 1980. № 5. С. 17–22.
9. Гутникова А. В. Анализ семантической структуры безаффиксных именных производных в средневерхненемецком языке // *Вестник Курганского государственного университета*. 2019. № 1 (52). С. 25–29.
10. Зольникова Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // *Наука и культура России*. 2015. Т. 1. С. 225–229.
11. Касимова Г. К. Девербативы со значением «носитель процессуального признака» // *Развитие значений производных слов как особый номинативный процесс (на материале многозначных отглагольных и отсубстантивных имен)*. Пенза : Изд-во «Пензенский артиллерийский инженерный институт», 2019. С. 132–160.
12. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ на материале немецкого и английского // *Язык. Социум. Культура*. Саратов : Изд-во «Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 2017. С. 24–28.
13. Маслова Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань: Изд-во «Казанский университет», 1985. 170 с.
14. Мирошникова З. А., Матасова О. В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // *Наука и общество*. 2016. № 1 (24). С. 101–108.
15. Cate A. P. *Semantische Aspekte und Verbalabstrakta* // *Sprachstruktur, Individuum und Gesellschaft*. Tübingen: Niemeyer, 1979. S. 177–188.

16. Cate A. P. *Aspektualität und Nominalisierung: Zur Bedeutung satzsemantischer Beziehungen für die Beschreibung der Nominalisierung im Deutschen und Niederländischen*. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang, 1985. 243 S.

17. Römer Ch. Transformationalistische und lexikalistische Erklärung von Wortbildungen -dargestellt am Beispiel deverbaler -ung-Substantive // *Deutsch als Fremdsprache* 24. 1987. S. 217–221.

18. Sandberg B. Die neutrale -(e)n- Ableitung der deutschen Gegenwartssprache. Zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven. Göteborg, 1976. 229 S.

19. Sandberg B. Zur Valenz der Substantive // *Deutsch als Fremdsprache*. 1982. № 5. S. 272–279.

20. Sommerfeldt K. E. Grenzen der Transformation von Kernsätzen in Nominalgruppen // *Deutsch als Fremdsprache*. 1969. № 3. S. 175–180.

21. Schippan Th. *Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart*. Habil.-Schrift. (masch. verfielf.). Leipzig, 1967. 298 S.

22. Schippan Th. *Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart // Deutschunterricht*. 1968. H. 5. S. 522–526.

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 10.05. 2024).

2. DWDS – Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 10.05.2024).

References

1. Arkhipova I. V. «Reverbalizuyushchiesya» deverbativy i ikh funktsional'nyy potentsial ["Reverbalizing" deverbatives and their functional potential]. *"Reverbalizing" deverbatives and their functional potential* ["Reverbalizing" deverbatives and their functional potential]. Ul'yanovsk, Ul'yanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2022, pp. 34-39. (In Russ.).

2. Arkhipova I. V. Nemetskie deverbativy cherez prizmu taksisa [German deverbatives through the prism of taxis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Linguistics]. 2023, no. 2, pp. 131-137. (In Russ.).

3. Arkhipova I. V. Transformatsionnyy potentsial taksisnykh deverbativov (na materiale nemetskikh vyskazyvaniy s predlozhnymi konstruktsiyami) [Transformational potential of taxis deverbatives (based on German utterances with prepositional constructions)]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023a, no. 2, pp. 48-54. (In Russ.).

4. Bolotova E. V. O slovoobrazovatel'noy tendentsii otglagol'nykh sushchestvitel'nykh v nemetskoyazychnykh gazetnykh tekstakh [On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts]. *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of the Bashkir University]. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 108-112. (In Russ.).

5. Burmistrova E. G. Strukturno-semanticheskie osobennosti substantivnoy gruppy s yadrom-protsessual'nym sushchestvitel'nym [Structural and semantic features of a substantive group with a core-process noun]. *Strukturno-semanticheskie aspekty romano-germanskikh yazykov na morfologicheskom i sintaksicheskom urovnyakh* [Structural and semantic aspects of Romano-Germanic languages at the morphological and syntactic levels]. Kirov, KGPI, 1985, pp. 74-77. (In Russ.).

6. Volkova I. V. O statuse otglagol'nykh imen v sovremennom nemetskom yazyke [On the status of verbal nouns in modern German]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. 2015, no. 34, pp. 147-154. (In Russ.).

7. Gavrilova E. N. Proyavlenie protsessual'noy leksicheskoy tozhdestvennosti deverbativov v semantiko-grammaticheskom aspekte [Manifestation of procedural lexical identity of deverbatives in the semantic-grammatical aspect]. *Sovremennoe obshchestvo: problemy, idei, innovatsii* [Modern society: problems, ideas, innovations]. 2015, no. 4, pp. 116-119. (In Russ.).

8. Glushak T. S., Balakirev V. F. O statuse otglagol'nykh sushchestvitel'nykh v yazyke (na primere proizvodnykh s suffiksom -ung) [On the status of verbal nouns in language (using derivatives with the suffix -ung as an example)]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in school]. 1980, no. 5, pp. 17-22.

9. Gutnikova A. V. Analiz semanticheskoy struktury bezaffiksnykh imennykh proizvodnykh v sredneverkhnenemetskom yazyke [Analysis of the semantic structure of non-affix nominal derivatives in Middle High German]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University]. 2019, no. 1 (52), pp. 25-29. (In Russ.). (In Russ.).

10. Zol'nikova N. N. Slovoobrazovatel'nye modeli otglagol'nykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka [Word-formation patterns of verbal nouns in German]. *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and Culture of Russia]. 2015, vol. 1, pp. 225-229. (In Russ.).

11. Kasimova G. K. Deverbativy so znacheniem «nositel' protsessual'nogo priznaka» [Deverbatives with the meaning "carrier of a procedural feature"]. *Razvitie znacheniy proizvodnykh slov kak osobyi nominativnyy protsess (na materiale mnogoznachnykh otglagol'nykh i otsubstantivnykh imen)* [Development of the meanings of derivative words as a special nominative process (based on the material of polysemantic verbal and substantive names)]. Penza, Penzenskiy artilleriyskiy inzhenernyi institut, 2019, pp. 132-160. (In Russ.).

12. Matasova O. V., Ufimtseva O. A. Deverbativy v germanskikh yazykakh: sopostavitel'nyy analiz na materiale nemetskogo i angliyskogo [Deverbatives in Germanic Languages: A Comparative Analysis Based on German and English]. *Yazyk. Sotsium. Kul'tura* [Language. Society. Culture]. Saratov, Saratovskiy sotsial'no-ekonomicheskii institut (filial), FGBOU VO Rossiyskiy ekonomicheskii universitet im. G. V. Plekhanova, 2017, pp. 24-28. (In Russ.).

13. Maslova N. A. Semantika i sintaksis proizvodnykh imen sushchestvitel'nykh v sovremennom nemetskom yazyke [Semantics and syntax of derived nouns in modern German]. Kazan, Kazanskiy universitet, 1985, 170 p. (In Russ.).

14. Miroshnikova Z. A., Matasova O. V. Sopostavitel'nyy analiz derivatsionnykh ryadov deverbativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Comparative analysis of derivational series of deverbatives (based on the Russian and German languages)]. *Nauka i obshchestvo* [Science and Society]. 2016, no. 1 (24), pp. 101-108. (In Russ.).

List of sources

LC - Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 10.05. 2024).

DWDS - Nemetskiy korpus [DWDS – German Corps]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 10.05.2024).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германской филологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 53–64.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 53-64.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-53-64

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ПОЛЯ РЕЧИ В АСПЕКТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ

Влада Вячеславовна Яркова^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
vladaiarkovaa@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье инструментальность рассматривается как функционально-семантическая категория, отражающая обобщенное типизированное представление о целенаправленной деятельности агентивного субъекта. Цель исследования заключается в анализе функциональных особенностей глаголов поля речи в аспекте инструментальности на примере глагола *собачить*. Исследование включает три этапа: этимологический, дефиниционный и контекстуальный анализ. При выполнении этимологического анализа изучено происхождение глагола, доказана его отсубстантивная природа. В рамках дефиниционного анализа установлены семантические признаки рассматриваемой языковой единицы, такие как акциональность, итеративность, каузальность, целенаправленность, каузативность, инструментальность, локутивность. При реализации контекстуального анализа описаны способы актуализации значения инструмента, которое представлено в неопредмеченной форме; зафиксировано расширение семантического потенциала глагола. Материалом для исследования служат контексты из Национального корпуса русского языка, корпуса русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета, корпуса русского языка Sketch Engine. Результаты данной работы будут полезны исследователям, изучающим особенности функционирования языковых средств, входящих в функционально-семантическое поле инструментальности.

Ключевые слова: функциональная грамматика, семантическая категория, инструментальность, неопредмеченная форма инструментальности, русский язык, глагол, отсубстантивный глагол, глагол поля речи

Для цитирования: Яркова В. В. Особенности функционирования глаголов поля речи в аспекте актуализации инструментальности // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 53–64. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-53-64>

Original article

PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF SPEECH VERBS IN THE ASPECT OF INSTRUMENTALITY

Vlada V. Iarkova^{1,2}

¹ HSE University, Perm, Russia

² Perm State University, Perm, Russia, vladaiarkovaa@gmail.com

Abstract. The article deals with instrumentality as a semantic category, reflecting the generalized representation of purposeful activities performed by an agentive subject. The aim of the research is to analyze the functional characteristics of Russian speech verbs in the aspect of instrumentality, using the verb to quarrel (i. e. *собачиться* in Russian) as a case study. The study consists of three stages: etymological, definitional, and contextual analysis. The etymological analysis examines the origin of the verb, establishing its denominal nature. In the definitional analysis, the semantic features of the linguistic unit are identified, including actionality, interactivity, causality, purposiveness, causativity, instrumentality, and locutivity. In the contextual analysis, the mechanisms for actualizing the meaning of the instrument, which is expressed in a non-objectified form, are described, and the expansion of the verb's semantic potential is highlighted. The research materials include contexts from the Russian National Corpus, the Leipzig Corpora Collection, and the Russian Corpus for SKELL. The results of this research are useful for scientists considering the peculiarities of the functioning of linguistic means that belong to the semantic field of instrumentality.

Keywords: functional grammar, semantic category, instrumentality, non-objectified form of instrumentality, Russian, verb, denominal verb, speech verb

For citation: Iarkova V. V. Peculiarities of the functioning of speech verbs in the actualization of instrumentality Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;15:53-64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-53-64>

Введение

В предлагаемой работе категория инструментальности рассматривается как функционально-семантическая категория, отражающая представление о деятельности субъекта, которая имеет целенаправленный характер и реализуется с помощью определенного средства [Шустова, Маслова 2023; Ямшанова 1991]. Данная категория широко представлена глагольной лексикой, в частности глаголами поля речи. Анализ семантических свойств глагола *собачить*, выявляемых в процессе функционирования, включает несколько этапов: описание этимологии, изучение словарных дефиниций и описание функционального потенциала глагола в аспекте инструментальности.

Основная часть

Изучение происхождения глагольной лексики проводилось при помощи Историко-этимологического словаря современного русского языка П. Я. Черных (ЭС-Ч), Трудов по этимологии О. Н. Трубачева, Этимологического словаря А. В. Семенова (ЭС-С), Этимологического словаря русского языка М. Фасмера (ЭС-Ф).

Собачиться – глагол, происходящий от существительного *собака* [ЭС-С; ЭС-Ф] в значении «домашнее животное семейства хищных млекопитающих, к которым относятся также волк, лисица и др.; используется человеком для охраны, на охоте и т. п.» [ЭС-Ч 1999: 183]. Существует мнение, что слово *собака* является общевосточнославянским заимствованием из иранских языков Северного Причерноморья. Исследователи ссылаются на написанное Геродотом Галикарнасским мидийское *spaka* «собака» [ЭС-С; ЭС-Ф; ЭС-Ч]. Однако некоторые языковеды считают иранское происхождение маловероятным, так как

данная этимология «изобилует хронологическими натяжками и лингвистическими неточностями» [Трубачев 2008: 313]. Предположительно, слово *sobaka* было заимствовано из тюркских языков *kōbāk* «собака», что обусловлено наличием социальных контактов тюркских племен со славянами на востоке [там же]. В памятниках древнерусской письменности данное существительное встречается с XII в. [ЭС-С; ЭС-Ч]. В панхроническом корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) глагол впервые был зафиксирован в собрании писем Н. В. Гоголя: «*В сем городе я был в пансионе, где начинал было собачиться по-французски, но, смекнувши, что мы с тобой для пансионеров несколько поустарели, и озлобившись на иркутский климат Женевы и на гадкое время, удрал оттуда в Веве, где прожил тоже чуть не месяц* [Н. В. Гоголь. Письма (1836–1841). НКРЯ].

Дефиниционный анализ рассматриваемой языковой единицы проводился на основе следующих лексикографических источников: «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» М. И. Михельсона (С-М), Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (БТСРЯ), Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), Словарь многих выражений (СМВ), Словарь русского арго В. С. Елистратова (С-Е), Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ), Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой (ТС-Е), Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова (ТС-О), Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (ТС-Д), Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (ТС-У), Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Л. Мостицкого (ТС-М), Энциклопедический словарь Б. Ю. Иванова (ЭС-И).

В указанных словарях были выявлены следующие значения:

I. «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» М. И. Михельсона (С-М): (даются невозвратная и возвратная формы глагола) Иносказ. : бранить(ся), ругать(ся), грызть(ся), как собаки [С-М].

II. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (БТСРЯ): Разг.-сниж. : Ругаться, браниться. Например: «*С утра до вечера собачатся*» [БТСРЯ].

III. Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС): Груб. Прост. : Ругаться, браниться. Например: «*[Жена] с денщиками собачится, как кухарка*» [МАС].

IV. Словарь многих выражений (СМВ) : Разг.-сниж.: Ругаться, браниться. Например: «*С утра до вечера собачатся*» [СМВ].

V. Словарь русского арго В. С. Елистратова (С-Е): (значение дается в совершенном виде) С кем и без доп. : Поругаться, поссориться с кем-либо. 2. На чем, в чем, с чем: Научиться, наловчиться что-либо делать. Например : «*Насобачиться в реферировании*»; «*Насобачиться на преподавании*» [С-Е].

VI. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ) : Прост.: Ругаться, браниться. Например : «– *А насчет того, что на пристани собачиться, тут уже делать нечего; надо потерпеть*»; «– *Да будет тебе, Цорша, собачиться-то! – заметил, наконец, Савоська, когда водолив начал серьезно мешать рабочим*»; «*Кузьма Марьяшин говорил по евангелию [о ссорящихся]: – Восстанет брат на брата – вот оно и подходит. Гляди, как собачимся*»; «*Федос ушел из каюты старшего офицера радостный и довольный, что*

избавился от должности, в которой приходилось *«собачиться»* со своим же братом-матросом»; «– Через три месяца святое сокровище ходит в затрепанном капоте, туфли на босу ногу..., с денщиками *собачится*, как кухарка» [ССРЛЯ].

VII. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой (ТС-Е): Разг.-сниж. : Ругаться, браниться [ТС-Е].

VIII. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова (ТС-О) : Прост.: Браниться, ссориться [ТС-О].

IX. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (ТС-Д): Переругаться донельзя [ТС-Д].

X. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (ТС-У) : Прост. фам.: Браниться, отвечать бранью на брань [ТС-У].

XI. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Л. Мостицкого (ТС-М) : Ссориться [ТС-М].

XII. Энциклопедический словарь Б. Ю. Иванова (ЭС-И): Разг.-сниж. : Ругаться, браниться. Например: «С утра до вечера *собачатся*» [ЭС-И].

Синонимичный ряд рассматриваемой глагольной лексемы был составлен при помощи Словаря синонимов русского языка З. Е. Александровой, электронных ресурсов Академик, КартаСлов.ру и Синонимайзер, при разработке которого был использован Словарь синонимов В. Н. Тришина. Глагол *собачиться* имеет следующий ряд синонимов: *ругаться* [Александрова 2001: 466; КартаСлов.ру; Академик; Синонимайзер]; *браниться, лаяться, чертыхаться, выражаться*, [КартаСлов.ру; Академик; Синонимайзер]; *ссориться, перебраниваться, переругиваться* [КартаСлов.ру; Синонимайзер]; *поссориться, вздорить, пикироваться, материться, сквернословить* [КартаСлов.ру]; *рычать, кидать тапки, сволочиться, поноситься* [Синонимайзер].

Большая часть словарей фиксирует только одно значение глагола – *браниться, ругаться, грызться, поругать, поссориться, переругаться, отвечать бранью на брань, ссориться* [БСТРЯ; МАС; С-Е; С-М; СМВ; ССРЛЯ; ТС-Д; ТС-Е; ТС-М; ТС-О; ТС-У; ЭС-И]. Данное значение является переносным. Стоит отметить, что один из используемых лексикографических источников все же указывает на расширение функционального потенциала глагола, фиксирует еще одно переносное значение – *научиться, наловчиться что-либо делать* [С-Е]. И в первом, и во втором случае глагол обозначает действие, сохраняющее образ животного, которому приписываются определенные признаки, свойства (*ругаться так, как лает злая собака; ссориться так, как дерутся собаки; уметь что-то делать так, как выполняет команды натренированная собака*). Подобные языковые единицы являются «достоинством разговорной речи как меткие обозначения характерных явлений» [Ожегов 1952: 99].

Валентностная структура глагола связана с его семантикой. Согласно данным словарей, максимальное количество валентных соединений глагола в значении «*браниться, ругаться, грызться, поругать, поссориться, переругаться, отвечать бранью на брань, ссориться*» равно четырем: «кто-то / что-то (субъект) ругается (действие) с кем-то / чем-то (объект) по кому-то / чему-то (причина) на чем-то (время и место действия)». В качестве неполного замещения валентных соединений выступают синтаксические конструкции, где может быть опущен субъект, объект, причина и / или время и место действия: «С утра до вечера *собачатся*» (опущены субъект, объект, причина, время и место действия, но указана

продолжительность действия) [БТСРЯ; СМВ; ЭС-И]; «*[Жена] с денщиками собачится, как кухарка*» (опущены причина, время и место действия) [МАС; ССРЛЯ]; «*– А насчет того, что на пристани собачиться, тут уже делать нечего; надо потерпеть*» (опущены субъект, объект, причина действия); «*– Да будет тебе, Цорша, собачиться-то! – заметил, наконец, Савоська, когда водолив начал серьезно мешать рабочим*» (опущены причина, время и место действия, говорящий обращается к субъекту действия); «*Кузьма Марьяшин говорил по евангелию [о ссорящихся]: – Восстанет брат на брата – вот оно и подходит. Гляди, как собачимся*» (опущены причина, время и место действия); «*Федос ушел из каюты старшего офицера радостный и довольный, что избавился от должности, в которой приходилось «собачиться» со своим же братом-матросом*» (опущены время и место действия, причина действия обусловлена ситуацией – отказ от должности) [ССРЛЯ]. Максимальное количество валентных соединений глагола в значении «*научиться, наловчиться что-либо делать*» равно двум: «кто-то / что-то разбирается в чем-то». В качестве неполного замещения валентных соединений выступают синтаксические конструкции, где может быть опущен субъект: «*Насобачиться в реферировании*»; «*Насобачиться на преподавании*» [С-Е].

Лексема толкуется с помощью глаголов *браниться, ругаться* [С-М; БТСРЯ; МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-Е; ТС-У; ЭС-И], *ругаться* [С-М; БТСРЯ; МАС; СМВ; ССРЛЯ; ТС-Е; ЭС-И], *грызться (как собаки)* [С-М], *отвечать бранью на брань* [ТС-У], *ссориться* [ТС-М; ТС-О], *поругаться, поссориться* [С-Е], *переругаться* [ТС-Д], *научиться, наловчиться что-либо делать* [С-Е]. Глагол *собачиться* обладает семантическим признаком акциональности, так как выражает определенный вид деятельности.

Речевое действие, реализованное данным глаголом в значении «*браниться, ругаться, грызться, поругать, поссориться, переругаться, отвечать бранью на брань, ссориться*», предполагает активное взаимодействие субъекта и объекта (семантический признак интерактивности). Субъект воздействует на объект так же, как объект воздействует на субъект: «*[Жена] с денщиками собачится, как кухарка*» (состояние взаимной вражды) [МАС; ССРЛЯ]; «*Федос ушел из каюты старшего офицера радостный и довольный, что избавился от должности, в которой приходилось «собачиться» со своим же братом-матросом*» (состояние взаимной вражды) [ССРЛЯ]. Ситуация также может включать неограниченное количество субъектов и / или объектов: «*С утра до вечера собачатся*» [БТСРЯ; СМВ; ЭС-И].

Действие, реализованное глаголом в значении «*браниться, ругаться, грызться, поругать, поссориться, переругаться, отвечать бранью на брань, ссориться*», предполагает причину (каузальность): «кто-то / что-то ругается с кем-то из-за кого-то / чего-то или по кому-то / чему-то». В данном случае каузальность неразрывно связана с целенаправленно-каузативным характером действия: «для достижения определенного результата кто-то / что-то побуждает кого-то / что-то сделать что-то»: «*Федос ушел из каюты старшего офицера радостный и довольный, что избавился от должности, в которой приходилось «собачиться» со своим же братом-матросом*» (причина ссоры – должность, цель – побудить брата отказаться от должности) [БТСРЯ].

Так как глагол *собачиться* в значении «*браниться, ругаться, грызться, поругать, поссориться, переругаться, отвечать бранью на брань, ссориться*» соотносится с глаголами поля речи, средством достижения результата будет являться речь. При актуализации глаголом значения «*научиться, наловчиться что-либо делать*» средством

достижения цели будет являться поведение, способствующее познанию чего-либо, усвоению знаний, приобретению навыков. Речь и поведение относятся к неопредмеченным способам актуализации инструментальности.

Контекстуальный анализ заключался в описании функционального потенциала глагола с позиции инструментального значения. Материалом для анализа послужили контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), корпуса русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета (LCC), корпуса Sketch Engine (SE). Всего выявлено около 300 контекстов. Все представленные в исследовании контексты демонстрируют функционирование глагола *собачиться* в значении «браниться, ругаться, грызться, поругать, поссориться, переругаться, отвечать бранью на брань, ссориться». Контексты, в которых глагол реализует значение *научиться, наловчиться что-либо делать*, выявлены не были.

Инструментальная включает следующие компоненты:

1) наличие **субъекта**: *святое сокровище (= женищина), он, мы, я, все, люди, отцы, ты, они, высокие руководители страны, капитан, она, Иванов Второй, Данилов, Лукьяныч, игроки, подростки, начальник тюрьмы, Моуриньо, ветераны и новайсы, родители, Огрен, сородичи Алвена, Хлестаков и Городничий, Сирко и Голохвастов, Собакевич и Ноздрев, либералы, тетки, его благоверная, Хуанита, безукоризненно демократические соседи, Президент РАН Фортон, фантастическое создание, ребята из КГБ, бомж, вы, политики, президент Белоруссии, Лукашенко, куски (= страны, государства), русские люди: «Высокие руководители страны собачатся по поводу того, что в одной молочной – только молоко, в другой – только сливки, в третьей – только кефир» [А. С. Черняев. Дневник (1989). НКРЯ]; «... куски (= страны, государства) начали отторгаться и собачиться меж собой» [LCC]; «Потому что толку от присутствия отца в семье, если родители ежедневно собачатся и швыряют друг в друга тарелки?» [SE]. В ряде случаев можно наблюдать субъект в форме дательного падежа: *нам, мне, маме, вам, арктическим странам, всем, тебе*: «Чего нам собачиться?» [Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006). НКРЯ]; «А арктическим странам давно пора перестать собачиться и мирно поделить Арктику» [LCC]; «Вот только деток жалко таскать их по кабинетам, пока маме приходится с администрацией собачиться» [SE].*

2) наличие **объекта**: *с денщиками, с Белоруссией, с ним, с такими, с продавщицами, с лоботрясами, с водителями грузовых машин, с ней, с ними, с коллегами, с мужьями, с соседями, со следователями, с редакторами, с Гарбузовым (министр финансов) и Байбаковым (председатель Госплана), с Анной Ивановной, с режиссером, с матерью, с (такими) сослуживцами, с неповинными людьми, со своим же братом-матросом, с людьми, с молодым телеграфистом, с президентом Реала, с Федосовым, с администрацией, с Очкариком, с соседкой, с другим гномом, с каждым встречным и поперечным, с Сэмом, с соседями, с вами, с рыжими, с Рогфордреном, с одним из очень немногих потенциальных участников союза, с (этими) натовцами и европейцами, с законной супругой, с трудным союзником, с министром Ливановым, с каждой мелюзгой, с одним нелюбителем, с бабушками, дворниками и прохожими, с (такими же) белыми-серыми-синими воротничками, с Грузией, с Кривулиным, с (этим) майдауном, с ОМОНОм, с Украиной, с российским коллегой, с Путиным, с каждым посетителем, со всякими «эпик геймсами»: «У племянниц наша фамильная черта прослеживается, как родовое проклятье – это собачиться с мужьями» [Н. Б. Саяпова. Дневник (1991). НКРЯ]; «Не много ли чести – с каждой мелюзгой собачиться из-за списка*

Магнитского, вводить санкции – тем более такие нелепые, как запрет на усыновление сирот?»; «**Научитесь собачиться с бабушками, дворниками и прохожими, которые смеют бояться вашего милейшего слоника**» [LCC]. Могут встречаться синкретичные комплексы, в которые входят субъект в форме именительного падежа и объект в форме предложного падежа: *Анна с Вронским, дворничиха со швейцаром, они с женой, я с тобой, Дима с Ольгой, вы с Федькой, вы с мужем, вы с ними, мы с ней*: «Уже давно слиняли пьяные девицы, а **дворничиха со швейцаром собачатся уже между собой прямо на мостовой, прямо под игрой каштановых листьев со светом в тень**» [Т. Соломатина. *Мой одесский язык* (2011). НКРЯ]; «**За столом ничего не клеилось: Дима с Ольгой собачились – может быть, из-за меня; мы с Гулей смотрели в разные стороны; одна Ритуля была в своей тарелке, кажется, ей было хорошо со своим плодом тет-а-тет**» [Н. Климонтович. *Дорога в Рим* (1991–1994). НКРЯ]; «**Но тогда вы с мужем будете не «собачиться» по поводу своих личностных программ, а обсуждать**» [SE]. В некоторых случаях активное взаимодействие субъекта и объекта демонстрируется такими конструкциями, как *между собой, меж собой, друг с другом, [существительное] + друг с другом, друг с дружкой*: «**Нам этот город беречь надо и развивать, а не собачиться между собой!**» [SE]; «**Литераторы всегда друг с другом собачились, Диккенс двадцать лет не разговаривал с Теккереем, Достоевский на дух не выносил Тургенева, хотя и ездил к нему одалживать талеры, чтобы отыгаться в Рулетенбурге**» [В. Аксенов. *Воспоминания под гитару* (1987) // «Октябрь», 2013. НКРЯ].

3) наличие **дополнительного участника действия, наблюдателя**: *перед чужими, на глазах изумленной вашим цинизмом публики, перед народом*: «**Но ни слова сказано не было – видно, перед чужими собачиться нельзя, подумал Сенька**»; «**Ну стоило собачиться перед народом и поднимать на заоблачную высоту цены?**» [LCC].

4) указание на **средство** достижения определенного результата: *на трех языках, крикливым сквернословием, по-французски*: «**Отчаянная его храбрость, суровая доброта, даже то, что он очень молод, собачится на трех языках, ест что попало, спит на ходу, с труса может спустить шкуру, смелого расхвалить перед строем, – все расцветчивалось яркими, веселыми красками, обросло грубоватыми солдатскими баснями**» [А. И. Алдан-Семенов. *Красные и белые* (1966–1973). НКРЯ]; «**Хотя хозяйка прекрасно знала, что Федосья скорее палец себе отрубит, чем погрешит против нее в едином рубле, а Федосья Гавриловна не менее знала, что хозяйка верит ей безусловно, – и обе только душу отводили, собачась крикливым сквернословием**» [А. В. Амфитеатров. *Марья Лусьева* (1903–1927). НКРЯ].

5) указание на **место**, где совершается действие: *там, прямо на мостовой, на работе, тут, в очередях, в очередях и общественном транспорте, на турнирах, в магазинах, в автобусах, на пристани, на первом этаже, на кухне, в электричке, в виртуальном столичном пространстве, в разных государствах, в суде, в Оренбурге, на форуме, на улице*: «**Опять, как и в первые годы перестройки, люди стали собачиться в очередях и общественном транспорте, взрываться по всякому поводу и готовы были вцепиться друг другу в горло**» [А. Савельев. *Аркан для букмекера* (2000). НКРЯ]; «**Вообще, я давно подумываю подать на наш климат исковое заявление в Гаагский трибунал на дискриминацию по погодному признаку – сейчас модно собачиться в суде из-за какой-нибудь дискриминации**» [LCC]; «**Видел, как мы с ней собачились в электричке?**» [SE].

б) указание на **время наступления** действия: *сейчас, сегодня, еще за завтраком, немедленно*: «*Чего ж ты **сейчас** собачишься?*» [В. Черкасов. Черный ящик (2000). НКРЯ]; «*Но подумай, как мы **немедленно** начнем собачиться, когда станем сватьей и сватом – кажется, так это называется?*» [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966-1970). НКРЯ]; «*Не надо **сегодня** еще и нам с тобою собачиться*» [SE].

7) акцент на **продолжительности / повторяемости** действия: *в ходе производства, в служебное время, во время игры, каждый вечер, день и ночь, каждый день, без конца, долго, (до тех пор, пока...), с первого дня, век, всегда, с утра до вечера, вечно, постоянно, уже 4 дня, ежедневно, до конца времен, вечерами, весь век, опять, снова*: «*А я с мужем жила бывшим, с Валеркой, собачились **каждый вечер***» [А. Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006. НКРЯ]; «*Они удивлялись – как это другие **без конца** собачатся и зачем-то вместе живут*» [В. Горюнова. Милые бранятся... (2002) // «Семейный доктор». НКРЯ]; «*Так и будем собачиться **до конца времен!***» [LCC].

8) акцент на **сравнении** агентивного субъекта с другим субъектом, который совершал подобное действие: *как кухарка, как некоторые, (так, как вы), как наши соседи, подобно политикам*: «*Латышский национализм будет тогда раздавлен, когда все русские будут друг за друга, а не собачиться **как наши соседи***»; «*Кто-то ожидал, что мы, **подобно политикам**, начнем собачиться, орать и выяснять, чья страна чище и благородней...*» [LCC].

9) акцент на **эмотивность** действия: *по-страшному, отчаянно, лениво, до хрипоты, здорово, очень, страшнее, скучно*: «*Сначала свадьбу, чтобы все нажрались и песни орали, потом ребенка – плевать, что жить негде, все друг у друга на головах и собачатся **по-страшному**, все как у всех...*» [Беременность: Планирование беременности (форум) (2005). НКРЯ]; «*Места на улицах все откуплены, чуть в драку не лезут торговцы сволочи, кричат, кто ты такой, да откуда пришел, тут тебя не видали, собачиться **здорово (= сильно)** приходится...*» [Р. Б. Гуль. Азеф (1958). НКРЯ]; «*Но когда-то и он, Орлов, молодой еще оперуполномоченный, **до хрипоты** собачился со следователями, так что ребят своих он понимал, и понимал так же, что весь этот антагонизм не что иное, как кем-то давно выдуманная игра*» [Э. Хруцкий. Осень в Сокольниках (1983). НКРЯ].

10) указание на **причину и / или целенаправленно-каузативный характер** действия: *по конкретным поводам, по пустякам, из-за места около стены, по каждому поводу, по приоритетам, из-за меня, (по поводу того, что...), из-за жил жилплощади, по поводу последнего кадра, за вчерашнее, за неограниченную свободу в принятии решений, по этому поводу, по поводу своих личностных программ, об отце, за право быть самым активным игроком сезона, насчет нового спикера и его замов, по теоретическим мелочам, на ровном месте, (из-за того, что их интересы столкнулись), из-за каждого рубля, за престольную власть, из-за начисления очков, от постоянных оскорблений, из-за какой-нибудь дискриминации, за любую копейку, за нормальные номера, из-за списка Магнитского, по поводу нового журнала, за достижение, по транзиту газа, по любым вопросам*: «*При этом он не забывает есть и собачиться с режиссером **по поводу последнего кадра***» (причина – кадр, который не соответствует представлениям субъекта, цель – побудить объект переснять, сделать другой кадр) [Э. Радзинский. Наш Декамерон (1980–1990). НКРЯ]; «*Вообще, я давно подумываю подать на наш климат исковое заявление в Гаагский трибунал на дискриминацию по погодному признаку – **сейчас модно собачиться в суде из-за какой-нибудь***

дискриминации» (причина – дискриминация, цель – получить компенсацию через суд (суд как дополнительное средство для достижения цели) и побудить объект не совершать действие, совершенное в прошлом) [LCC]; «*От постоянных оскорблений можно собачиться и грубеть, а можно закалять в себе чувство человеческого достоинства и приучать к нему людей*» (причина – оскорбления, цель – защитить себя, вывести противника из эмоционального равновесия, задеть, обидеть противника) [LCC].

11) **побуждение к завершению** действия: *хватит + [глагол], не надо + [глагол], прекратить + [глагол], советовать не + [глагол], не + [глагол] + [обращение], будет тебе собачиться + [глагол] + [обращение], разве нельзя не + [глагол]: «Прекратить, черт возьми, пялиться в Интернет и собачиться там в служебное время с лоботрясами с противоположного конца земного шара»* [В. Сердюченко. Простое, как мычание (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». НКРЯ]; «*Будет тебе собачиться, унтер...*» [А. Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга первая. Сестры (1922). НКРЯ]; «*Ну, все, девочки, хватит вам собачиться!*» [LCC].

При выполнении контекстуального анализа было выявлено значение глагола, которое не зафиксировано в используемых нами лексикографических источниках: «*Да саблей чтобы никто не скидал и не собачился (= дрался, наносил побои) на полу...*» [Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1835–1841). НКРЯ]. Наблюдается актуализация опредмеченной формы инструментальности, при которой средством является неотчужденное орудие (части тела человека) или совокупность средств, таких как неотчужденное орудие (часть тела человека) и устройства или предметы, предназначенные для нанесения физического вреда объекту воздействия.

Заключение

Изучение семантических свойств глагола *собачиться*, выявляемых в процессе функционирования, включало этимологический, дефиниционный и контекстуальный анализ. В рамках исследования описано происхождение рассматриваемой глагольной лексемы, доказана ее отсубстантивная природа; изучены значения, зафиксированные в используемых словарях; установлены семантические признаки, такие как акциональность, итеративность, каузальность, целенаправленность, каузативность, инструментальность, локутивность; рассмотрены способы актуализации значения инструмента, которое реализуется в неопредмеченной форме; зафиксировано расширение семантического потенциала глагола.

Список сокращений

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова
2. МАС – Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка
4. С-Е – Словарь русского арго В. С. Елистратова
5. С-М – «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» М. И. Михельсона
6. СМВ – Словарь многих выражений
7. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка
8. ТС-Д – Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля
9. ТС-Е – Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой
10. ТС-М – Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Л. Мостицкого
11. ТС-О – Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова

12. ТС-У – Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова
13. ЭС-И – Энциклопедический словарь Б. Ю. Иванова
14. ЭС-С – Этимологический словарь А. В. Семенова
15. ЭС-Ф – Этимологический словарь русского языка М. Фасмера
16. ЭС-Ч – Историко-этимологический словарь современного русского языка П. Я. Черных
17. LLC – Leipzig Corpora Collection – корпус русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета
18. SE – корпус русского языка Sketch Engine

Список литературы

1. Академик. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 30.05.2024).
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 2001. 568 с.
3. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 30.05.2024).
4. КартаСлов.ру. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 30.05.2024).
5. Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 30.05.2024).
6. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (дата обращения: 30.05.2024).
7. Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания, 1952. С. 85–103.
8. Синонимайзер. URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 30.05.2024).
9. Словарь многих выражений. URL: https://all_words.academic.ru/ (дата обращения: 30.05.2024).
10. Словарь русского арго В. С. Елистратова. URL: https://russian_argo.academic.ru/ (дата обращения: 30.05.2024).
11. Словарь современного русского литературного языка. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/346> (дата обращения: 30.05.2024).
12. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 30.04.2024).
13. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (дата обращения: 30.04.2024).
14. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 30.04.2024).
15. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 30.04.2024).
16. Трубочев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 800 с.
17. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Л. Мостицкого. URL: https://mostitsky_universal.academic.ru/ (дата обращения: 30.05.2024).
18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Пантомима. 3-е изд. М. : Русский язык, 1999. 624 с.
19. Шустова С. В., Маслова Д. Л. Инструментальные глаголы: лексикографический и переводческий аспекты. Пермь : Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2023. 192 с.

20. Энциклопедический словарь Б. Ю. Иванова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: 30.05.2024).
21. Этимологический словарь русского языка А. В. Семенова. URL: <https://evartist.narod.ru/text15/001.htm> (дата обращения: 30.05.2024).
22. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (дата обращения: 30.05.2024).
23. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Изд-во «Ленинградский финансово-экономический институт», 1991. 159 с.

Список источников

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.03.2024).
2. Leipzig Corpora Collection – корпус русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 30.03.2024).
3. Sketch Engine – корпус русского языка. URL: <https://skell.sketchengine.eu/> (дата обращения: 30.03.2024).

References

1. Akademik [Academician]. (In Russ.). Available at: <https://academic.ru/> (accessed: 30.09.2024).
2. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of Russian synonyms]. 11th ed., Moscow, Russkiy yazyk, 2001, 568 p.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka pod redaktsiyey S. A. Kuznetsova [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language edited by S. A. Kuznetsov]. (In Russ.). Available at: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (accessed: 30.05.2024).
4. KartaSlov.ru [KartaSlov.ru]. (In Russ.). Available at: <https://kartaslov.ru/> (accessed: 30.05.2024).
5. Malyy akademicheskiy slovar' pod redaktsiyey A. P. Evgen'evoy [5. Small academic dictionary edited by A. P. Evgenyeva]. (In Russ.). Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 30.05.2024).
6. Mikhel'son M. I. Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii [Russian Thought and Speech. Our Own and Someone Else's. An Experience of Russian Phraseology]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (accessed: 30.05.2024).
7. Ozhegov S. I. O trekh tipakh tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka [About three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1952, pp. 85-103.
8. Sinonimayzer [Synonymizer]. (In Russ.). Available at: <https://sinonim.org/> (accessed: 30.05.2024).
9. Slovar' mnogikh vyrazheniy [Dictionary of many expressions]. (In Russ.). Available at: https://all_words.academic.ru/ (accessed: 30.05.2024).
10. Slovar' russkogo argo V. S. Elistratova [Dictionary of Russian argot by V. S. Elistratov]. (In Russ.). Available at: https://russian_argo.academic.ru/ (accessed: 30.05.2024).
11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. (In Russ.). Available at: <https://iling.Saint Petersburg.ru/dictionaries/346> (accessed: 30.05.2024).
12. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka T. F. Efremovoy [Modern explanatory dictionary of the Russian language by T. F. Efremova]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed: 30.04.2024).
13. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. I. Dalya [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dahl]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (accessed: 30.04.2024).

14. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka D. N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language by D. N. Ushakov]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: 30.04.2024).

15. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova [Explanatory dictionary of the Russian language S. SO. Ozhegova]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (accessed: 30.04.2024).

16. Trubachev O. N. Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Vol. 3. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2008, 800 p.

17. Universal'nyy dopolnitel'nyy prakticheskiy tolkovyy slovar' I. L. Mostitskogo [Universal additional practical explanatory dictionary by I. L. Mostitsky]. (In Russ.). Available at: https://mostitsky_universal.academic.ru/ (accessed: 30.05.2024).

18. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1, 2th ed., Moscow, Russkiy yazyk, 1999, 624 p.

19. Shustova S. V., Maslova D. L. Instrumental'nye glagoly: leksikograficheskiy i perevodcheskiy aspekty [Instrumental verbs: lexicographic and translation aspects]. Perm, Permskiy institut ekonomiki i finansov, 2023, 192 p.

20. Entsiklopedicheskiy slovar' B. Yu. Ivanova [Encyclopedic Dictionary of B. Yu. Ivanov]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (accessed: 30.05.2024).

21. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka A. V. Semenova [Etymological dictionary of the Russian language by A. V. Semenov]. (In Russ.). Available at: <https://evartist.narod.ru/text15/001.htm> (accessed: 30.05.2024).

22. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka M. Fasmera [Etymological dictionary of the Russian language by M. Fasmer]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (accessed: 30.05.2024).

23. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskiy finansovo-ekonomicheskii institut, 1991, 159 p.

List of sources

1. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 30.03.2024).

Информация об авторе

В. В. Яркова – ассистент, департамент иностранных языков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Пермь);
аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

V. V. Iarkova – Lecturer, Research Assistant, Department of Foreign Languages,
HSE University (Perm); Ph. D. Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 65–79.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 65-79.

Научная статья

УДК 81'271.202

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-65-79

ИСТОРИОГРАФИЯ КАТЕГОРИИ ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Елена Юрьевна Невельсон

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
elena.nevelson@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье приводится исследование историографии категории лингвотолерантности. Неоднозначность и глубокий потенциал феномена собственно толерантности как научного и общественного явления обусловил глубокий интерес российских ученых к ее исследованию. Актуальность историографического исследования этой категории обусловлена неоднозначным отношением к толерантности в российском обществе, что затрудняет использовать потенциал лингвотолерантности как коммуникативной технологии. В статье прослеживается исторический путь развития категории лингвотолерантности, особо отмечается дискуссионный характер осмысления ее сущности и содержания. Философское осмысление феномена толерантности как научного и общественного явления началось еще до появления этого термина в правовом и философском поле российской научной мысли. В статье раскрывается содержание основных типов (в зависимости от исторического периода) и способов понимания (моделей) толерантности. Толчок к осмыслению лингвотолерантности как коммуникативной категории произошел после того, как Организация Объединенных Наций по инициативе ЮНЕСКО объявила 1995 год Международным годом толерантности. Лингвотолерантность исследовалась отечественными учеными с позиций лингвокультурологии, а также как когнитивная и коммуникативная категории. В статье делаются выводы о том, что научное содержание данного термина неоднозначно, различается в зависимости от эпохи, научной традиции и авторского подхода к его толкованию. Исследования лингвотолерантности в лингвистике чаще всего имеют цели выявления коммуникативных способов, методов и приемов, опирающихся на нормы и правила этикета, что недостаточно для моделирования способов использования коммуникативных аспектов лингвотолерантности в конфликтах и конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: историография, лингвотолерантность, толерантность, язык общения, конфликт, уважение, согласие

Для цитирования: Невельсон Е. Ю. Историография категории лингвотолерантности: проблемы и перспективы // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 65–79. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-65-79>

Original article

THE HISTORIOGRAPHY OF THE CATEGORIES OF LINGUISTIC TOLERANCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Elena Yu. Nevelson

Perm State University, Perm, Russia, elena.nevelson@gmail.com

Abstract. The article provides a study of the historiography of the linguistic tolerance category. The ambiguity and deep potential of the phenomenon of tolerance itself as a scientific and social phenomenon has determined a deep interest of the Russian scientists in its study. The relevance of the historiographical research of this category is explained by the ambiguous attitude towards tolerance in the Russian society which makes it difficult to use the potential of linguistic tolerance as a communicative technology. The article traces the history of the development of linguistic tolerance, emphasizing the debatable character of the understanding of its essence and content. The philosophical understanding of the phenomenon of tolerance as a scientific and social phenomenon started before the introduction of this term in the legal and philosophical fields of the Russian scientific thought. The article reveals the content of the main types (depending on the historical period) and the ways (models) of understanding tolerance. The impetus for understanding linguistic tolerance as a communicative category occurred after the United Nations, at the initiative of UNESCO, declared 1995 the International Year of Tolerance. Linguistic tolerance has been studied by domestic scientists from the perspective of linguistic culture studies, as well as a cognitive and communicative category. The article draws the conclusion that the scientific content of the term is ambiguous and varies depending on the era, scientific tradition and the author's approach to its interpretation. The research objective of linguistic tolerance in linguistics is most frequently aimed at identifying communicative ways, methods and techniques based on the norms and rules of etiquette which is not sufficient for the simulation of the ways to use the communicative aspects of linguistic tolerance in conflicts and conflict situations.

Keywords: historiography, linguistic tolerance, tolerance, language of communication, conflict, respect, consent

For citation: Nevelson E. Yu. The historiography of the categories of linguistic tolerance: problems and prospects. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;15:65-79. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-65-79>

Введение

Историография категории лингвотолерантности в науке уходит корнями в историографию толерантности как общественного явления. Для того, чтобы понять всю сложность, неоднозначность и многоаспектность этого явления, необходимо проследить изменение его смысла и содержания как на протяжении веков, так и в современном мире. По сути, становление лингвотолерантности в сознании носителей русского языка представляет собой процесс кристаллизации концепта толерантности, без которого невозможно эффективно предупреждать, урегулировать и разрешать многочисленные конфликты, которыми пронизана наша жизнь.

Основная часть

Историография категории лингвотолерантности в русском языке не является настолько протяжённой, чтобы можно было всерьёз рассматривать ее изменения. Она, безусловно, короче и менее изучена, чем историография собственно категории толерантности. В словаре философских терминов отмечается, что латинский термин «tolerantia» до XVI в. был наполнен религиозным содержанием и означал «пассивное терпение, добровольное перенесение страданий, боли, зла и т. п.» [СФТ 2005: 591]. В XVI в. содержание термина

дополняется значениями «позволение», «сдержанность», а, начиная с XVII в. толерантность трактуется как уступка в вопросе религиозной свободы. Иными словами, толерантность рассматривается, как «разрешение со стороны государства и официальной церкви отправления иных религиозных культов» [СФТ 2005: 591], то есть, как «веротерпимость». На протяжении всей эпохи Нового времени (XVI–XVIII вв.) это был «принцип взаимоотношения светской и духовной властей, государственной религии и сект, различных конфессий между собой, верующих и атеистов».

Современные исследователи отмечают, что концепция толерантности как философская категория была сформулирована «в связи с проблемой нетерпимости и первоначально воспринята как осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга» [Валеев, Фомин 2016: 80–83].

Вплоть до XVII в. христианские мыслители (Эразм Роттердамский, Б. Спиноза, Ф. М. Вольтер, Д. Дидро и др.) отстаивали толерантность как «моральную добродетель» и «социальное благо», апеллируя к нравственным аргументам, изложенным еще в евангельских текстах. Можно констатировать, что толерантность в эту эпоху рассматривалась в трех аспектах: 1) как отказ от насилия в вопросах приобщения паствы к вере; 2) как средство сохранения идентичности христианской моральной доктрины; 3) как средство «избежания» социальной нестабильности в государстве. В эпоху Просвещения, провозгласившей свободу совести и слова, толерантность исследуется как политическая и нравственная проблема. Отказавшись от толерантности, как от «примиряющей добродетели», человечество обрекло себя на то, что целые века «стали позором и несчастьем человечества».

В XIX в. смысловой контекст термина толерантность значительно расширился. В либеральной философии она стала пониматься как «выражение внешней и внутренней свободы, как способность к продуманному выбору между альтернативными точками зрения и способами поведения». Современные ученые переносят идеи толерантности в сферу науки, культуры, образования, права. В России термин *толерантность* впервые употребляется в некоторых словарях XX в.: «По данным «Большого академического словаря русского языка», существительное *толерантность* впервые было зафиксировано в «Словаре иностранных слов» 1937 г., а прилагательное *толерантный* (фр. *tolérant*) – в «Толковом словаре русского языка» 1940 г. под редакцией Д. Н. Ушакова» [Соловьева, Тихомирова 2021: 5]. На сегодняшний день исследователями подробно проанализирована российская историософская традиция толерантности. В традициях русской религиозно-философской мысли можно выделить произведения Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, И. Л. Солоневича и др., посвященные осмыслению духовно-исторических основ российской цивилизации [Касьянова 2009: 5]. Б. В. Емельянов, в частности, отмечает, что «у русской философии, обладающей всеми достоинствами философии национальной, толерантность, понимаемая как сознание неправоты всякого догматизма, десакрализация любых доктрин, открытость для свободного критического исследования, не была чуждым явлением» [Емельянов 2002: 213].

В современной России одними из первых исследователей толерантности были философы В. А. Лекторский, Р. Р. Валитова, В. М. Золотухины др. В. А. Лекторский, делая

попытку периодизации в понимании категории толерантности в зависимости от исторического периода, различает следующие типы толерантности: мифологический, античный, религиозный, реформаторский, философский, секулярный, научно-общественный [Лекторский 1999: 284].

В рамках нашего исследования сосредоточимся на научно-общественном типе толерантности. Дискуссия о сущности и содержании толерантности, как общественного явления, началась еще до появления этого термина в правовом и философском поле российской научной мысли. А. А. Гусейнов, рассуждая об этике ненасилия, делает акцент на том, что путь ненасилия – это путь сильных людей. «Сила не может иметь только разрушительную форму своего выражения. Более того, эта форма не может быть преобладающей. Ненасилие как раз и является позитивным, конструктивным выражением силы; оно тоже есть сила, притом более сильная, чем насилие» [Гусейнов 1992: 72–81]. Начиная с 1995 г. в мире произошли важные события, давшие толчок научной мысли в изучении толерантности как общественного, правового и научного явления. Организация Объединенных Наций по инициативе ЮНЕСКО объявила 1995 год Международным годом толерантности. Итогом года стало принятие Декларации принципов толерантности [Декларация принципов терпимости 1995]. Декларация принципов толерантности, утвержденная резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО, была подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, в том числе – Россией.

В конце декабря 1999 г. была принята правительственная программа, подписанная вице-премьером В. И. Матвиенко, ставящая задачу формирования толерантного сознания в российском обществе, а 25 августа 2001 г. было принято постановление правительства РФ о федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)» [Постановление правительства РФ о федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)»].

Начиная с конца прошлого века в российском научном поле начались интенсивные исследования толерантности. Философское осмысление категории толерантности вызвало бурные научные дискуссии о ее сущности и содержании. Р. Р. Валитова одной из первых среди отечественных философов задается вопросом о неоднозначности категории толерантности. В своей статье 1996 г. она рассуждает о сложности теоретического осмысления проблемы толерантности [Валитова 1996: 33–37].

«Как нам представляется, толерантность предполагает заинтересованное отношение к Другому, желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно – иное, чем-то не похожее на собственное восприятие действительности». Автор, рассуждая о том, является ли толерантность добродетелью или пороком, предлагает опираться на три принципа: «толерантность есть добродетель условная, гипотетическая ценность. Ее применимость прямо зависит от ответа на вопрос: по отношению к чему или к кому следует быть толерантным?»; отказ от монополии на знание истины в морали; рассмотрение последней не как конечной цели морального совершенствования межличностного общения, а как стартовой позиции на пути к достижению гуманного сосуществования».

В. А. Лекторский, задает высокую планку дискуссии о толерантности как о социальной проблеме, отмечая, что эта проблема «оказалась связанной с рядом принципиальных философских вопросов, касающихся понимания человека, его идентичности, возможностей и границ познания и взаимопонимания и т. д.» [Лекторский 1997: 46]. Исследователь не проводит различий между двумя разными терминами – толерантность и терпимость (отождествляя толерантность, скорее, с плюрализмом), однако предлагает четыре возможных способа понимания толерантности (модели толерантности).

1. Толерантность как безразличие. Это исторически первое понимание толерантности, которое предполагает, что «истина, основные моральные нормы, основные правила политического общежития могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены, и обоснованы». В такой модели толерантность выступает как безразличие «к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество».

2. Толерантность как невозможность взаимопонимания. Если рассматривать толерантность с этих позиций, то «религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной культуры не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для развития общества, а определяют сам характер этой деятельности и способ развития той или иной культуры». Толерантность в данном случае выступает как уважение к другому, «которого я вместе с тем не могу понимать и с которым я не могу взаимодействовать».

3. Толерантность как снисхождение. Рассматривая эту модель толерантности, автор исходит из того, что «между разными системами ценностей, разными традициями, разными концептуальными каркасами идет постоянное соревнование, в ходе которого они пытаются показать свою состоятельность». Именно в ходе этого соревнования для каждого конкретного человека (или социальной системы, культуры) определяется некая «привилегированная система отсчета», в рамках которой те нормы и традиции, которые не соответствуют ей, рассматриваются как менее значимые. Если перевести мысли автора с философского языка на язык коммуникации, можно сказать, что особенность этой модели толерантности состоит в том, что оппонент в каких-то отношениях уступает субъекту коммуникации («менее образован, хуже мыслит, подвержен иррациональным влияниям и т. д.»). Это вынуждает субъект коммуникации терпеть своего оппонента, демонстрируя снисхождение к его слабостям. Эта модель неоднозначна, однако, если не доводить снисхождение до «некоторой доли презрения», как пишет автор, она, безусловно могла быть не только в конце прошлого века, но и существовать в наши дни.

4. Толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог. В рамках такого понимания толерантности, автор опирается на концепцию М. Бахтина о диалогичности сознания человека, согласно которой «человек ведет диалог не только с другими, но и с самим собою, со своей историей, с непрозрачными пластами своей психики, меняясь в ходе этого диалога». И тогда, с точки зрения морали, в рамках такого понимания толерантности, меняется *отношение* (выд. нами) к оппоненту. Оно предполагает «умение и способность сопережить чужие проблемы и чужую боль, как способ утверждения бытия другого человека, как способ включения этого бытия в мое бытие, а моего бытия в бытие другого». Это модель толерантности, безусловно, продвинута в будущее. Она и по сей день

кажется утопической. Однако, не имея идеалов, невозможно находить точки опоры в стремлении к улучшению той сложной, неоднозначной и конфликтной ситуации, которая сложилась в последнее время в современном мире.

Анализируя идеи В. А. Лекторского о разных моделях толерантности, можно провести параллели об известных типичных стилях реагирования в конфликте, то есть «обычных для данного лица или группы способах вести себя в конфликте» [Дмитриев 2012: 50]. Несложно заметить, что вышеописанные модели толерантности можно соотнести с такими типами «ведущего поведения» [Методика Томаса-Килмана], как Уклонение, Компромисс, Приспособление, Сотрудничество (как видно, все стили, кроме Конфронтации присутствуют). Это важное наблюдение для понимания сложности феномена толерантности. В конфликте субъект взаимодействия в разных ситуациях может и должен проявлять гибкость в выборе стратегии (стиля) поведения. Немыслимо представить, чтобы в разных конфликтных ситуациях субъект придерживался какой-то одной стратегии, серьезно рассчитывая при этом на успех.

В начале века в российской философии развернулся дискурс на тему отличия толерантности и терпимости. В. М. Золотухин, в частности, обосновал отличия этих определений в своей статье [Золотухин 2003: 94–100]. Он отмечает, что «толерантность, в отличие от терпения и терпимости, направлена на обретение индивидом (человеком, классом, нацией или государством) самоопределенности, и основана на открытом взаимодействии с «Другим» или «Иным», без ущемления своих законных прав и интересов при равноправном существовании. Как характеристика социального уровня взаимоотношений между людьми толерантность представляет собой норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами, готовность к принятию иных логик и взглядов, выступает как условие сохранения разнообразия, своего рода исторического права на отличность, непохожесть, инаковость».

Уже в новое время в российском философском дискурсе рассматриваются разные подходы к определению толерантности. Так, Е. И. Касьянова, проводя феноменологический анализ сущностных аспектов категории *толерантность*, анализирует понятия, близкие по значению к термину *толерантность*: компромисс, миролюбие, договоренность, плюрализм, терпение, терпимость, ненасилие; а также противоположные по значению – нетерпимость, враждебность, конфликтность [Касьянова 2010: 63–71]. Автор отмечает творческо-деятельностный характер категории толерантности, подчеркивая, что сущность толерантности не может быть сведена преимущественно к терпимости. «Она предполагает открытый диалог субъектов и их субъект-субъектные отношения, основанные на равноправии, уважении, полифонировании, они реализуются в толерантной деятельности» [Касьянова 2010: 70].

Рассматривая западные (либеральные) теории толерантности, исследователи выделяют разные виды определений. Так называемые «сильные» определения четко отграничивают толерантность как любое ненасильственное действие от собственно толерантности, отличающейся и от безразличия, и от неприятия. Выход из ситуации парадоксов видится в плюрализме парадигм толерантности, в понимании ее как способа утверждения какой-либо ценности [Хомяков 2003: 98]. «В любом случае, толерантность оказывается ограничена чем-то иным, внешним по отношению к ней, а потому оказывается контекстуально зависимой.

Получается, что границы толерантности (а значит, и сама толерантность как таковая) разнятся в зависимости от общества, в рамках которого они существуют, а потому попытки найти «истинную» толерантность, приемлемую для любого «разумного существа», в принципе обречены на неудачу» [там же: 102].

Дискуссионный характер самого определения толерантности как некой научной категории заставляет исследователей рассматривать ее в разных аспектах. Е. И. Касьянова выделяет несколько основных подходов к исследованию толерантности. Аксиологический подход трактует толерантность как ценность, причем ценность того, что сейчас принято называть «либеральной демократией». Кроме аксиологического подхода, автор выделяет конфликтный (исследователь Б. Капустин и др.), онтолого-исторический (нелиберальные основания толерантности), этический (толерантность – моральный идеал) [Касьянова 2009: 6]. Широкий разброс мнений в российском философском дискурсе наблюдается в трактовке сущности толерантности: от признания ее ценностью, до полного отрицания [Никишенков 2001: 122]. По мнению Е. И. Касьяновой, основной характеристикой российской концепции толерантности является Согласие (социальное согласие). «Согласие выступает глубинной основой повышения социальной интеграции (понимаемой не как поглощение одних другими, а как взаимообогащение, как приобретение системой новых, действительно единых качеств), снижения уровня напряженности и конфликтогенности и способствует реализации принципа толерантности» [Касьянова 2009: 13–14].

Исследователи выделяют в структуре толерантности четыре компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный, аксиологический, деятельностный. Деятельностный компонент толерантности является основным. Е. И. Касьянова подчеркивает, что «в семантике русского языка отсутствует прямой эквивалент этого термина, поэтому в обыденном сознании этот концепт до сих пор остается семантически «пустым» и воспринимается как заимствованный с Запада». Активный аспект толерантности выделяется особо, в рамках него «толерантность – это не пассивное принятие, а активный поиск точек соприкосновения с неясным, непонятым, чужим, желание понять это неясное» [там же].

По мнению Е. И. Касьяновой, «толерантность необходима в определенных ситуациях, которые характеризуются угрозой социальной идентичности, столкновением несовместимых интересов, потребностей, ценностей, то есть являются конфликтными по своей природе. Следовательно, толерантность означает, что противоречие (антагонизм), оценочность, непринятие, отрицание и негативные эмоции преобразуются в уважение, принятие, понимание» [там же].

Почти одновременно с философами (то есть с начала XXI в.), толерантность стала активно изучаться в лингвистике, что и положило начало историографии собственно категории лингвотолерантности. Кратко перечислим, основные аспекты изучения лингвотолерантности в русскоязычном научном пространстве. Проблемы лингвотолерантности впервые в России были подняты в начале текущего века лингвистами Н. А. Купиной и О. А. Михайловой [Купина, Михайлова 2001: 50–69]. Исследователи выделяют основные составляющие исследования категории толерантности: изучение сущности, природы и особенностей речевой коммуникации; исследование современного состояния культурно-речевой ситуации в обществе (в России); определение коммуникативных прав и обязанностей носителей языка выработка рекомендаций «лингвистической терапии».

Для целей нашего исследования особую ценность представляет именно четвертая составляющая – терапевтическая, так как именно психотерапевтические функции языка имеют первостепенное значение для предупреждения, урегулирования и разрешения конфликтов. К слову, современные психотерапевты считают, что «каждый человек, по роду своей деятельности соприкасающийся с людьми, занимается психотерапией» [Макаров 2001: 10]. Исследуя феномен речевого воздействия, авторы обращают внимание на важность решения проблемы качества общения, выделяя в качестве оппозиции речевую агрессию и толерантное общение.

Рассуждая с позиций лингвокультурологии, авторы отмечают, что это современное направление лингвистики «видит источник толерантности в гуманизации общения, в соблюдении личностью своих речекommunikативных прав и обязанностей» [Хрестоматия 2008: 49]. Авторы исследуют и другую оппозицию: идеологическую толерантность, как внутрикультурную составляющую культуры тоталитарного типа и толерантность как правило обращения с ценностями. Исследуя ценностный аспект толерантности, Н. А. Купина и О. А. Михайлова констатируют, что «процесс деидеологизации и демифологизации поставил российское общество перед выбором опорной аксиологической системы. Выбор этот происходит стихийно, хотя и на базе культурных традиций» [Хрестоматия 2008: 61]. Авторы делают вывод о том, что существующая в России в начале этого века «аксиологическая растерянность россиян, находящихся между тремя системами ценностей (исконной, советской, западной) влияет на языковое существование, часто порождает напряжение и дискомфорт» [Хрестоматия 2008: 61]. В дальнейшем О. А. Михайлова разовьет тему лингвокультурологии, опубликовав соответствующее учебное пособие [Михайлова 2015: 4–5].

Одновременно с О. А. Михайловой коммуникативные аспекты толерантности исследуют И. А. Стернин и К. Н. Шелихиной. Исследователи рассматривают феномен толерантности с двух позиций. «На лингвокогнитивном уровне – описание содержания концепта толерантность через анализ языковых средств, объективирующих его в языке и представляющих его в семантическом пространстве языка; на коммуникативном уровне – описание проявления толерантности в межличностном общении народа, в особенностях коммуникативного поведения народа» [Стернин, Шелихина 2000: 3].

Рассматривая толерантность как концепт, авторы дают следующее ее определение: «Коммуникативная толерантность – это коммуникативное поведение личности, в котором соблюдается принцип вежливости, доминируют недирективные речевые акты, отражающие внимательное, тактичное отношение к собеседнику, а также преобладают речевые стратегии и тактики, характерные для бесконфликтного общения» [Стернин, Шелихина 2000: 96]. Отметим, что авторы с восторгом встретили начало применения в российском обществе нового понятия. «Конец XX века ознаменовался долгожданным событием для российского сознания – слово толерантность окончательно вошло в русский язык и стало получать все большее распространение в современном российском обществе» [Стернин, Шелихина 2000: 3].

От себя заметим, что с момента выхода монографии прошло более двадцати лет. Восторг представителей разных наук по поводу возможности сформировать понятие толерантность в сознании народа сменился вполне прагматичными вопросами: как проявлять толерантность в ситуации конфликта?; как сохранять уважение, доброжелательное

отношение в конфликтной ситуации, но при этом урегулировать конфликт в соответствии со своими интересами?; как соотносится толерантность и сила?; как не потерять все то лучшее, что наработало человечество в продвижении идей толерантности, не скатившись к политически ангажированным постмодернистским идеям «всеобщей толерантности»? Эти и многие другие вопросы, которые не озвучивались в начале текущего века, стоят сегодня на повестке и требуют ответов. Лакунарность концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ не просто никуда не исчезла, но является больным местом, «слепым пятном», как принято говорить в практической психологии.

И. А. Стернин и К. М. Шелихина, рассматривая ТОЛЕРАНТНОСТЬ как концепт, подчеркивают, что она незаменима в разрешении конфликтов. «Разрешение конфликтов предполагает со стороны толерантного человека использование, прежде всего, тактик уступчивости и компромисса в непринципиальном, и тактики сотрудничества – в важном вопросе» [Стернин, Шелихина 2000: 13]. Они считают, что «важнейшим аспектом проявления толерантности является коммуникативный – способность личности и общества в целом к нормативному, этикетному, бесконфликтному, гармонизирующему общению, формирование у всей лингвокультурной общности в целом умения слушать собеседника и уважать его мнение, сохранять спокойствие в споре и конфликте, умение спокойно и этикетно вести и межличностный спор, и публичную дискуссию» [Стернин, Шелихина 2000: 15].

Исследование толерантности как концепта русской лингвокультуры набирает популярность у разных авторов [Растатуева 2008: 19; Сумина 2007: 22] и др. Так, Е. Ю. Шамсутдинова рассматривает толерантность как коммуникативную категорию, специально исследуя ее в лингвистическом и лингводидактическом аспекте [Шамсутдинова 2006: 4]. Автор отмечает важность исследования этой категории именно в межкультурной коммуникации, проводя сопоставительный анализ «ассоциативных полей оппозиций Любовь–Ненависть, Счастье–Несчастье, Друг–Враг, Свой–Чужой, Родина-Чужбина в русской и польской лингвокультуре». Е. С. Сумина исследует толерантность, изучая путь развития данной категории от феномена к лингвокультурному концепту [Сумина 2027: 4]. В качестве объекта исследования автор рассматривает «феномен толерантности, понятия «толерантность» и «Toleranz», концепты Толерантность-Терпимость и Toleranz в русской и немецкой научной и языковой картинах мира». Надо заметить, что изучение толерантности в отечественной лингвистике дало толчок к исследованию толерантности в разных типах дискурса (в средствах массовой информации [Южакова 2007], в переговорах, в т. ч. международных [Вахрушев 2010], в интернет-коммуникации [Соловьева 2012]).

В последнее время проявляется интерес ученых к политическим аспектам лингвотолерантности. Так, Т. В. Романова, исследует категории толерантность / политкорректность в качестве объекта лингвистического осмысления [Романова 2015]. И. Г. Коршунова рассматривает лингвистическую толерантность как отражение современной политической реальности [Коршунова 2016]. И. С. Никитина делает попытку проанализировать толерантность как объект современных междисциплинарных гуманитарных исследований, особо отмечая лингвистику [Никитина 2019: 81]. Автор выделяет «основные аспекты изучения толерантности в лингвистике», которые включают: «определение данного термина, разграничение смежных понятий, вопросы категориальной

природы данного понятия, оппозицию «толерантность – нетолерантность», феномен языковой толерантности и его вербальную репрезентацию». Интересно, что И. С. Никитина не видит разницы между разными терминами, описывающими категорию лингвотолерантности. «Поскольку под языковой толерантностью понимают совокупность разных форм толерантного поведения – вербальных и невербальных, – на наш взгляд, данный термин не имеет принципиальных отличий от общепринятого термина толерантность».

В рамках нашего исследования, интерес представляет монография Н. Н. Кошкаровой, в которой автор сравнивает конфликтный и кооперативный дискурсы в межкультурном политическом пространстве. Автор не использует термин лингвотолерантность в своей работе, однако, раскрывая суть кооперативного дискурса, опирается на категорию толерантности [Кошкарова 2021]. На протяжении всего научно-общественного (по Лекторскому) периода изучения категории толерантности, отечественная научная мысль не оставляла попыток отделить понятия терпимости и толерантности. Этот процесс начался в конце прошлого века, не прекращается он и по сей день. Поэтому мы признаём справедливым мнение Л. В. Скворцова о том, что «адекватное толкование толерантности возможно лишь в том случае, если принимается во внимание ее конкретное содержание» [Скворцов 1997]. Лингво-правовые аспекты понятия «TOLERANCE» изучались Д. А. Кирилловым и Е. Г. Сеченовой [Кириллов, Сеченова 2021]. Авторы, анализируя вышеназванное понятие в документах ООН, настаивают на необходимости внесения изменений в документы ООН, представляя лингво-правовое обоснование неоднозначности употребления этого понятия.

Ряд исследователей анализируют дихотомию лингвотолерантность / лингвоконфликтогенность, изучая проблему мигрантов [Путина 2020; Шустова 2021]. О коммуникативной толерантности пишут Н. В. Соловьева и Л. С. Тихомирова [Русский язык и риторика 2021]. Авторы проанализировали историографию термина *толерантность* в русской языковой картине мира и пришли к выводам о том, что в русской языковой картине мира концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ репрезентируется двумя ключевыми именами – толерантность и терпимость; научное толкование толерантности отличается от наивного и не предполагает взаимозаменяемости; анализ исследований, посвященных концептуализации толерантности в различных дискурсах, позволяет моделировать концепт толерантность в виде пересекающихся когнитивных слоев, имеющих ядро и интерпретационную часть.

Заключение

Проведя историографический анализ категории лингвотолерантность, можно сделать некоторые выводы. Историография категории лингвотолерантность имеет глубокие корни в историографии категории собственно толерантность. В качестве базиса в исследовании лингвотолерантности как категории, необходимо опираться на богатую историю осмысления термина толерантность в мировой и отечественной философии (в первую очередь), а также смежных дисциплин. Историография термина *лингвотолерантность* показывает, что его научное содержание неоднозначно, различается в зависимости от эпохи, научной традиции и авторского подхода к его толкованию. Исследования лингвотолерантности в лингвистике чаще всего имеют цели выявления коммуникативных способов, методов и приемов,

опирающихся на нормы и правила этикета, что недостаточно для моделирования способов использования коммуникативных аспектов лингвотолерантности в конфликтах и конфликтных ситуациях.

Список литературы

1. Валеев А. М., Фомин Е. М. История и сущность понятия толерантности // Символ науки. 2016. № 2. С. 80–83.
2. Валитова Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1996. № 1. С. 33–37.
3. Вахрушев А. А. Вербальная агрессия и языковая толерантность в межкультурном деловом общении // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). Филология. Искусствоведение. Вып. 40. С. 53–58.
4. Гусейнов А. А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–81.
5. Декларация принципов терпимости. Резолюция 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО. 16 ноября 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 26.05.2024).
6. Дмитриев А. В. Конфликтология : краткий терминологический словарь. СПб. : СПбГУП, 2012. 50 с.
7. Емельянов Б. В. Русская философия под знаком толерантности // Толерантность в современной цивилизации: материалы Междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. / под ред. М. Б. Хомякова. Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет», 2001. С. 213–224.
8. Золотухин В. М. Терпимость и толерантность: сходство и различие // Вестник Кузбасского государственного технического университета. Философия, этика, религиоведение. 2003. С. 94–100.
9. Кириллов Д. А., Сеченова Е. Г. Понятие «TOLERANCE» в документах ООН: Лингво-правовое обоснование необходимости внесения изменений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24, № 4. С. 132–144.
10. Касьянова Е. И. Социально-философские основания толерантности : автореф. ... канд. ф. наук. Улан-Удэ. 2009. 46 с.
11. Касьянова Е. И. Феноменологический анализ сущностных аспектов категории «толерантность» // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Социологические науки. Философия, культурология, социология, социальная работа. Чита : ЗабГГПУ, 2010. С. 63–71.
12. Коршунова И. Г. Лингвистическая толерантность как отражение современной политической реальности // Символ науки. 2016. № 6. С. 74–75.
13. Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвокультурологические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. / под ред. М. Б. Хомякова. Екатеринбург : Изд-во «Уральский университет», 2001. С. 50–69.
14. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве : монография. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. С. 113–123.
15. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46–54.
16. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Философия, наука, цивилизация. М. : Едиториал, УРСС, 1999. 284 с.
17. Макаров В. В. Психотерапия нового века. М. : Академический Проект, 2001. 496 с.
18. Методика Томаса – Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации. URL: <https://nekrasovspb.ru/doc/18tomas-kilmen.pdf>(проверено 05.09.2024);

19. Михайлова О. А. Лингвокультурологические аспекты толерантности : [учеб.- метод. пособие]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во «Уральский университет», 2015. 124 с.
20. Никитина И. С. Толерантность как объект современных междисциплинарных гуманитарных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 78–83.
21. Никишенков А. А. Опыт антропологического анализа толерантности // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2001. С. 119–128.
22. Постановление правительства РФ о федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901795825> (проверено 02.05.2024).
23. Путина О. Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примере дискурсивных маркеров) // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 70–78.
24. Русский язык и риторика: материалы к разделу «Культура речевого общения» : учебно-методическое пособие / Н. В. Соловьева, Л. С. Тихомирова; Электронные данные. Пермь : Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2021. 1,90 Мб.
25. Скворцов Л. В. Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Октябрь. 1997. № 7. С. 138–155.
26. Соловьева Н. В. Толерантность речевого взаимодействия в интернет-пространстве (на материале интернет-дискуссий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17). С. 41–45.
27. Соловьева Н. В., Л. С. Русский язык и риторика: материалы к разделу «Культура речевого общения» : учебно-методическое пособие. Пермь : Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2021. 1,90 Мб.
28. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Перемена, 2000. 110 с.
29. Сумина Е. С. Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту : автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 22 с.
30. Растатуева С. Г. Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке : автореф. ... канд. филол. наук. Елец, 2008. 19 с.
31. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 2 (52). С. 39–49.
32. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. XVI, 731 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
33. Хрестоматия по дисциплине «Лингвокультурологические проблемы толерантности» / Авторы-составители: Михайлова О. А., Павлова Н. С. Екатеринбург : Изд-во «Уральский государственный университет им. А.М. Горького», 2008. 76 с.
34. Шамсутинова Е. Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект) : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
35. Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 4. С. 98–112.
36. Шустова С. В. Лингвотолерантность и лингвоконфликтогенность в миграционном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 21–29.
37. Южакова Ю. В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: [б.и.], 2007. 203 с.

References

1. Valeev A. M, Fomin E. M. Istoriya i sushchnost' ponyatiya tolerantnosti [History and essence of the concept of tolerance]. *Simvol nauki* [Symbol of science]. 2016, no. 2, pp. 80-83. (In Russ.).
2. Valitova R. R. Tolerantnost': porok ili dobrodetel'? [Tolerance: vice or virtue?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy]. 1996, no. 1, pp. 33-37. (In Russ.).
3. Vakhrushev A. A. Verbal'naya agressiya i yazykovaya tolerantnost' v mezhkul'turnom delovom obshchenii [Verbal aggression and language tolerance in intercultural business communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010, no. 4 (185), iss. p. 40, pp. 53-58. (In Russ.).
4. Guseynov A. A. Etika nenasiliya [Ethics of non-violence]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1992, no. 3, pp. 72-81. (In Russ.).
5. Deklaratsiya printsipov terpimosti. Rezolyutsiya 5.61 General'noy konferentsii YuNESKO [Declaration of Principles on Tolerance. Resolution 5.61 of the General Conference of UNESCO]. November 16, 1995. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (accessed: 26.05.2024).
6. Dmitriev A. V. Konfliktologiya [Conflictology]. Saint Petersburg, SPGUP, 2012, 50 c. (In Russ.).
7. Emel'yanov B. V. Russkaya filosofiya pod znakom tolerantnosti [Russian philosophy under the sign of tolerance]. *Tolerantnost' v sovremennoy tsivilizatsii* [Tolerance in modern civilization]. Ekaterinburg, Ural'skiy universitet, 2001, pp. 213-224. (In Russ.).
8. Zolotukhin V. M. Terpimost' i tolerantnost': skhodstvo i razlichie [Tolerance and tolerance: similarities and differences]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Filosofiya, etika, religiovedenie* [Bulletin of the Kuzbass State Technical University. Philosophy, Ethics, Religious Studies]. 2003, pp. 94-100. (In Russ.).
9. Kirillov D. A., Sechenova E. G. Ponyatie «TOLERANCE» v dokumentakh OON: Lingvo-pravovoe obosnovanie neobkhodimaosti vneseniya izmeneniy [The concept of "TOLERANCE" in UN documents: Linguistic and legal justification for the need to make changes]. *Aziatsko-Tikhoookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific region: economics, politics, law]. 2021, vol. 24, no. 4, pp. 132-144. (In Russ.).
10. Kas'yanova E. I. Sotsial'no-filosofskie osnovaniya tolerantnosti [Social and philosophical foundations of tolerance]. PhD dissertation abstract. Ulan-Ude, 2009, 46 p. (In Russ.).
11. Kas'yanova E. I. Fenomenologicheskii analiz sushchnostnykh aspektov kategorii «tolerantnost'» [Phenomenological analysis of the essential aspects of the category "tolerance"]. *Uchenye zapiski ZabGGPU. Seriya: Sotsiologicheskie nauki. Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya, sotsial'naya rabota* [Scientific notes of ZabGGPU. Series: Sociological sciences. Philosophy, cultural studies, sociology, social work]. CHita : ZabGGPU, 2010, pp. 63-71. (In Russ.).
12. Korshunova I. G. Lingvisticheskaya tolerantnost' kak otrazhenie sovremennoy politicheskoy real'nosti [Linguistic tolerance as a reflection of modern political reality]. *Simvol nauki* [Symbol of science]. 2016, no. 6, pp. 74-75. (In Russ.).
13. Kupina N. A., Mikhaylova O. A. Lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti [Linguocultural problems of tolerance]. [Tolerance in modern civilization]. Ekaterinburg, Ural'skiy universitet, 2001, pp. 50-69. (In Russ.).
14. Koshkarova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve [Conflict and cooperative types of discourse in intercultural political space]. Chelyabinsk, Biblioteka A. Millera, 2021, pp. 113-123. (In Russ.).
15. Lektorskiy V. A. O tolerantnosti, plyuralizme i krititsizme [On tolerance, pluralism and criticism]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1997, no. 11, pp. 46-54. (In Russ.).

16. Lektorskiy V. A. O tolerantnosti, plyuralizme i krititsizme [On tolerance, pluralism and criticism]. *Filosofiya, nauka, tsivilizatsiya* [Philosophy, Science, Civilization]. Moscow, Editorial, URSS, 1999, 284 p. (In Russ.).
17. Makarov V. V. Psikhoterapiya novogo veka [New Age Psychotherapy]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2001, 496 p. (In Russ.).
18. Metodika Tomasa - Kilmanna na vyyavlenie vedushchego povedeniya v konfliktnoy situatsii [Thomas-Kilman's method for identifying leading behavior in a conflict situation]. (In Russ.). Available at: <https://nekrasovSaint Petersburg.ru/doc/18tomas-kilmen.pdf> (accessed: 05.09.2024);
19. Mikhaylova O. A. Lingvokul'turologicheskie aspekty tolerantnosti [Linguocultural aspects of tolerance]. Ekaterinburg, Ural'skiy universitet, 2015, 124 p. (In Russ.).
20. Nikitina I. S. Tolerantnost' kak ob'ekt sovremennykh mezhdistsiplinarykh gumanitarnykh issledovaniy [Tolerance as an object of modern interdisciplinary humanitarian research]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University]. 2019, no. 1. pp. 78-83. (In Russ.).
21. Nikishenkov A. A. Opyt antropologicheskogo analiza tolerantnosti [An attempt at anthropological analysis of tolerance]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl', 2001, pp. 122. (In Russ.).
22. Postanovlenie pravitel'stva RF o federal'noy tselevoy programme «Formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i profilaktika ekstremizma v rossiyskom obshchestve (2001-2005 gg.)». [Resolution of the Government of the Russian Federation on the federal target program "Formation of tolerant consciousness and prevention of extremism in Russian society (2001-2005)."]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901795825> (accessed: 02.05.2024). (In Russ.).
23. Putina O. N. Lingvokonfliktogennost' kak parametr natsional'nogo stilya verbal'noy kommunikatsii (na primere diskursivnykh markerov) [Linguistic conflictogenicity as a parameter of the national style of verbal communication (using discursive markers as an example)]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2020, no. 2, pp. 70-78. (In Russ.).
24. Russkiy yazyk i ritorika: materialy k razdelu «Kul'tura rechevogo obshcheniya» [Russian language and rhetoric: materials for the section "Culture of speech communication"]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2021, 1,90 Mb. (In Russ.).
25. Skvortsov L. V. Tolerantnost': illyuziya ili sredstvo spaseniya? [Tolerance: an illusion or a means of salvation?]. October, 1997, no. 7, pp. 138-155. (In Russ.).
26. Solov'eva N. V. Tolerantnost' rechevogo vzaimodeystviya v internet-prostranstve (na materiale internet-diskussiy) [Tolerance of speech interaction in the Internet space (based on Internet discussions)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. 2012, iss. 1(17), pp. 41-45. (In Russ.).
27. Solov'eva N. V., L. S. Russkiy yazyk i ritorika: materialy k razdelu «Kul'tura rechevogo obshcheniya» [Russian language and rhetoric: materials for the section "Culture of speech communication"]. Perm', Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2021, 1,90 Mb. (In Russ.).
28. Sternin I. A., Shilikhina K. M. Kommunikativnye aspekty tolerantnosti [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, Peremena, 2000, 110 p.
29. Sumina E. S. Tolerantnost': ot fenomena k lingvokul'turnomu kontseptu [Tolerance: from a phenomenon to a linguacultural concept]. PhD dissertation abstract. Ekaterinburg, 2007, 22 p. (In Russ.).
30. Rastatueva S. G. Rezentatsiya kontsepta «tolerantnost'» v russkom yazyke [Representation of the concept of "tolerance" in the Russian language]. PhD dissertation abstract. Elets, 2008, 19 p. (In Russ.).
31. Romanova T. V. Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniya problemy [Tolerance and political correctness: an analytical review of the current state of the problem]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2015, iss. 2 (52), pp. 39-49. (In Russ.).

32. Slovar' filosofskikh terminov [Dictionary of philosophical terms]. Moscow, INFRA-M, 2005, XVI, 731 p. (In Russ.).
33. Mikhaylova O. A., Pavlova N. S. Khrestomatiya po distsipline «Lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti» [Reader on the subject "Linguocultural problems of tolerance"]. Ekaterinburg, Izd-vo «Ural'skij gosudarstvennyj universitet im. A.M. Gor'kogo», 2008, 76 p. (In Russ.).
34. Shamsutinova E. Yu. Tolerantnost' kak kommunikativnaya kategoriya (lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekt) [Tolerance as a communicative category (linguistic and linguodidactic aspect)]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2006, 24 p. (In Russ.).
35. Khomyakov M.B. Tolerantnost': paradoksal'naya tsennost' [Tolerance: a paradoxical value]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2003, vol. VI, no. 4, pp. 98-112. (In Russ.).
36. Shustova S. V. Lingvotolerantnost' i lingvokonfliktogennost' v migratsionnom diskurse [Linguistic tolerance and linguo-conflictogenicity in migration discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. 2021, no. 4, pp. 21-29. (In Russ.).
37. Yuzhakova Yu. V. Tolerantnost' massovo-informatsionnogo diskursa ideologicheskoy napravlenosti [Tolerance of mass information discourse of ideological orientation]. PhD dissertation abstract. Chelyabinsk, 2007, 203 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Невельсон – старший преподаватель,
кафедра социальной работы и конфликтологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. Yu. Nevelson – Senior Lecturer, Department of Social Work and Conflictology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 80–89.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 15. P. 80-89.

Научная статья

УДК 025.17

doi: 10.24412/2713-0231-2024-15-80-89

ЦЕНЗУРНАЯ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ольга Романовна Кудрявцева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

kudryavtseva_or@pspu.ru

Аннотация. В данном исследовании мы рассмотрим историю библиотеки ПГГПУ через призму главенствовавшего в этот период тотального контроля всех сфер жизни советского человека. Цензура как инструмент контроля и пропаганды, существовала во все времена, это система надзора за печатными, музыкальными и сценическими (театральными) произведениями, видеопродукцией и т. д. Не обошла стороной цензура и российскую печать, а с возникновением советской власти появилась необходимость тотального контроля всех сторон культурной жизни страны. Происходит поиск институциональных форм для осуществления такого режима. Показаны особенности институциональных образований, контролирующих процесс цензуры, а также взаимодействие их с другими организациями. В частности, исследуется вопрос взаимодействия их с библиотекой Пермского университета, Пермского педагогического института. На примере отдельно взятой библиотеки выдвигаются гипотезы о возможных причинах сбоев в работе Пермобллита в указанный период. Здесь же приводятся семантические структуры, использовавшиеся для обозначения контроля, и вводимые библиотекарями процедуры сокрытия нелегальных экземпляров. Выделен дуализм в определении одних и тех же качеств цензурируемой литературы.

Ключевые слова: библиотека, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, история библиотеки, цензура, запрещенная литература, нелегальная литература, Пермобллит, Главлит, репрессии, Пермский литературно-Театральный Музей, пермское краеведение

Для цитирования: Кудрявцева О. Р. Цензурная и нелегальная литература в фондах библиотеки Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 80–89. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-80-89>

Original article

CENSORED AND ILLEGAL LITERATURE IN THE COLLECTIONS OF THE LIBRARY OF THE PERM STATE HUMANITARIAN AND PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Olga R. Kudryavtseva

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia, kudryavtseva_or@pspu.ru

Abstract. In this study, we will look at the history of the PSHPU library through the prism of the total control of all spheres of Soviet life that prevailed during this period. Censorship as a tool of control and propaganda has existed at all times, it is a system of supervision over printed, musical and stage (theatrical) works, video products, etc. Censorship also did not bypass the Russian press, and with the advent of Soviet power, there was a need for total control of all aspects of the cultural life of the country. There is a search for institutional forms for the implementation of such a regime. The features of the institutional entities that control the censorship process, as well as their interaction with other organizations, are shown. In particular, the issue of their interaction with the library of Perm University, Perm Pedagogical Institute is being investigated. Using the example of a single library, hypotheses are put forward about the possible causes of failures in the operation of Permoblit during the specified period. The semantic structures used to denote control and the procedures introduced by librarians to conceal illegal copies are also given here. Dualism in defining the same qualities of censored literature is highlighted.

Keywords: Library, Perm State Humanitarian Pedagogical University, library history, censorship, banned literature, illegal literature, Permoblit, Glavlit, repression, Perm Literary and Theatrical Museum, Perm regional studies

For citation: Kudryavtseva O. R. Censored and illegal literature in the collections of the library of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;15:80-89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-15-80-89>

Введение

Цензура как инструмент контроля и пропаганды, существовала во все времена, это система надзора за печатными, музыкальными и сценическими (театральными) произведениями, видеопродукцией и т. д. Не обошла стороной цензура и российскую печать, а с возникновением советской власти появилась необходимость тотального контроля всех сторон культурной жизни страны. Происходит поиск институциональных форм для осуществления такого режима. Прежде всего, мы должны обозначить временные рамки – это период массовых репрессий – 1921–1953 гг. Этот период характеризуется проявлением тоталитаризма, то есть системы, подчиняющей себе все сферы жизни, общей идеологией, выявлением внутренних и внешних врагов. Тоталитарная система не могла существовать без бюрократических органов.

«В 1920-е гг. цензурные учреждения плохо координировали свою работу, иногда даже конкурировали, поэтому в качестве основного ведомства в итоге был создан Главлит, задуманный как учреждение постоянное и всеобъемлющее. Любая массовая информация не могла, за редким исключением, появиться без его визы. С 1935 г. Главлит стал всесоюзным учреждением при Совете Министров СССР – Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати» [Гращенко 2008].

Основная часть

Основным, курирующим цензуру, органом в тогдашней Пермской области был Уралоблит. В результате всех реструктуризаций в сентябре 1930 г. в Перми был образован Горлит – надзорный орган, цензурный комитет, который должен был осуществлять контроль

над всеми печатными изданиями Перми и Пермского района, а также 12 радиоузлами. В ежегодные приказы Главлита входил пункт: «Осуществить учет всех библиотек, обязать все библиотеки составлять инвентарные списки книг, привлечь к проверке библиотек партийный актив».

История деятельности этой организации показывает, что, несмотря на обширные полномочия и «высокие идейные цели» (что являлось высшей мерой для цензора), выполнить свое «предназначение» она не смогла. Этому помешал: а) дефицит кадров, б) низкая заработная плата, в) ответственность за допущенные ошибки. Порой наказание выходило за рамки допустимого, например, арест за пропущенное слово. Таким образом, несмотря на поиски, идеальных работников на место цензоров было мало, хотя некоторые из них проявляли даже слишком большое усердие.

В работе надзорного органа проходили целые годы затишья, например, с 1934 по 1937 гг. К тому же Пермобллит не находил никакой поддержки ни у местного населения, ни у местных властей. Хотя, несмотря на все трудности, в 1940 г. были объявлены «Благодарности за успешный труд на цензурном поприще были объявлены 23 пермским цензорам, из них 17 человек было поощрено за ликвидацию «запущенности по изъятию враждебной литературы». В библиотеках и книжных магазинах Молотовской области цензоры изъяли за три квартала 1940 г. свыше 297 тыс. книг».

В Пермской Центральной библиотеке имени Максима Горького также были изъяты запрещенные книги и журналы. Центральные библиотеки запрещенную литературу не уничтожали, а переводили ее на хранение в отдельное помещение (Спецхран). Спецхран – сокращенное название:

- 1) собственно Отдела специального хранения библиотеки (Отдел спецфондов);
- 2) всей системы государственного хранения запрещенной литературы в СССР. Во втором смысле это название чаще всего употреблялось в публицистической и художественной литературе [Варламова 1995].

Содержались издания в Спецхране до 1987 г., после чего, в связи с объявленной гласностью, были переданы в другие библиотеки. Так в Пермский государственный педагогический институт поступил 321 экземпляр изданий со штампом: «Специальный / Отд-л Центральной / Б-ки г. Перми. Инв. №_». В остальных библиотеках нелегальную литературу уничтожали, превращая их в бумажную массу, которая пополняла макулатуру. Ниже мы укажем, что от такой практики позже отказались.

В библиотеке ПГПУ запрещенная и нелегальная литература имеет индикатор ценности – «Нелегальные и запрещенные издания», также мы относим к таким изданиям «Книги репрессированных авторов».

Прежде всего, это издания репрессированных авторов, которые считались главными идеологическими врагами Сталина – Н. И. Бухарина, Г. А. Зиновьева, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Н. Н. Авдеева и др. – всей «старой» партийной номенклатуры, идейных коммунистов, стоявших у истоков партии. Также туда включались «устаревшие» с точки зрения власти исторические издания, философские взгляды на марксизм. Политически неблагонадежные и опасные издания скрывались от глаз в первую очередь, художественными произведениями цензура занялась несколько позже.

Особенно много «идеологически опасных» изданий вышло в рабочем издательстве «Прибой». Издательство «Прибой» было первым легальным большевистским партийным издательством и начало работать в Петербурге в конце 1912 г. Участниками издательства были такие революционные деятели, как Н. Н. Крестинский, А. И. Елизарова, Ф. И. Драбкина, З. Фаберкевич (Т. Гневич), К. А. Комаровский (Б. Г. Данский), К. А. Гайлис и другие. Издавалась общественно-политическая, агитационно-пропагандистская и научно-популярная литература, а также журналы и газеты. В ноябре 1927 г. «Прибой» слился с Ленгизом, а в 1930 г. превратился в ОГИЗ.

Один из издателей «Прибоя» – Николай Николаевич Крестинский был видным советским политическим и государственным деятелем, в 1937 г. был заместителем наркома юстиции СССР. В этом же году был арестован и обвинен в связи с Троцким, с германской разведкой, в подготовке террористических актов против руководства партии, в 1938 г. приговорен к расстрелу. Соответственно и его издания были запрещены – в фондах ПГГПУ содержится «Сталинский знаменосец мира» (1936 г.). Судьбу Крестинского повторил историк Владимир Владимирович Невский, который опубликовал более пятисот работ по истории народнического, рабочего и социал-демократического движения, по истории партии.

В фондах библиотеки под издательством «Прибой» содержатся книги таких авторов как А. Гильбо, Большаков А. М., Оранский С. А., Аничков С. В., Лозинский З. Д., Ключев Н. А. и др.

Слияние с другим издательством, а затем и смена названия была неизбежна – слишком натянутые отношения сложились у «Прибоя» с нынешней властью, возможно, пугало своей прогрессивностью и популярностью. Не было необходимости ликвидировать действующее предприятие, реструктурировали и подвели в стандартные рамки.

Однако в предложенных сверху алгоритмах работы: «Выявлено-уничтожить, убрать на бессрочное хранение» обнаружились просчеты. Ведь в каждой книге мог затаиться «враг». Например, для списания определенного издания в Инвентарной книге использовался штамп или запись: «Списано по акту № _ дата». Для процедуры изъятия «неправильной» литературы существовал определенный вокабуляр: «Изъято по акту _», причем не всегда вписывался номер акта. И возникла проблема – если уничтожить или спрятать все книги, сможет ли существовать библиотека? В своей книге «Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917–1991» Блюм упоминает о способе обращения с «неудобными книгами»: «Главлиту приказано было отныне включать в циркулярные списки лишь «авторские» книги «врагов народа»; во всех же остальных производить «вычерки и исправления», оставляя их в общих фондах библиотек» [Блюм 2003].

Одно из изданий (Иванчин-Писарев А. И. «Хождение в народ», 1929) лишилось предисловия Невского, имя его зачеркнули в оглавлении. Это жест не отвержения самой литературы, а подчинения указаниям, спущенным сверху. При этом указания настолько нечеткие (размытые сроки, скорость «запрещения» – репрессировали авторов тысячами), что специалисту библиотеки оставляли свободу действий: нет предисловия – нет запрета. Имя вымарывалось с целью сокрытия, а не по идеологическим причинам, которых у обывателя, в большинстве своем, не было.

Директор библиотеки А. В. Костицына отмечает: «Спецхран в ПГПИ не было – не положено «по статусу», поэтому, когда Главлит СССР в очередной раз издавал приказ со списками подлежащих исключению из библиотек и книготорговых сетей изданий, работники библиотеки должны были уничтожить их по акту... Книги много раз попадали в опалу, да такую, что даже в инвентарных описях так вымарывались их названия и авторы, чтобы нельзя было разобрать... Сказать по правде книги Аксенова, Кузнецова и других писателей, занесенных в диссиденты, мы просто спрятали от глаз подальше, не уничтожая, а пришло время – выставили их для пользования» [Костицына 1990].

В 1926 г. под редакцией Всеволода Мейерхольда – известного театрального режиссера, весьма прогрессивного для своего времени, выходит книга (журнал) «Театральный октябрь». В книге публикуются статьи С. С. Мокульского, Г. О. Гаузнера, М. Л. Слонимский и многие другие. «Театральный Октябрь» несет с собой расширение социально-политической активности театра и укрепляет связь сценического искусства со всеми заданиями советской общественности» [Театральный октябрь 1926].

Уже в 1938 г. «Театр Мейерхольда» был ликвидирован как «чуждый советскому искусству». В газете «Правда» выходит заметка о пьесах театра, где «Постановка этих пьес давала извращенное, клеветническое представление о советской действительности, пропитанное двусмысленностью и даже прямым антисоветским злопыхательством» [О ликвидации ... 1938].

Дуализм запрещен, никаких отступлений от основных линий партии, хотя в повседневности он, безусловно, царит. Например, в 1927 г. вышла в свет книга опального поэта Николая Клюева – «Сергей Есенин». Вышла она опять же в издательстве «Прибой». В библиотеку она поступила в 1941 г. от Литературного факультета. Автор был репрессирован по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений» (статья 58, часть 10 УК РСФСР) – более чем веская причина для изъятия вообще всех произведений автора из библиотек. Тем не менее, в библиотеке сохранились и другие произведения автора – «Песнослов» (1919) и «Медный кит» (1919). При этом списаны произведения И. Новича (участник литературной группы «Перевал»), М. С. Гельфанда. (организатора группы «Литературный фронт»), А. И. Зонина (репрессирован по обвинению в «троцкизме»).

Не иначе как была пропущена цензорами книга Марка Александровича Алданова «Толстой и Роллан» (1915). Писатель Алданов – русский прозаик, публицист, автор исторических романов и очерков, философ и химик. Был внесен в списки цензоров, как эмигрировавший в другую страну. Все произведения этого автора были запрещены.

Изымалась из библиотек книга Николая Асеева «Дневник поэта» (изд-во «Прибой», 1929 г.). В книгу вошли эссе, критические статьи, записные книжки поэта. Отзыв Леноблгорлита: «Положительно упоминаются: Бабель (с. 15, 17), А. Веселый (с. 15), А. Воронский (с. 19), Б. Пильняк (с. 17-18, 190-194), Орешин П. (с. 18), Третьяков С. (с. 48, 52, 53, 69)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 550. С. 75). В библиотеке ПГПИУ сохранили 4 экземпляра.

Большой ценностью оказалась книга Ольги Берггольц «Говорит Ленинград» 1946 г. издания (вышло 15 000 экземпляров). Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) – поэт, прозаик, драматург, публицист, жена расстрелянного поэта Бориса Корнилова. Печататься начала с 1925 г. С декабря 1938 г. по июнь 1939 г. находилась в заключении.

В книгу вошли стихи и ставшие уже легендарными тексты радиопередач Ольги Берггольц, обращенные к жителям осажденного блокадного города. Формальный повод запрещения – включение в сборник очерка «Севастополь»: «На стр. 7, 31, 135, 138–139 положительно упоминается старший научный сотрудник Херсонесского Историко-археологического музея А. К. Тахтай, который по данным соответствующих организаций во время Великой Отечественной войны сотрудничал и работал у немцев» (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 49. Д. 451. Л. 63). «Какое пиршество для очей археолога, – сказал ученый хранитель Херсонесского городища А. К. Тахтай, – какое грустное пиршество...» (с. 31): «Мы ловили голос Ленинграда с особым трепетом, – рассказывал Тахтай, – это был голос собрата по судьбе...» (с. 7, 31).

Имя археолога стало причиной конфискации и книги В. Шевченко: «Сокровища исчезнувших городов „Записки музейного работника» (Л.: Лениздат, 1948), поскольку он не раз упоминается в ней: «На с. 17, 18, 29, 79 и 64 положительно упоминается старший научный сотрудник Херсонесского Государственного историко-архивного музея А. К. Тахтай. На с. 83 помещен его портрет. По данным соответствующих организаций, упоминаемый работник во время Отечественной войны сотрудничал и работал у немцев» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 320. Л. 29).

Обвинение в этом Тахтая, крупного крымского археолога, сохранившего коллекции музея в годы войны и оккупации, впоследствии снято. На деле же конфискация сборника, как видно из других цензурных документов, вызвана крайне подозрительным отношением к литературе, посвященной теме блокады (см. далее о запрещении сборника «900 дней», книги А. Чаковского «Это было в Ленинграде» и др.). Страдания, голод, повальная смерть ленинградцев – всё это не вписывалось в парадно-фанфарный героизм в сталинском представлении. Такое отношение продолжалось и в годы застоя, когда с большими затруднениями, приведшими к значительным цензурным купюрам, печаталась в 1979 г. «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. В исправленном и дополненном виде она публикуется только с 1989 г. [Блюм 2004].

Стоит упомянуть такого автора как Бибик Алексей Павлович. Все его издания должны были быть изъяты. Прозаик, участник революционного движения, член РСДРП с 1896 г., в годы Первой мировой войны примыкал к меньшевизму и оборончеству. В 1937 г. сослан, свыше 10 лет провел в ссылке и лагерях Северного Урала.

Сохранена пьеса «Архипов» (1933).

Запрещенные произведения поэтов, таких как В. П. Буренин, А. И. Безыменский можно найти в поэтических сборниках среди других авторов.

Еще одна сфера книгоиздания, которая подверглась жесткой руке цензуры – история, в частности этнография и краеведение. В библиотеке ПГГПУ хранится часть коллекции Пермского Литературно-Театрального Музея, основанного профессором Пермского университета Павлом Степановичем Богословским. В 1923 г. Павел Степанович возглавляет работу «Кружка по изучению Северного края» [Кружок ... 1924].

Основной формой его деятельности были доклады, лучшие из которых публиковались в собственном печатном органе кружка – «Пермский краеведческий сборник». Кружок привлек к участию ряд видных ученых, таких как, историк А. А. Савич, агроном А. А. Хребтов, биолог А. Г. Генкель, географ В. А. Кондаков, а также известных краеведов Д. М.

Бобылева, А. К. Сыропятова, Н. Н. Серебренникова, М. В. Битовта, А. С. Лебедева и многих студентов педагогического факультета университета. Занимались вопросами истории, этнографии, археологии, фольклористики, литературоведения. В 1929 г. кружок был преобразован в «Этнографическое общество при Пермском университете», Богословский стал его председателем.

В 1929 г. Павел Степанович решил основать Пермский Литературно-Театральный Музей, собрание дополнили оттиски работ В. Н. Серебренникова, В. А. Весновского, Н. Н. Блинова, К. А. Самарина – активных членов кружка. Благодаря усилиям профессора, удалось создать коллекцию из более чем 20 тыс. экземпляров: брошюр, книг, фотографий и т. д. [Иванова 1995].

Но уже в конце 1920-х гг. на историков и краеведов обрушились репрессии. В апреле 1929 г. в газете «Уральский рабочий» появляется заметка, критикующая «неисправимых историков», окопавшихся в Пермском университете и приверженцев гуманитарного краеведения. Критики потребовали от Уральского областного бюро краеведения «очистить общества и музеи от лжеспециалистов», «превратить краеведение в орудие классовой борьбы пролетариата» [О неисправимых историках... 1929]. В результате кружок по изучению Северного края при Пермском университете был закрыт.

В 1932 г. Богословский вынужденно уезжает в Москву, надеясь спастись от репрессий, собрание Пермского Литературно-Театрального Музея он оставляет в Пермском университете, забрав с собой только особо ценные для него рукописи, письма и опись коллекции. Позже Музей был разорен.

Многие из коллег и знакомых Богословского были репрессированы с 1930 по 1937 гг. П. С. Богословский поддерживал связь с Алексеем Михайловичем Путинцевым. В 1924 г. Путинцев основал в Воронеже Музей литературы Воронежского края имени И. С. Никитина (позднее – Дом-музей И. С. Никитина). Как и Павел Степанович, Алексей Михайлович был страстным краеведом, собирал фольклор, увлекался поэзией. В коллекции библиотеки ПГГПУ хранится «Отчет о деятельности и состоянии Музея Литературы имени И. С. Никитина в гор. Воронеже за 1928/29 год».

Коллекцию дополнили и два издания самого Путинцева – «Воронежская литература, 1929 г.» и «Краевая художественная литература (собрание, изучение, экспозиция), 1929». Возможно, что и отчет, и книги были присланы одним письмом. К сожалению, жизнь Алексея Михайловича Путинцева сложилась трагично, по делу краеведов он был репрессирован и приговорен к 5 годам лагерей. Сам Павел Степанович был арестован в 1935 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Репрессиям были так же подвергнуты Е. Казанович, В. И. Невский, В. Н. Перетц, М. В. Ушаков-Проскочин, И. И. Ульянов, А. А. Гизетти, Э. Э. Голлербах, М. Д. Беляев, О. Э. Чайнова – все это авторы, публиковавшиеся в многочисленных литературных сборниках из коллекции Пермского Литературно-Театрального Музея. Многие из этих авторов работали в Пушкинском доме в Москве. Как уже упоминалось, сборники весьма мало интересовали цензоров, поскольку требовали тщательного и подробного изучения. Вымарывать имена и вырывать страницы, несмотря на всю фантазмагоричность ситуации, не стали.

Немаловажную роль в сохранении коллекции Литературно-Театрального Музея принадлежит Николаю Петровичу Обнорскому. Профессор преподавал в университете древние языки с 1917 по 1949 гг. Кроме того, в 1917 г. он становится главным библиотекарем во вновь созданном в 1916 г. университете. Во время эвакуации учреждений в Сибирь (при бегстве белогвардейцев) Н. П. Обнорский оставался при библиотеке в Перми. Следует отметить, что, несмотря на трудности, связанные с Гражданской войной и разрухой, Обнорскому за годы своего заведования удалось создать фонд, легший в основу многих вузовских библиотек города Перми [О неисправимых историках... 1929]. Нужно отметить, что литературная и театральная часть ПЛТМ хранилась в Кабинете литературы и языка, где преподавал Николай Петрович. Именно такой человек, радеющий за свое дело, мог сохранить «не имеющие особенной ценности издания».

В 1930 г. в результате реформы высшей школы по отраслевому принципу из университета было выделено несколько самостоятельных вузов, в том числе и педагогический. Позже часть фондов библиотеки были переданы в сельскохозяйственный и медицинский институты.

В 1931 г. Пермский ГК ВКП(б) добрался до библиотеки, в которой обнаружил «буржуазную» литературу. Без вины виноватая библиотека оказалась опальной. 25 марта 1932 г. последовал приказ «Н. П. Обнорского с 13 апреля с. г. от обязанностей директора библиотеки, как не могущего обеспечить перестройку библиотеки в соответствии с задачами социалистического строительства, освободить...» [Пикулева и другие 2000].

Итак, мы должны перейти к выводам, почему же на самом деле в библиотеке сохранилось так много ценных для истории изданий, пропущенных цензорами. На 1935 г. состояние библиотеки было следующим: основное книгохранение располагалось в 9 комнатах нижнего этажа главного корпуса института, включая и коридоры, общей площадью 529 кв. м., что составляло лишь 60 % от необходимой для нормальной работы. Книжный фонд насчитывал 167 571 экземпляр. Кроме того, в библиотеках кафедр находилось большое количество книг, которые не были учтены в фундаментальной библиотеке.

Из всего этого количества книг только 35 тыс. основного книжного фонда было отражено в каталогах, что явилось прямым следствием недостатка финансирования в предыдущие годы. В штат библиотеки входили директор и 10 библиотекарей. То есть фонд был не только частично законсервирован, но и буквально стопки книг лежали связанными в коридорах. Найти в этом беспорядке конкретное издание практически невероятно. Относительный порядок был наведен уже после Великой Отечественной Войны (в помещениях библиотеки находился госпиталь для раненых).

Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы заметить, что из-за цензуры библиотека лишилась большого количества ценной литературы, единичные сохранные экземпляры не могут возместить утраты этих произведений. В период становления библиотеки Пермского педагогического института (ставшего затем университетом) как самостоятельной организации, отделения ее от Пермского университета, стал сложнейшим периодом. Это и реструктуризация, и переезды, смена руководства, нехватка финансов и кадровый голод.

И в этот же период происходит зачистка фондов от «нелегальных», «вредоносных» книг, что ударило по количеству и качеству литературы, нанеся вред не только библиотеке, но и ее читателям.

Список литературы

1. Гращенко И. Цензура литературного творчества и печати в СССР (1929-1941 гг.) // Власть. 2008. № 6. С. 85–88.
2. Варламова С. Ф. К истории создания и развития спецфондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Цензура в царской России и Советском Союзе. М. : Рудомино, 1995. С. 161–167.
3. Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями / М-во культуры Рос. Федерации, Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 403 с.
4. Костицына М. И. Возвращены из забвения // Учитель. 1990. № 14. С. 2.
5. Театральный октябрь : сборник. I / [ред. А. Гвоздев, Вс. Мейерхольд, Рафаил, Зинаида Райх, В. Ф. Федоров]. Ленинград ; Москва : Тип. Торговой Палаты, 1926. 182, [2] с., 4 л. ноты : табл., ил. ; 24 см. Б. ц. Текст (визуальный) : непосредственный.
6. О ликвидации театра им. Вс. Мейерхольда // Правда. 1938. № 8 (7333). С. 2.
7. Кружок по изучению Северного края при Пермском университете и его деятельность (Краткий отчет. Янв. 1923–март 1924 гг.) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 97–100.
8. Блюм А. В. Блокадная тема в цензурной литературе // Нева. 2004. № 1. С. 4.
9. Иванова Т. Г. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 3. (Ежегодник Рукописного отдела на 1995 год);
10. О неисправимых историках и служебной роли краеведения // Уральский рабочий. 1929. 4 апр. С. 2.
11. Пикулева С. В. Богословский Павел Степанович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 93.

References

1. Grashchenkov I. Tsenzura literaturnogo tvorchestva i pechati v SSSR (1929-1941 gg.) [Censorship of literary creativity and the press in the USSR (1929-1941)]. *Vlast'* [Power]. 2008, no. 6, pp. 85-88. (In Russ.).
2. Varlamova S. F. K istorii sozdaniya i razvitiya spetsfondov Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina [On the history of the creation and development of special funds of the State Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin]. *Tsenzura v tsarskoy Rossii i Sovetskom Soyuze* [Censorship in Tsarist Russia and the Soviet Union]. Moscow, Rudomino, 1995, pp. 161-167. (In Russ.).
3. Blyum A. V. Zapreshchennye knigi russkikh pisateley i literaturovedov. 1917-1991: Indeks sovetskoy tsenzury s kommentariyami [Banned Books by Russian Writers and Literary Scholars. 1917-1991: Index of Soviet Censorship with Comments]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet kul'tury i iskusstv, 2003, 403 p. (In Russ.).
4. Kostitsyna M. I. Vozvrashcheny iz zabveniya [Returned from oblivion]. *Uchitel'* [Teacher]. 1990, no. 14, p. 2. (In Russ.).
5. *Teatral'nyy oktyabr'* [Theatre October]. Leningrad, Moskva, Tip. Torgovoy Palaty, 1926. 182, [2] p. (In Russ.).
6. O likvidatsii teatra im. Vs. Meyerhol'da [On the liquidation of the Vs. Meyerhold Theatre]. *Pravda* [Is it true]. 1938, no. 8 (7333), p. 2. (In Russ.).

7. Kruzhok po izucheniyu Severnogo kraya pri Permskom universitete i ego deyatel'nost' (Kratkiy otchet. Yanv. 1923-mart 1924 gg.) [The Circle for the Study of the Northern Region at Perm University and its Activities (Brief Report. Jan. 1923–March 1924)]. *Permskiy kraevedcheskiy sbornik* [Perm collection of local history]. Perm, 1924, iss. 1, pp. 97-100. (In Russ.).
8. Blyum A. V. Blokadnaya tema v tsenzurnoy literature [The blockade theme in censored literature]. *Neva* [I don't think so]. 2004, no. 1, p. 4. (In Russ.).
9. Ivanova T. G. Bogoslovskiy i ego fond v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma [Bogoslovsky and his collection in the Manuscript Department of the Pushkin House]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela na 1995 god* [Yearbook of the Manuscript Department for 1995]. P. 3. (In Russ.).
10. O neispravimyykh istorikakh i sluzhebnoy roli kraevedeniya [On incorrigible historians and the service role of local history]. *Ural'skiy rabochiy* [Ural worker]. 1929, 2. (In Russ.).
11. Pikuleva S. V. Bogoslovskiy Pavel Stepanovich [Bogoslovsky Pavel Stepanovich]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg, Akademkniga, 2000, p. 93. (In Russ.).

Информация об авторе

О. Р. Кудрявцева – главный библиотекарь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

O. R. Kudryavtseva – Chief Librarian,
Perm State Humanitarian and Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 10.07.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Филатов Н. М. КОМСОМОЛЬСКИЙ ЭТАП КАРЬЕРЫ Ю. П. ТРУТНЕВА	7
ФИЛОЛОГИЯ	16
Каргаполов Е. П. СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА ОМСКОГО ПОЭТА АНДРЕЯ КЛЮЧАНСКОГО.....	16
Лумпова М. А. «РИСУНКОВ К “ДВЕНАДЦАТИ” Я СТРАШНО БОЯЛСЯ». ПРОБЛЕМЫ ИКОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРВОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ «ДВЕНАДЦАТИ» А. БЛОКА	28
Графова О. И., Рязанцев К. А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАНИФЕСТА ДЖ. ПРАЙС «STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO»	38
Архипова И. В. ТИПОЛОГИЯ НЕМЕЦКИХ ДЕВЕРБАТИВОВ В АСПЕКТЕ ИХ ТРАНСФОРМИРУЕМОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ	45
Яркова В. В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ПОЛЯ РЕЧИ В АСПЕКТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ	53
Невельсон Е. Ю. ИСТОРИОГРАФИЯ КАТЕГОРИИ ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	65
Кудрявцева О. Р. ЦЕНЗУРНАЯ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	80

CONTENTS

HISTORY	7
Filatov N. M. KOMSOMOL STAGE OF Y. P. TRUTNEV'S CAREER	7
PHILOLOGY	16
Kargapolov E. P. ORIGINALITY OF THE ARTISTIC METHOD OF THE OMSK POET ANDREY KLUCHANSKY	16
Lumpova M. A. «I WAS TERRIBLY AFRAID OF THE DRAWINGS FOR “THE TWELVE”». THE PROBLEMS OF ICONOLOGICAL ANALYSIS OF THE FIRST ILLUSTRATED EDITION OF “THE TWELVE” BY A. BLOK	28
Grafova O. I., Ryazantcev K. A. LINGUISTIC ORIGINALITY OF THE MANIFESTO GENRE IN THE BOOK «STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO» BY J. PRICE	38
Arkhipova I. V. TYPOLOGY OF GERMAN DEVERBATIVES IN THE ASPECT OF THEIR TRANSFORMABILITY IN STATEMENTS WITH TEMPORAL PREPOSITIONS	46
Iarkova V. V. PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF SPEECH VERBS IN THE ACTUALIZATION OF INSTRUMENTALITY	53
Nevelson E. Yu. THE HISTORIOGRAPHY OF THE CATEGORIES OF LINGUISTIC TOLERANCE: PROBLEMS AND PROSPECTS	65
Kudryavtseva O. R. CENSORED AND ILLEGAL LITERATURE IN THE COLLECTIONS OF THE LIBRARY OF THE PERM STATE HUMANITARIAN AND PEDAGOGICAL UNIVERSITY	80

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2024. № 15

Ответственный редактор выпуска

Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска

Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником

Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 15.10.2024

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115

тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)

e-mail: rio@pspu.ru